

Бертрус
СМОЛА

Дикарка
Жасмин

Сага о Скай О`Малли

Бертрис Смолл

Дикарка Жасмин

«АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Дикарка Жасмин / Б. Смолл — «АСТ», 1996 — (Сага о Скай О`Малли)

ISBN 978-5-17-099022-1

Небо определило Жасмин, восхитительной, как экзотический цветок, дочери Великого Могола и пленной английской аристократки, странную судьбу. Приключения приводили красавицу в разные страны, опасности окружали ее, но самым невероятным и прекрасным приключением девушки стала любовь — пылкая, страстная, пламенная любовь мужественного, неукротимого ирландца Рори Магуайра...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099022-1

© Смолл Б., 1996

© АСТ, 1996

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
1	10
2	23
3	43
4	58
5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

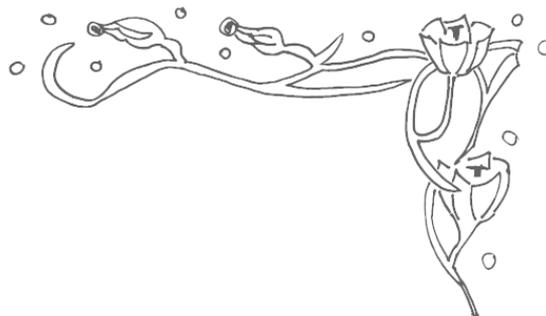
Бертрис Смолл Дикарка Жасмин

© Bertrice Small, 1996

© Перевод. А.А. Соколов, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог Индия Февраль 1591 года

Он не мог оторваться от окна башни, но смотреть было не на что. Дорога, ведущая к побережью, простиралась в бесконечность – караван исчез. Не осталось даже легчайших клубов сероватой пыли над горизонтом, обозначающей его движение. Он не знал, сколько простоял так у окна. Серые рассветные сумерки сменились жарким ослепительно желтым светом дня. В кронах деревьев вокруг дворца загудели и запели насекомые – явный признак теплой погоды, – а ему было все же холодно.

Он почувствовал влагу на лице и, потрогав его рукой, понял, что беззвучно плачет. А ведь он не плакал с детства, когда был совсем маленьким. Слезы не были в его характере – человека доброго и мягкого. Он пристально посмотрел на свидетельство своего горя, тускло мерцающее на кончиках пальцев. Потом потер непереносимо ноющую грудь. Его глаза снова скользнули по дороге, убегающей в переменчивом свете, и ничего не различили. Она уехала.

Эта мысль тяжело билась в голове Акбара, Великого Могола Индии. Он отвернулся от окна и опустился на длинную кушетку без ручек, покрытую парчовой накидкой в красную и темно-синюю полоску – единственная мебель в его маленькой комнате. Он онемел от боли величайшей потери. Кандра. Его прекрасная и самая любимая молодая жена. Оторванная от него злым поворотом судьбы. Боль в груди становилась сильнее и острее, и Акбар не знал, сможет ли ее пережить. Кандра, Кандра, Кандра... Ее имя стучало в мозгу, все вокруг кружилось.

Когда он пришел в себя, уже опять наступила ночь. Лунный свет посеребрил комнату, где он оставался в разрывающем душу уединении. Рот пересох, и, несмотря на жару, стоящую в это время года, он сильно мерз. Великий Могол попытался привести себя в порядок. Кандра, его английская роза, уехала. А дочь Ясаман как будто никогда и не существовала. От жуткой мысли он передернул плечами. Кандра была реальной – теплой и трепетной, – жила всеми радостями жизни. Быть может, потому что была так молода? Но нет, дело не только в этом.

Английская девочка, которую пленницей привез ему Португалец, была умной и смелой. Ей было трудно примириться с мыслью, что она так далеко от родины и никогда ее больше не увидит. Однако она сумела это сделать, а сумев, согласилась жить с ним. Он любил ее, любил до сих пор и верил, что и она полюбила его. Она сказала, что полюбила, а Кандра была не из тех женщин, что скрывают свои чувства.

Теплый ночной ветер принес в его комнату запах жасмина, и Акбар глубоко вздохнул, как будто от боли. Жасмин, Ясаман на индийском наречии, был любимым цветком Кандры. Его именем она даже назвала ребенка. Их ребенка! Что с ней станет?

Когда дядя Кандры, священник, прибыл, чтобы вернуть ее домой, Акбар вынужден был отдать любимую женщину семье, другому мужу, который, он думал, был мертв, но каким-то чудом уцелел и горел желанием вновь обрести жену. У него не было другого выхода, как отослать Кандру обратно, но он не позволил ей взять с собой ребенка, потому что был старше и мудрее ее. В семье Кандры Ясаман сочли бы незаконнорожденной, и Бог знает, что может случиться с девочкой. А здесь, с отцом, она вырастет принцессой из королевской семьи Моголов, потому что она ею и была. Она будет счастлива и любима. Акбар знал, что мир Кандры не может гарантировать будущего его младшей дочери. Кандра не хотела оставлять ребенка, и Акбар был вынужден опохмелить жену дурманящим средством. Но она это поняла, в полузабытьи сползла с кровати, где они вместе лежали, и доползла до колыбельки девочки. Неотрывно и долго смотрела на дочь, а потом подняла прекрасные изумрудно-зеленые глаза и еле слышно проговорила: «За это я тебя никогда не прощу». Ему было больно, он едва не уступил, если бы не сознавал, что эти слова – от безысходности судьбы.

«Помни, я тебя люблю, – ответил он ей. – Моя любовь не кончится никогда».

«И я, да поможет мне Бог, люблю тебя, мой господин Акбар, – прошептала она. – Не забывай меня».

«Никогда, – в тот миг он выдохнул это слово и сейчас с силой повторил его. – Никогда, моя любовь, моя прекрасная английская роза. Я никогда тебя не забуду!»

Если колесо любви привести в действие, для нее не существует никаких законов. Слова любви, сама любовь была с ним, ни времени, ни расстояния – ничего не было между ними. И теперь он слышал последнее прощай Кандры, перед тем как она погрузилась в наркотическую дремоту. Спящую, он сжимал ее в объятиях, прежде чем расстаться. И теперь, когда воспоминания об этой минуте так живо пришли на память, Акбар вновь почувствовал стеснение в груди и пронзительную боль в голове, лишившую его сознания.

– Акбар! Акбар! Открой дверь! – Яростный стук разбудил его, и, неуверенно поднявшись на ноги, он увидел, что снова день. Но который день? Он вспомнил боль, но не представлял, сколько времени пролежал сраженный. Кто-то звал его? Или это игра болезненного воображения? До странности неловкими пальцами он отпер и растворил дверь.

– Сын!

Пораженный, он узнал мать. Что она здесь делает? Ведь она не живет во дворце.

– Сын! – Хамила Бану Бегум¹, а для ближних Мариам Макани, была худощавой, изящной женщиной. Годы ее пощадили, хотя жизнь, особенно в юности, была не всегда легкой. Темные в девичестве волосы с годами тронула седина. Только одна прядь черного дерева, как дорога, пролегла посередине головы. На миниатюрном лице было немного морщин, в темных глазах сквозила мысль. Сейчас в ее глазах стояли слезы сочувствия. Хотя Акбар и был самым влиятельным правителем Востока, для нее он прежде всего оставался сыном. И его горе было ее горем.

– Мать! Почему ты пришла? – спросил он мягко.

– Твои жены Ругайя Бегум и Иодх Баи послали за мной. Они рассказали мне об участии Кандры. Я горюю с тобой, сын. – Добрая рука Мариам Макани потянулась к его лицу. Она погладила его и вздохнула. Акбар был без тюрбана, и его длинные волосы рассыпались по плечам. Когда она видела сына в последний раз, они отливали черным, а сейчас, как и борода, были белы, как снег.

– Тебе совсем не обязательно было приезжать, мама, – заметил он. – Я знаю, как ты не любишь дорогу.

¹ Дочь мусульманского военачальника в Синде, на которой женился Хумаюн, отец Акбара. Ей было тогда 14 лет. Акбар родился в 1542 г. – *Примеч. ред.*

– Акбар, сын мой, – тихо ответила она, – а ты знаешь, сколько времени пробыл в этой комнате? Караван Кандры отправился четыре утра назад. – Пораженный, он взглянул на мать, а она продолжала: – Жены уважают твою горе, но Ругайя Бегум и Иодх Баи испугались, когда ты не ответил на их зов. Они не осмелились выломать дверь и решили послать за мной. В прошлом ты много горевал, но всегда на виду у тех, кто тебя любит. А в этот раз заперся один. Они не знали, что и подумать. К тому же нам не хотелось, чтобы у моего дорогого внука Салима сложилось о твоей печали ложное представление. Ведь он так быстро делает выводы. – Ее глаза светились теплотой. Акбар не был удивлен:

– Ты права, мама. Салим очень прыток и использует любой предлог, чтобы занять эту половину дворца. Но ему не удастся. Он не станет правителем, я пока не умер.

– Я не это хотела сказать... – начала изумленная Мариам Макани, но Акбар перебил ее:

– Мой наследник таков, каков он есть. Порывистый. Нетерпеливый. Жаждающий занять мое место. Это правда, и мы оба это знаем. Даже если ты не признаешь открыто. Салим льнет к тебе, как он делал это всегда. А ты в нем души не чаешь, как и во мне. Ты ведь, мама, с юности была неравнодушна ко всем мужчинам-Моголам.

Мариам Макани усмехнулась, но тут же снова посерьезнела:

– А что станет с нежнейшей из моих внучат? С Ясаман?

– Я отдал ее на воспитание Ругайе Бегум, – ответил он. – Она мечтала иметь от меня ребенка все годы нашего брака. Она моя первая жена, но я ничего не мог сделать, потому что она бесплодна. Она была подругой Кандры и с самого рождения полюбила Ясаман. Она будет хорошей матерью принцессе.

Согласная с его решением, Мариам Макани наклонила голову:

– А моя внучка будет, когда подрастет, считать Ругайю Бегум своей настоящей матерью? – спросила она. Акбар покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Важно, чтобы Ясаман знала, откуда родом. Англичане скоро начнут торговать с Индией.

– Ай-ай-ай! – воскликнула мать, коротко ударив себя в грудь. – Тебе недостаточно на нашей земле прежней чумы – заносчивых португальцев. Хочешь впустить сюда других варваров?

– Португальцы сделались заносчивы из-за моей доброты, – возразил матери Акбар. – Некоторые ведут себя как завоеватели, а я терплю. Пусть англичане приходят в Индию. И тогда вместо того, чтобы доставлять неприятности нам, они, борясь здесь за превосходство, будут доставлять неприятности друг другу. Кандра говорила, что англичане – справедливые, честные люди. – Он похлопал мать по руке. – Просто ты не любишь иностранцев и их привычки. Признайся в этом, ведь у тебя нет других недостатков.

– Мое недоверие к чужеземцам и их привычкам вовсе не изъян в характере, – резко ответила она сыну и, слегка стукнув его указательным пальцем по щеке, добавила: – Не вздумай меня критиковать, Акбар. Ты всю жизнь искал правду и успел позабыть, что гласит Святой Коран: рай покоится у ног матери. А теперь перестань горевать об английской жене, выходи отсюда – тебе надо управлять своими владениями. Ты – Акбар, Великий Могол, а не влюбленный мальчишка, которому первый же его роман разбил сердце. Иди и подбери свой тюрбан. Он свалился с твоей головы. А волосы у тебя, сын, поседели от горя. Ты ведь никого не хочешь этим напугать?

– Я сбрею их, – отозвался он, – в доказательство своей печали по Кандре.

– И усы тоже, – кивнула она. – Я сама пойду и принесу бритву и воду. Никто не должен этого видеть, сын мой. – Мариам Макани повернулась. Шелка ее одежды цвета сливы грациозно обвилились вокруг тела.

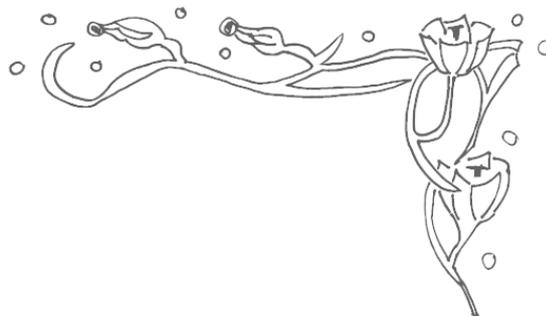
– Принеси одежду, мне надо переодеться, мама, – бросил он ей вслед. Затем вернулся в комнату, чтобы в последний раз посмотреть в окно. День был ясным и жарким, как и четыре

утра назад, когда его возлюбленную оторвали от него. На дороге вдоль побережья – ни души, и все тот же гул насекомых в деревьях вокруг дворца. Акбар вздохнул. Кандра уехала. Он никогда не увидит ее прекрасного лица, не будет любить ее совершенное тело. Ему остались только воспоминания. Воспоминания и их дочь Ясаман. Злой рок не позволил ему оправдать ожиданий Кандры – он не сумел изменить ее судьбу. Но с Ясаман будет иначе. Девочка – это все, что осталось от их короткой, но замечательной любви. Нет, нет, с Ясаман все будет иначе.

Часть 1

Ясаман

Индия 1597–1605

1

Смех со звонкими шаловливыми нотками донесся от высоких кустов орхидей, грациозно парящих в послеполуденном весеннем воздухе.

– Моя принцесса! Ты где? – Главный евнух Ясаман Камы из слуг Бегум беспокойно шел через сады Великого Могола. – Куда подевался этот бесенок Азраила²? – напыщенно бормотал он, потом остановился и прислушался, но лишь шумный птичий щебет донесся до его насто-роженного слуха.

– Адали! Ты еще не нашел Ясаман? – нетерпеливо окликнула его Ругайя Бегум с открытого балкона во дворце принцессы.

– Нет, госпожа, но найду, – отвечал евнух и тут снова услышал хохот ребенка. В его карих глазах появилась хитреца, и он закричал льстивым голосом: – Я тебя слышу, принцесса. Иди к Адали, и он даст тебе твои любимые цукаты. – И вновь никакого ответа, лишь гомон птиц.

– Адали! Скоро здесь будет Мариам Макани. – Ругайя Бегум начала нервничать. Теперь она стояла в галерее с колоннами, выходявшей прямо в сады. Бабушка Ясаман была самой высокопоставленной дамой в королевстве, и никто не посмел бы заставить ее ждать, когда она приходила с визитом. Ругайя Бегум тяжело вздохнула: Ясаман – шаловливый ребенок, но зачем сегодня ей надо всех мучить?

– Ты взволнована, тетя.

Ругайя Бегум подскочила, испуганная голосом принца Салима.

– Салим! О Аллах! А твоя бабушка уже здесь? – Ее лицо исказилось, словно от боли.

– Бабушка собирается сюда? Сегодня? Я не знал, – ответил принц. – Нет, со мной ее нет. А отчего ты так взволнована?

– Мариам Макани вот-вот будет здесь, – ответила Ругайя Бегум, – а твоя маленькая сестренка решила поиграть с нами в одну из своих игр. Адали не может ее найти. Она прячется от нас в садах и ни за что не выйдет!

Принц Салим снисходительно хмыкнул:

– Сейчас я ее выволоку, – и направился по ступеням из колоннады в сад. – Ясаман, сладость моя, ты где? – позвал он нежным голосом.

– Салим? Это ты? – откликнулся голос сестры.

² Азраил – ангел смерти у иудеев и магометан. – *Примеч. пер.*

– Это я, моя обожаемая. Выходи! С минуты на минуту приедет бабушка. А ты знаешь, как она не любит, когда ее заставляют ждать. – Его взгляд скользил по зелени, стараясь уловить какое-нибудь движение, которое выдало бы девочку.

– А ты меня найди! – игриво подтрунивала она над ним.

Он рассмеялся. Разве можно было представить шесть лет назад, когда родилась Ясаман, что он, тогда уже взрослый мужчина, так очаруется этим маленьким человечком. Его собственные дети никогда его так не трогали. А эту девочку, сводную сестру, он обожал.

– Ну хорошо, противная обезьянка. Сейчас я тебя найду. И уж тогда нашлаю твой маленький задик, чтобы больше меня уважала, – пригрозил принц.

В ответ Ясаман прыснула.

Салим оглянулся на тетю и заметил, что она нервничает еще больше. Времени для нежностей, судя по всему, не осталось. Он внимательно осмотрел сад и вскоре заметил клочок красной кисеи посреди Королевских Корон. Он тихо подкрался и с громким криком кинулся на притаившуюся жертву. С возгласом удивления она вывернулась у него из рук, темные волосы летели и металась за ней. Но Салим был быстрее. Он снова поймал сестру, поднял ее и понес, яростно отбивающуюся, туда, где ждала Ругайя Бегум. Крепкий, но нежный шлепок по мини-атюрным ягодицам девочки на время ее успокоил.

– Вот ваша дочь, тетя. – Салим поставил на землю босоногую сестру, но продолжал держать руку на ее голове.

– Спасибо, Салим, – поблагодарила Ругайя Бегум. – Ты останешься подкрепиться с нами, когда приедет бабушка? Она будет рада застать тебя здесь.

– Спасибо за приглашение, тетя, – поблагодарил он. – Я останусь.

– А как ты меня нашел? Ведь Адали не смог? – спросила Ясаман, глядя снизу вверх на брата бирюзовыми глазами, в которых горело любопытство.

– Я внимательно оглядел сад, обезьянка, и заметил край твоей юбки, – ответил он с улыбкой превосходства. – Среди желтых Королевских Корон трепетал лоскуток ярко-красного.

– У Адали глаза не так остры, как твои, братец, – заметила Ясаман, когда евнух, шумно отдуваясь, подошел к ним.

– Я отведу ее к Торамалли и Рохане, чтобы ее приготовили, – сказал Адали Ругайе Бегум, беря маленькую ручку Ясаман в свою. – Какая ты непослушная, принцесса, – журил он юную госпожу по дороге во дворец.

– Все время быть хорошей так скучно, Адали, – отвечала ему девочка.

Ее откровенность вызвала улыбки на лицах и Ругайи Бегум, и принца Салима.

– Правда ведь, она доставляет вам много радости, тетя, – заметил молодой человек.

– В ней вся моя душа, – спокойно ответила Ругайя Бегум. – Даже если я на нее сержусь. Я задаю себе вопрос, часто ли думает о ней Кандра?

– Может быть, и часто, – предположил принц. Он почти не знал молодую англичанку – жену отца. Слишком короткое время она была с ними. – А может быть, и не думает вовсе. Ведь она вернулась к другому мужу, и у нее наверняка другие дети. И те дети, и заботы о них отвлекли ее мысли от Ясаман.

– Как может женщина забыть своего первенца? – возмущенно спросила Ругайя. – Не поверю, чтобы Кандра перестала думать о дочери. Она не из тех женщин.

Принц пожал плечами:

– Разве она написала хоть одно письмо за те почти шесть лет, что уехала отсюда? Ей что же, не интересно узнать, как живет ее ребенку?

– Так было условлено, – терпеливо объяснила Ругайя. – Чтобы ей не было слишком больно.

Салим снова пожал плечами:

– Отец был прав, не отпустив Ясаман. Здесь она в безопасности и любима всеми, кто ее знает. В той чужой земле было бы не так.

– Как ты можешь это знать наверняка? – возразила Ругайя Бегум, инстинктивно в глубине души стараясь защитить мать девочки. Хотя и разделенная многими годами, Кандра оставалась ее подругой.

Прежде чем принц сумел ответить, вошел слуга и объявил:

– Свита королевы-матери приближается, милостивая госпожа.

– Пошли за принцессой Ясаман, – распорядилась Ругайя. – Она должна приветствовать здесь Мариам Макани.

– Уже сделано, милостивая госпожа, – ответил слуга с оттенком самодовольства.

– Твое прилежание и предусмотрительность, Али, достойны похвалы, – сухо заметила Ругайя Бегум, отсылая слугу.

– Мама Бегум! Мама Бегум! – Ясаман, пританцовывая, выбежала в галерею. Ее ярко-красную юбку сменили на кисейную небесно-голубую с золотыми пятнышками в виде монет. По подолу она была оторочена золотой лентой. Блузка с короткими рукавами расшита золотом, а скромный вырез у шеи, казалось, не вязался с широкой полосой открытого тела между нижним краем и поясом юбки. К юбке были подобраны и туфли, надетые на узкие, изящные ступни девочки. Черные как смоль волосы зачесаны назад и заплетены в одну длинную косу. Руку Ясаман украшал маленький браслет с розовыми бриллиантами, такие же бриллианты красовались в мочках ее ушей. Удивительные голубые глаза были подведены, отчего, казалось, сияли еще ярче.

– Мама Бегум! – настойчиво повторила Ясаман в третий раз, а когда привлекла внимание Ругайи, победно улыбнулась. Сложив руки ладонями вместе, она очаровательно склонила голову и спросила: – Как ты думаешь, старая королева, моя бабушка, будет мной довольна?

– Думаю, что да, – уверила Ругайя Бегум ребенка, – но ты, моя маленькая, не должна называть Мариам Макани «старой королевой». Твоя бабушка – знатнейшая дама в нашем краю.

– Тетя, а зачем ей подвели глаза? – неожиданно спросил Салим. Ему показалось, что так она выглядит старше своих шести лет. Впервые в маленькой сестренке он вдруг увидел женщину, и открытие поразило его.

– Сегодня особый случай, Салим, – ответила Ругайя Бегум с улыбкой.

– Не уверен, что мне так нравится, – продолжал принц. – Она похожа на танцовщицу.

– Салим! – воскликнула шокированная Ругайя Бегум.

– А кто такая танцовщица? – подхватила Ясаман.

– Красивая девушка, которая танцует, – быстро ответила мать. – Но ты не танцовщица, ты – принцесса. Салим! Немедленно извинись перед сестрой. – Темные глаза Ругайи зло сверкнули на старшего сына и наследника мужа. Ведь танцовщицы зачастую были проститутками. И то, что Салим мог при сестре сказать это слово, расстроило Ругайю Бегум.

– Извините, тетя, я никого не хотел обидеть. Просто неудачно выразился, стараясь объяснить, что мне не нравится в наружности Ясаман. Мне следовало сказать, что краска не подходит для шестилетней девочки. – Принц взял руки Ругайи в свои и коснулся их лбом, демонстрируя послушание.

– Мне уже шесть с половиной, – прикрикнула на брата Ясаман, и выражение ее лица так походило на Акбара, что и Салим, и Ругайя Бегум не смогли удержаться от смеха.

– Приятно входить в дом, где так хорошо смеются, – послышался сильный приятный голос, и в сад вступила улыбающаяся королева-мать.

– Бабушка! – Ясаман бросилась к пожилой даме и, обвив ручонками шею Мариам Макани, поцеловала ее в щеку.

– Дай-ка мне на тебя посмотреть! Дай-ка посмотреть, – произнесла бабушка, освобождаясь от обнимающих ее рук.

Ясаман грациозно повернулась.

– Ну конечно, – подметила Мариам Макани, – с тех пор как я была здесь в последний раз, ты вытянулась. А ты хорошо учишься, моя девочка? Твой отец хочет, чтобы его дети не росли неучами. Он дал образование не только твоим братьям, но и старшей сестре.

– Да, бабушка, я хорошо учусь, – заверила Ясаман. – Я могу считать. Изучаю историю нашего народа, французский, португальский и английский, который, как мне сказали, был языком Кандры Бегум.

– А кого, девочка, твой отец выбрал тебе в учителя? – Темные глаза Мариам Макани светились любопытством.

– Священника, бабушка. Его зовут отец Куллен Батлер. Он такой забавный – не то что тот мрачный старый отец Ксавье и другие священники. Отец Куллен смеется над обезьянкой Баба и ее проказами. Он приносит ей даже угощение и не называет отродьем дьявола, как отец Ксавье. Баба съела его четки, – прошептала Ясаман доверительно. – Он целый день не мог прийти в себя.

– Не люблю я этих христиан, которым сын позволил приехать в страну, – проворчала Мариам Макани.

– Они влияют на моего господина Акбара не больше, чем муллы, священники-буддисты, индуисты и джайнисты, – успокоила Ругайя Бегум свекровь и, взяв за руку, повела во дворец. – Прошу к столу, милостивая госпожа.

– Салим! – позвала Мариам Макани, и он поспешил подойти к ней. – У тебя все в порядке? У тебя, твоих жен и детей?

– Все хорошо, бабушка. Спасибо за заботу. Счастлив тебя видеть цветущей здоровьем. Ты до сих пор красива, как молодая женщина. – Салим поцеловал ее в щеку.

– Лъстец! – Она хмыкнула, но была довольна лестью. – Ты подкрепишься с нами?

– Госпожа Ругайя Бегум сообщила мне о твоём приезде. Я ни за что бы не уехал отсюда, не повидавшись с тобой. Буду рад сесть с тобой за стол, – отвечал ей Салим.

Они устроились у сверкающего пруда, протянувшегося почти во всю длину парадного зала. Свет проникал сюда сверху, просачиваясь сквозь решетчатый потолок из яшмы, устроенный под куполом, венчающим дворец. Большие фарфоровые вазы, украшенные голубым рисунком, выстроились вдоль стен уютного зала. Их наполнили длиннолиственными кардамонами с узорами бело-голубых и желто-зеленых цветов, желтыми, кремовыми и белыми трубочками имбирных лилий, заливавших воздух ароматами. Сверху свисал золотой канделябр, освещающий вечерами зал. Таким помещением было при Кандре, таким осталось и теперь. Ругайя Бегум лишь расставила у воды несколько кушеток и маленьких низких столиков из бронзы и черного дерева.

Слуги, незаметные в белых одеждах, неслышно ступая, вынесли блюда с ломтиками свежей дыни, грейпфрута, маленькими бананами и миниатюрным печеньем из толченого ореха, измельченного кокоса и меда. Белые с голубым фарфоровые чашки с ассамским чаем, в который для аромата добавили гвоздику, передали по кругу. На стол поставили блюдечки с фисташками и кедровыми орешками. Старший брат обнял Ясаман. Она хихикала от удовольствия, когда он кормил ее сладостями, а сам покусывал ее палец, если она давала ему кусочек фрукта или печенья.

– Приятно видеть любовь между старшим и младшей, – заметила бабушка с улыбкой.

– Он портит ее, – возразила Ругайя Бегум, – как и отец, когда приходит ее навестить.

– Когда моего сына больше не будет здесь, старший брат станет могущественным союзником и защитником Ясаман, – мудро ответила Мариам Макани невестке.

– К тому времени Ясаман будет давно замужем, – не согласилась Ругайя Бегум. – Муж ее защитит.

– Ее муж не будет Великим Моголом. А Салим будет, – колко сказала королева-мать.

– Бабушка, а почему не женятся брат и сестра? – спросила Ясаман, прислушиваясь к их разговору. – Я не могу вообразить себе лучшего мужа, чем брат Салим.

– Не следует смешивать кровь столь близких людей, – ответила пожилая женщина. – Любая вера считает омерзительным, когда брат и сестра знают друг друга как мужчина и женщина. Спроси своего священника. Это одна из немногих вещей, в которых мы с ними сходимся.

– А вот культура Древнего Египта, – вступил в разговор Салим, – требовала, чтобы прайвитель женился на сестре, чтобы их царскую кровь не запятнали чужаки. Только их дети могли наследовать египетский трон.

Ясаман невинно рассмеялась:

– Тогда, братик, когда вырасту, я выйду замуж за тебя, и наши дети тысячу поколений будут управлять Индией. – Она обвила его шею руками и поцеловала в губы. Потом лукаво посмотрела на других.

– Когда ты вырастешь, Ясаман, – прервала ее Ругайя Бегум, – ты выйдешь замуж за самого красивого юного принца. Он приедет за тобой на прекрасном слоне. Животное украсят шелками и драгоценностями, а на спине укрепят золотой паланкин. У твоего принца будут темные глаза и нежный голос, чтобы петь тебе любовные песни. Он увезет тебя в свое королевство, где ты родишь ему много сыновей и вечно будешь счастлива. Смотри! Все это здесь, в чашке. – Ругайя Бегум повернула к ней белую с голубым фарфоровую чашку так, чтобы девочка видела черные чайные листья.

– Но я хочу выйти замуж за Салима. – Ясаман надула губы, глаза сделались непокорными.

– Нельзя, – отрезала бабушка. – Что скажут его дражайшие жены – Ман Баи, мать твоего племянника Хусрау и племянницы Султан ун-Низа Бегум, и Нур Яхан – его новая страсть, на которой он женился меньше года назад? Ты ранишь их чувства, если украдешь у них Салима.

– Они уже старые. – Ясаман скривила лицо. – Ман Баи больше двадцати лет по крайней мере на три года. А когда я буду готова выйти замуж, постареет еще. И Нур Яхан тоже.

Салим рассмеялся.

– Какая ты злюка, сестренка, – сказал он снисходительно и, оторвав от одежды яркий драгоценный камень, дал ей.

Она смотрела на брата с обожанием.

– Ясаман, я привезла тебе подарок, – перебила Салима Мариам Макани, стараясь сменить тему.

Естественная детская жадность заставила девочку выскользнуть из рук старшего брата и повернуться к королеве.

– Что ты мне привезла, бабушка? Что-нибудь, что можно надеть? Или с чем можно поиграть?

– Ты истинный Могол, дорогая, – рассмеялась пожилая женщина над нетерпением внучки. – Твои руки всегда готовы схватить все, что ты пожелаешь или думаешь, что желаешь. – Она кивнула своему слуге, который стоял за кушеткой. Евнух поспешил прочь, но через мгновение вернулся с прелестнейшей птицей на ладони. К золотому кольцу на левой ноге ее была прикреплена толстая золотая цепочка, которую сжимал евнух.

Птица была большой, с великолепным оперением: с ярко-золотистой грудкой и небесно-бирюзовыми крыльями и хвостом. У большого крючковатого клюва темнело синее пятно. На голове – хохолок из зеленых перьев. В незнакомой обстановке птица нервничала, хлопала крыльями, показывая золотисто-желтые подкрылья.

– Попугай! – От восхищения Ясаман широко раскрыла глаза. У нее были пони и слон, она любила животных.

– Его зовут Хариман, – начала Мариам Макани.

– Как попугая раджи в сказании о принцессе Лабам, – возбужденно перебила ее девочка.

– Быть может, это одна и та же птица, – загадочно ответила старая королева и взглянула на попугая. – Хариман! Вот твоя новая госпожа. Поздоровайся с ней!

Ко всеобщему удивлению, попугай поднял правую лапку, слегка кивнул головой и скрипучим голосом произнес: «Живи тысячу лет, госпожа!»

– Ох, – задохнулась от испуга Ясаман. – Бабушка, он говорит. Хариман говорит.

– Конечно, говорит, моя милая, – согласилась, улыбаясь, она.

– Вы привезли Ясаман замечательный подарок, – заговорила Ругайя Бегум, и, прежде чем успела упрекнуть дочь в плохих манерах, девочка восторженно воскликнула:

– Большое спасибо, бабушка! Я никогда не получала лучшего подарка!

– У Харимана есть своя хранильница, – сказала Мариам Макани. – Выйди познакомиться с новой госпожой, – приказала она, и их взорам предстала очень маленькая женщина. – Она взрослая, хотя ростом всего три фута. Она знает, как кормить и ухаживать за Хариманом. Ее зовут Бална.

Бална упала на колени, коснувшись лбом туфель Ясаман:

– Вся моя жизнь в служении тебе, принцесса.

– Встань, Бална, – произнесла девочка. – Почему ты такая маленькая?

– Так было угодно Аллаху, – отвечала служанка, поднимаясь на ноги.

– А сколько тебе лет?

– Шестнадцать, принцесса, – ответила миловидная девушка с темной матовой кожей, выразительными янтарными глазами и черными волосами, аккуратно заплетенными в две косы.

– А Хариман может говорить и другие слова? – поинтересовалась Ясаман.

– Конечно, может, принцесса. Но сейчас он устал от путешествия. И больше всего хочет устроиться с кусочком банана на своей жердочке.

– Я дам ему, – нетерпеливо воскликнула Ясаман и, прежде чем ее успели остановить, отломил кусочек чищеного банана и протянула его Хариману.

Попугай поднял голову и посмотрел прямо на Ясаман. Потом потянулся вперед, осторожно взял угощение из ее маленьких пальцев и отчетливо произнес: «Спасибо, госпожа».

– Бабушка, он меня благодарит. Попугай Хариман благодарит меня за банан, – возбужденно кричала девочка.

Зажав банан в лапке, птица повторила: «Спасибо, госпожа! Спасибо тебе», – и принялась есть.

Салим прыснул от смеха:

– Поистине ты привезла сестренке замечательный подарок, бабушка. Не помню, чтобы ты дарила что-нибудь подобное мне.

– Ты не заслужил, – грубовато ответила старая госпожа. – Не успел родиться, как стал то так, то эдак выступать против моего сына. Ясаман хоть уважает отца.

– Но ты же меня любишь, бабушка, – поддразнивал он ее, нежно обнимая.

– Люблю, – согласилась Мариам Макани, – но твой отец будет всегда первым в моем сердце, Салим.

– Ведь ты же так часто защищала меня от него, – возражал принц.

– Разве я могла поступать иначе. Ты – старший сын Акбара, его наследник. Ты должен понимать, что твое положение не только дает тебе привилегии, но и обязывает к преданности и уважению. Ты слишком жаждешь унаследовать то, что принадлежит твоему отцу, Салим.

Руки принца опустились.

– Я мужчина, бабушка, и не стремлюсь устранить отца. Но хочу, чтобы он полагался на меня, а не на других, таких как Абу-л Фазл.

– Глупый мальчишка, – раздраженно произнесла пожилая женщина. – Абу-л Фазл – историк твоего отца. И не больше. Он ведет лишь летопись его правления.

– Он его друг, – зло ответил Салим. – Отец спрашивает его, а не моих советов.

– Они постоянно вместе, – фыркнула Мариам Макани. – А ты, Салим, редко бываешь с отцом. И все же он любит тебя больше других детей, даже Ясаман. А если время от времени и спрашивает совета у Абу-л Фазла, то потому, что тот рядом, а ты далеко. У тебя своя жизнь и свои обязанности – семья, дети. Ты должен учиться управлять у отца. Но на этой земле ты править не будешь, пока жив Акбар. – Она пронзительно посмотрела на внука. – И пусть это будет через много лет после того, как умру я.

– Салим не сделает папе плохого, – убежденно вставила Ясаман.

– Конечно, я не сделаю дурного отцу, – подтвердил принц ровным голосом и, наклонившись, взял девочку на руки. – Мне нужно идти, обезьянка. Проводи меня до ворот. – Он погладил сестру по голове. – Твои волосы черны, как ночь, и мягки, как шелк, – проговорил он почти про себя.

– Его нужно лишь немного сдерживать, – заметила бабушка, глядя, как они удаляются.

– Он стремится властвовать и подчас не может этого скрыть, – ответила Ругайя Бегум. Глубоко любящая Салима, она не могла, подобно другим женщинам гарема, не видеть его недостатков. Как часто, оказавшись в немилости отца, Салим обращался к женщинам в доме, прося их вымолить расположение Акбара. И тот, благодарение Аллаху, всегда его прощал. Но когда-нибудь, опасалась Ругайя Бегум, может не простить. Когда Салим однажды перейдет невидимую грань в песках жизни.

– Он славный мальчик, – продолжала Мариам Макани.

– Он взрослый мужчина, имеющий жен и детей, – возразила Ругайя Бегум старой даме.

– Он лучший из сыновей Акбара.

– Да, это так, – признала Ругайя Бегум. – Мне жаль Мурада и Данияла. Они выросли в тени Салима. Как, должно быть, тяжело сознавать, что, как бы ты ни был хорош, придет время и Салим станет править тобой. Из-за этого они стали пить и принимать опиум, который их когда-нибудь убьет. У них нет силы воли отца. Так часто случается с сыновьями таких мужчин, как Акбар.

– Все из-за индийских женщин, на которых он женился, – проворчала Мариам Макани. – В них дурная кровь, и они рожают слабых сыновей.

– Мать Салима Раджпут из высшей касты, – напомнила Ругайя Бегум, – а он не слаб.

– Твоя правда, дорогая. Быть может, все оттого, что никто не может сравниться с моим сыном. Даже его собственные сыновья.

– Тебе не обмануть меня, Мариам Макани, – рассмеялась Ругайя Бегум. – Ты, как и другие женщины, души на чаешь в Салиме.

Пожилая дама усмехнулась.

– Признаюсь, – улыбнулась она. – Но как устоишь? Салим такой обаятельный.

Ругайя Бегум не стала больше спорить со свекровью о принце Салиме, а подала знак слуге налить свежего чая. Салим в самом деле был обаятельным, но это было опасное обаяние. Он пользовался им, чтобы получить все, что хотел, но в душе был властолюбивым и безжалостным. Ничто не могло устоять на пути его желаний.

Ничто и никто, кроме Акбара, который, закрывая глаза на недостатки сына, продолжал называть его детским именем, которое дал еще в младенчестве, – Шайкхо Баба.

Салим, однако, был добрым мужем и отцом, любил животных, хотя при случае мог проявить себя энергичным и даже страстным охотником. Он ценил красивые вещи и коллекционировал произведения искусства, в частности, европейские гравюры, которые ему особенно нравились. Он вставлял их в золотые рамы, украшенные растительным орнаментом Моголов. С каждым годом увеличивалась его коллекция китайского фарфора, а недавно он начал собирать изящные кубки для вина и кинжалы с драгоценными камнями в рукоятках.

Он был энергичен и любознателен, но подчас взбалмошен до каприза. Его неумный сексуальный аппетит одни считали достоинством, другие – слабостью, как и пристрастие к хорошему вину и, время от времени, – увлечение опиумом. Но он достаточно благоразумен, думала Ругайя Бегум, и знает свой долг, чтобы слишком часто, как его младшие братья, предаваться этим порокам. Но самое заветное желание Салима Мухамада – управлять Индией. Из-за этого он рискнул бы всем.

Возвратилась Ясаман, еще на бегу крича:

– Скоро Салим обещал меня взять на тигриную охоту. У Агры заметили несколько зверей. Можно, мама Бегум? Можно? Ну, пожалуйста, пожалуйста. – Она пританцовывала вокруг старших.

– Скоро, дочка, мы уезжаем в Кашмир, – ответила ей приемная мать. – Так хочет твой отец. Он считает, что большую часть года тебе надо проводить там, а не здесь, в Лахоре. Тот климат больше подходит для тебя.

– Я не хочу в Кашмир, – надулась Ясаман. – Я хочу на тигриную охоту с Салимом. Вечно мне не дают развлекаться.

«Не дают развлекаться, не дают развлекаться», – повторила красивая птица, печально покачав головой.

Секунду все в изумлении смотрели на попугая, а потом разразились смехом. Даже Ясаман не смогла сдержаться и захихикала, и ее плохое настроение тут же улетучилось.

– Попугай Хариман такой забавный, – зазвенел ее голос. Потом она повернулась к бабушке: – Правда, это лучший подарок, который я когда-либо получала?

Мариам Макани улыбнулась младшей внучке, отчего стали видны почерневшие от бетеля зубы:

– Я рада, что ты так счастлива. Хариман будет тебе напоминать обо мне, когда меня не будет рядом.

– А почему бы, бабушка, тебе не поехать с нами в Кашмир? – спросила Ясаман.

– Потому что, моя девочка, я старая дама и больше всего на свете люблю свой дом. Я много путешествовала в жизни, а сейчас выезжаю только тогда, когда хочу этого сама. А я не хочу. Мне лучше всего среди моих вещей.

– Мне нравится Кашмир, – воскликнула Ясаман. – Дворец, который папа построил для Кандры, озера и горы. Там так красиво.

– А Лахор тебе разве не нравится? – спросила бабушка.

– Не так, как Кашмир, – ответила девочка. – Лахор большой, шумный город. Я не люблю его стены. И не видно гор, пока не выйдешь из города. А земля такая сухая! Влажно только у самых каналов, которые несут воду из реки в город. Почему земля такая темная и твердая, когда рядом река?

– Не знаю, дорогая, – покачала головой Мариам Макани. – Спроси учителя. Христианские священники, говорят, все знают. – Она слегка нахмурилась и продолжила: – Но ведь здесь, во дворце, тебе живется неплохо. Ты не живешь в гареме, как другие женщины. В садах у тебя собственный маленький дом. Ты знаешь, что папа и мама Бегум играли здесь еще детьми?

Ясаман кивнула и улыбнулась:

– Мама Бегум говорила, что отец ловил здесь жуков и гонялся с ними за ней. Больших, черных, отвратительных жуков. – Она скривила лицо, подняла руки и пошевелила пальцами, изображая жука.

Ругайя Бегум отскочила в притворном ужасе, закричав:

– Не пугай меня, Ясаман, не делай этого! – И девочка вновь рассмеялась. Потом мать крепко прижала дочку к себе: – Не надо кривить свое красивое лицо, дорогая. Вот злой джинн увидит тебя и захочет околдовать, чтобы ты навсегда осталась такой.

– О нет, мама Бегум, – ужаснулась Ясаман. Ее небесные глаза расширились, она быстро огляделась и прильнула к матери.

Ругайя Бегум усмехнулась:

– Думаю, тебе пора проститься с бабушкой. И Бална, и попугай Хариман устали. Надо отвести их в комнаты. Передай их Адали.

– Хорошо, мама Бегум. – Девочка выскользнула из рук Ругайи и поцеловала ее в щеку. – До свидания, бабушка, – повернулась она к Мариам Макани. – Я так счастлива, что ты сегодня приехала к нам. – Она поцеловала старую даму в обе щеки. – Надеюсь, ты скоро снова к нам приедешь?

– И привезу тебе еще один замечательный подарок, внучка? – лукаво спросила Мариам Макани, глядя на нее довольными темными глазами.

– Нет, бабушка, ты никогда не сможешь сделать мне такого же замечательного подарка, как попугай Хариман, – воскликнула Ясаман и, взяв за руку хранительницу птицы, увела ее из зала.

– Сын еще не подобрал ей мужа? – спросила Мариам Макани.

– Она слишком мала, – ответила Ругайя. – Вы ведь знаете, как Акбар относится к ранним бракам. А Ясаман еще нет и семи лет. Времени достаточно.

– Она так быстро растет, – заметила Мариам Макани, – будет выше других девочек, но и сейчас уже красива. Акбар прав, что тянет с ней. С каждым годом она будет становиться прелестнее, ценность ее как невесты увеличится, а значит, и муж подберется влиятельнее и могущественнее. Достойный дочери Великого Акбара. – Она сделала из чашки большой глоток. – Ты говорила ей о Кандре Бегум?

Ругайя кивнула.

– Да, – ответила она. – Нехорошо, чтобы девочка не знала о родившей ее матери, которая с такой неохотой ее оставила. Не вина Кандры, что они расстались. Будь у нее выбор, она никогда бы не бросила ребенка.

– Жалко, что я не знала ее, – произнесла Мариам Макани. – Сын так о ней горевал. И вы с Иодх Баи с такой любовью о ней говорите. Какой она была?

Ругайя Бегум, казалось, была удивлена вопросом свекрови. Никогда прежде Мариам Макани не спрашивала о Кандре. То короткое время, пока Кандра жила с ними, Мариам Макани была в религиозном паломничестве. Не успела она прийти в себя после путешествия, как получила известие от двух любимых жен ее сына. Кандра уехала, и Акбар заперся в высокой башне лахорского дворца. Плачущие слуги Кандры Рохана и Торамалли отнесли маленькую принцессу Ясаман Ругайе Бегум. От горя они обезумели.

– Кандра была красивой женщиной, – медленно начала Ругайя, стараясь припомнить лицо своей давнишней подруги. – Она не походила ни на кого из здешних мест. Вы ведь знаете, даже португалки напоминают нас кожей. А кожа Кандры блестела, как шелк, и белизной была подобна горным снегам. Ее глаза были так же зелены, как изумруды, которые вы носите, Мариам Макани. А ее волосы! Что у нее были за волосы! Темно-коричневые с огненно-рыжим оттенком. Как же она их называла? – Ругайя Бегум долго ворошила память и наконец торжествуя закончила: – Золотисто-каштановые!

– Я знала, что светлые глаза у Ясаман от матери, – задумчиво произнесла Мариам Макани, – но считала, что их глаза должны быть одного цвета. Ты говоришь, изумрудно-зеленые? Как интересно. При дворе сына я видела голубоглазых англичан, но никогда с бирюзовыми, как у Ясаман, глазами. Как ты думаешь, были ли еще у кого-нибудь из семьи Кандры такие глаза? Но расскажи мне лучше, Ругайя Бегум, о самой Кандре. То, что она была красива, для меня не секрет, потому что красива моя внучка. Она ведь самый прелестный ребенок из всех детей Акбара. Расскажи мне, что это была за женщина, которую так глубоко любил мой сын? – Старая королева потянулась за медовым печеньем и положила его в рот.

– Кандра была умна, – тихо проговорила Ругайя, – и обладала утонченными манерами. В первый раз, когда Иодх Баи встретила ее в купальне, Кандра признала в ней женщину королевской крови и, проходя мимо, поклонилась. Кандра была добра и совсем не мелочна. Альмира и другие жены Акбара страшно его к ней ревновали. Они использовали любой повод, чтобы уколоть ее, а она встречала их оскорбления с пылкой учтивостью и, отметая несправедливость, храбро защищала себя. Ее поведение бесило их еще больше, – усмехнулась Ругайя.

– А она и в самом деле любила моего сына?

– О да! А когда родилась Ясаман, светилась от счастья. Девочке было только шесть месяцев, когда ко двору прибыл дядя Кандры, христианский священник. Оказывается, ее первый муж не был убит, как она считала. И он, и вся ее семья хотели, чтобы Кандра вернулась. Это было трагедией. Мне говорили, что она отказывалась, уверяла Акбара, что скорее согласится быть самой низшей из женщин при его дворе, чем расстанется с ним.

– Но честь не позволила это сыну, – задумчиво проговорила Мариам Макани. – Глупый человек. Из-за чести он пожертвовал и своим счастьем, и счастьем Кандры. На его месте я бы убила этого священника и покончила с этим раз и навсегда. – Она неодобрительно фыркнула, размышляя о поведении сына. – Но нет худа без добра. Ты хорошая мать внучке Ясаман. Я верю, у нее счастливая судьба.

– Так при ее рождении предсказали и астрологи, – согласилась Ругайя.

Мариам Макани поднялась:

– Я засиделась с тобой сегодня. Давно пора домой.

– Ваше присутствие оказывает честь нашему дому, – пробормотала Ругайя Бегум, вежливо вставая. – Надеюсь, вы скоро снова выберетесь к нам.

– Может быть, в конце месяца, перед тем, как вы отправитесь в Кашмир, – пообещала свекровь.

Ругайя Бегум проводила гостью к слону, терпеливо подождала, пока той помогали подняться в красный с золотом паланкин, и помахала рукой, когда небольшая свита королевы-матери покидала двор. Только тогда она вернулась в маленький дворец и поспешила по лестнице на второй этаж и дальше по коридору в спальню дочери. Ясаман уже умыли и накормили. Она лежала в маленькой кровати, а рядом в медной клетке сидел красивый голубой с золотистыми перьями попугай.

Ругайя Бегум улыбнулась девочке:

– Я пришла пожелать тебе спокойной ночи. Хороший был день?

– Да, мама Бегум, – сонно ответила Ясаман.

Ругайя Бегум склонилась и поцеловала девочку в щеку.

– Да ниспошлет тебе Господь сладкие сны, – сказала она.

– Расскажи мне еще о Кандре, – попросила Ясаман, ее глаза слипались, но голос звучал настойчиво.

Ругайя расположилась на краю кровати. Спорить не хотелось. Когда Ясаман чего-нибудь требовала, она бывала очень настойчива. А если не перечить ей, заснет через пять минут.

– Жила-была принцесса, – начала Ругайя Бегум, – которая приехала во владения великого правителя Акбара из-за широкого моря, из страны, куда много месяцев пути. Она была самой красивой девушкой, какую только видел правитель, и он тут же влюбился в нее и сделал ее своей четвертой женой. Он назвал ее Кандрой в честь луны, потому что, говорил он, она была такая же прелестная, как луна. Через несколько месяцев от их любви родился ребенок. Кандра любила девочку всем сердцем, и маленькую принцессу называли Ясаман Кама. Ясаман, то есть жасмин, потому что аромат этого цветка привлекал Кандру больше других. И Кама – любовь, ибо девочка была зачата и рождена в любви.

Вдруг глаза Ясаман широко раскрылись.

– Папа! – радостно закричала она, протягивая руки к отцу, а Ругайя сложила ладони в знак почтения.

– Моя крошечная любовь, – позвал правитель свою младшую дочь. – Что за историю рассказывает тебе мама Бегум?

– О Кандре, – возбужденно ответила девочка. – Это моя любимая история, но у нее очень грустный конец. Как бы я хотела, чтобы она кончилась счастливо.

На секунду темные выразительные глаза Акбара затуманились от болезненного воспоминания, и он печально вздохнул.

– Прошу прощения, мой дорогой господин, – сказала Ругайя Бегум, – но я никогда не считала справедливым скрывать от девочки правду.

Он взглянул на нее, и женщина чуть не разрыдалась – такая мука отразилась на его лице. Потом взял ее руки в свои:

– Я отдал тебе на воспитание нашу дочь, моя дорогая жена, и считаю, что ты не можешь поступить с ней дурно. Продолжай свой рассказ, потому что Ясаман не заснет, пока он не будет окончен. Ведь так, маленькая любовь моя?

Ясаман энергично закивала головой.

– Где я остановилась? – вслух спросила Ругайя Бегум, отлично помня, на чем прервала рассказ.

– Маленькая принцесса была зачата и рождена в любви, – подсказала ей Ясаман.

– Ах да, – проговорила она и продолжала: – Когда девочке исполнилось только полгода, с родины Кандры приехал мудрец. Он привез ужасные вести, и Кандра должна была покинуть любимую дочь и правителя Акбара. Она не хотела уезжать, но еще больше не хотела оставлять ребенка. Но Акбар не позволил ей взять девочку с собой, и Кандра передала ее своей подруге Ругайе Бегум. «Будь матерью моему ребенку», – сказала она Ругайе, которую Аллах не благословил иметь детей от собственной плоти. Та с радостью согласилась, потому что любила свою подругу и полюбила девочку. Кандра покинула владения императора, и с тех пор ее не видел ни он, ни все, кто ее любил.

Известно, что она благополучно прибыла на родину, и каждый год в день рождения Ясаман Камы Бегум правитель Акбар посылает матери Кандры прекрасную жемчужину. Другая бабушка Ясаман и вся семья таким образом узнают, что ребенок растет и благоденствует.

Глаза Ясаман крепко закрылись, дыхание стало реже, большой палец левой руки медленно пополз ко рту. Взрослые поднялись и вышли из комнаты. Ругайя Бегум провела мужа в маленькую столовую, чтобы он мог с ней поужинать.

– Прости, господин, что еда такая нехитрая, – извинилась женщина, – но ты не предупредил меня о своем приходе.

– Я наслаждаюсь твоей простой едой, – ответил он ей. – В главном дворце трапеза такая пышная каждый день. Мне готовят по крайней мере пять сотен блюд. И никто из сидящих со мной за столом не может взять ни кусочка, пока их все не подадут мне. Это утомительно.

Ругайя склонила голову, чтобы скрыть улыбку. Акбар был правителем этой обширной земли. Он мог сколько угодно жаловаться на помпезность, окружавшую его в повседневной жизни, но стоило ему по-настоящему захотеть сделать жизнь проще, ему нужно лишь отдать приказ. Правда заключалась в том, что обычно ему нравилась эта кутерьма, хотя иногда, как в этот вечер, он стремился к уединению. Она подняла глаза и подала знак слуге накрывать на стол.

Трапеза началась с шербета из арбуза, чтобы возбудить аппетит перед последующими деликатесами. На стол явился медовый хлеб, посыпанный семенами мака, потом искусно приготовленная нога ягненка, цыпленок под соусом карри из горчичных листьев, речная рыба с красным перцем чили, мисочки с маринадами из моркови и пряных трав, рис-шафран. Акбар разорвал хлеб пополам и великодушно пробовал каждое предлагаемое ему блюдо. Когда он

кончил, ему подали лимонный шербет и чищенные личи в блюде с легким вином, свежие фрукты на подносе, вазу фисташек без скорлупы и лепестки розы в застывшем меду. Он ел с удовольствием, а потом произнес:

– От твоего угощения я буду крепко спать.

– Как и мы все, мой господин, – ответила Ругайя с улыбкой. – Мы уже не так молоды, как прежде.

– Но я и не так стар, – запротестовал он.

– Не забывай, мой господин, – игриво подтрунивала над ним жена, – я точно знаю твой настоящий возраст. Мы ведь не только муж и жена, но двоюродные брат и сестра.

Акбар усмехнулся.

– Ты права, – согласился он. – Но я еще достаточно молод, чтобы насладиться в постели с хорошенькой женщиной.

– А разве для хорошенькой женщины существуют недостаточно молодые мужчины? – шаловливо спросила она. Ругайя была довольна, что после всех лет может его рассмешить. А в смехе он нуждался как никогда.

– Ты всегда была так мудра или поумнела с годами? – в ответ подтрунивал он над женой. – Не забудь, ведь и я знаю твой возраст!

– Но я уверена, мой господин, что ты слишком благороден, чтобы раскрыть эту тайну другим.

Акбар вновь рассмеялся, но тут же посерьезнел и спросил:

– Почему ты не рассказала Ясаман, из-за чего была вынуждена уехать от нас Кандра? Разве она никогда не спрашивала, что за «ужасные вести» привез тот мудрец? Ведь обычно она любопытна, как обезьянка.

– Но она – ребенок, едва вышедший из младенчества, мой господин. Пока ей достаточно знать, что Кандра любила ее и не хотела оставлять. Правду она не поняла бы, даже если я и попробовала бы ее объяснить. Когда она станет старше и научится мыслить, я расскажу, что произошло на самом деле, если она захочет знать. Возможно, это будет уже не важно.

– Тогда зачем, дорогая, ты рассказала ей остальное?

– Если бы я этого не сделала, рассказал бы кто-нибудь другой. Нет способа заставить людей поверить, что Ясаман – плод твоего семени из моей утробы. Всем ясно, что я не настоящая ее мать. Я – полная и ширококостная. Мои волосы черны, а кожа пшенично-золотистого оттенка. А Ясаман худенькая и изящно сложенная. Бирюзовые глаза выдают, что она дочь другой женщины. Ее кожа как густая сметана. А волосы, хоть и прямые, как у тебя, господин, но блестят, словно в них спрятан огонь, как у Кандры.

Наступит день, когда кто-нибудь из злобы, ревности или просто из подлости расскажет Ясаман про Кандру. Но ведь никто не знает правды, которую знаю я. Разве ты не приказал Абу-л Фазлу, своему историку, вымарать всякое упоминание о Кандре из его сочинений о твоём правлении? Я знаю, ты сделал это, потому что тебе больно. Но другие могут не понять этого. Они могут представить все в недобром свете и причинить боль моему ребенку, но я не позволю этого! Пока в моем теле теплится дыхание и есть сила в руках, я не дам повредить нашей дочери!

Акбар кивнул и, взяв ее руки, любовно их сжал.

– Я мудро поступил, когда отдал Ясаман тебе, Ругайя. Помню, как Кандра пожаловалась, что Шайкхо Баба ревнует ее ко мне, потому что хотел ее сам. А когда родилась Ясаман, он даже предположил, что она не моя дочь, а ребенок какого-то португальца, который первым взял Кандру для собственных удовольствий. Тогда он был зол и разочарован, но сегодня обожает маленькую сестренку.

– Глядя на Ясаман, никто не усомнится, что это твой ребенок, мой господин, – сказала Ругайя Бегум. – Крошечная родинка над верхней губой у левой ноздри копия твоей, разве

что меньше, и хотя она – не вылитая ты, ее взгляд такой же царственный, особенно когда ей перечат. – Она рассмеялась. – Она просто устрашает слуг этим взглядом.

– Да, – согласился Акбар, – я заметил. Пронзительный взгляд выдает ее татарское происхождение – Он пристально взглянул в глаза жены. – Ты хорошая мать, Ругайя Бегум. Ясаман повезло, что ты любишь ее и заботишься о ней.

– Она часть моей души, господин. Я каждый день благодарю Всевышнего, что ты доверил мне ее воспитание.

– В эту ночь мне хочется отдохнуть, Ругайя, – сказал Акбар. – Разрешите мне остаться в вашей постели.

– А разве тебе не хватает твоих хорошеньких женщин? – тепло подсмеивалась жена.

– Иногда старый друг – лучший друг, – улыбнулся он, касаясь кончиками пальцев ее щеки.

– Ты имеешь в виду старых жен? – подшучивала Ругайя.

– Нет, – тихо ответил он. – Ты мой друг, Ругайя Бегум. У меня тридцать девять жен, из которых ты – первая. Но настоящих друзей, на которых я могу положиться, совсем немного. Ты – одна из них.

– Как хорошо, что мы есть друг у друга, – прошептала она.

– Да, – согласился он и, поднявшись, повел ее из столовой по лестнице в спальню.

2

Рыбак, забрасывавший сети в недвижную темную воду озера, с любопытством смотрел в сторону дворца дочери Великого Могола. Он был совсем недалеко от него, может быть, ближе, чем следовало, но сегодня вечером рыба шла под берег. И разве сама Ясаман Кама Бегум не разрешила ему ловить рыбу в водах близ ее дома? Все жители деревни завидуют ему, думал он, выпячивая от гордости грудь. Но ведь он спас кота принцессы, когда тот тонул. Котенок был еще глупым и неразумно кинулся с мраморной террасы за шумной нахальной уткой. Вспоминая, рыбак пожевал губами.

Он видел, как котенок – благородный зверек с серебристой длинной шерстью – выслеживал утку с террасы. Сначала рыбак подумал, что это просто кошачья игра, но, видимо, раздраженный криком утки, зверек внезапно бросился с высоты в воду и, ударившись о поверхность с громким всплеском, полузахлебнувшись, завопил от удивления. Возмущенная вторжением на свою территорию, утка поднялась с воды и, недовольно хлопая крыльями, улетела прочь.

Тут же на террасе появилась бормочущая обезьяна, а за ней плачущая от отчаяния девочка. Рыбак, у которого были собственные дочери, сразу сообразил, что котенок был любимцем. Нырнув в спокойную воду озера, он выловил животное и бросил его в лодку. В испуге котенок его сильно расцарапал. Сгоряча рыбак громко выругался.

– Мама Бегум не велит говорить такие слова, – сказала девочка, но вдруг прыснула.

Рыбак был поражен, что к нему обратилась хозяйка котенка. Он знал, кем она была – младшей дочерью Великого Могола, и, слух ходил, самой любимой. Он не осмелился произнести ни звука и, вновь забравшись в лодку, потупил глаза.

– Если ты подгребешь поближе, – сказала Ясаман Кама Бегум, – то, я думаю, сможешь подать мне Фу-Фу.

Рыбак поднял глаза и глупо моргнул.

– Котенка, добрый человек, – объяснила принцесса.

– Котенка, – повторил он и взглянул на дно лодки, где свернулось несмышленное существо, злобно смотревшее на него, едва слышно ворча. – Ах, котенка! – Рыбак сообразил, что чем раньше удалится с места, где быть ему не положено, тем меньше шансов, что ему будут задавать неприятные вопросы. Он быстро нагнулся и протянул руку к зверьку, но тот с недовольным шипением ударил его лапой. Рыбак озадаченно отпрянул.

– Гадкий Фу-Фу! – упрекнула девочка. – Человек спас твою глупую жизнь и теперь лишь хочет вернуть тебя мне.

При звуке хозяйского голоса уши котенка шевельнулись, и он жалобно мяукнул. Воспользовавшись тем, что животное отвлеклось, рыбак быстро поднял его со дна лодки и подал принцессе.

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказала она, очаровательно улыбаясь. – За свою храбрость ты должен быть награжден. И мой отец поступил бы так же. Как твое имя?

«Помилуй меня, Аллах, – подумал рыбак, – теперь меня непременно накажут за то, что я ловил рыбу так близко к королевскому дворцу». Но делать было нечего, и он сказал.

– Меня зовут Али, великая госпожа, – и неловко поклонился, стыдясь голых ног и грязной набедренной повязки.

– Ты ведь не должен был ловить рыбу так близко от моего дворца. Признайся, Али. Но если бы не ты, – рассудительно заметила принцесса, – я потеряла бы Фу-Фу. Его подарил мне брат Салим, который когда-нибудь станет Великим Моголом. Поэтому этот котенок – самый важный из всех. – Она улыбнулась, обнажив великолепные маленькие зубки. – А ты подплыл так близко, потому что здесь хороший улов?

Он испуганно кивнул. Так она знает, что он не должен был заплывать сюда. Теперь его наверняка накажут.

– Завтра Адали, мой управитель, пойдет в твою деревню и передаст начальнику письменное разрешение ловить тебе рыбу в водах у моего дворца. У тебя есть сыновья, Али?

– Двое, великая госпожа. – Его сердце колотилось от восторга.

– А племянники? – продолжала спрашивать принцесса.

– Трое, – ответил он, внезапно осознав, что перед ним самое прекрасное существо женского пола, которое когда-либо рождалось на свет.

Ясаман Кама Бегум задумчиво кивнула и затем произнесла:

– Ну что ж, Али-рыбак, двоих из них, но не больше, можешь брать с собой. Но без тебя пусть никто не смеет подплывать сюда. Милость дается до конца твоей жизни. Это моя награда за то, что ты спас котенка.

– Спасибо, великая госпожа, спасибо! – От восторга его голова шла кругом. Право на ловлю у дворца принцессы в богатейших рыбных угодьях озера. Он будет обеспеченным человеком. – Спасибо, спасибо, – бормотал он. Хотелось изо всех сил грести домой, чтобы рассказать жене и семье о своем счастье. Но удержался, ведь пока рыбы он не поймал.

– Это я должна благодарить тебя, Али-рыбак, – снова улыбнулась девочка. – И Фу-Фу тебя благодарит, – ободрила она рыбака.

Ее улыбку не забыть, думал Али, вспоминая тот день три года назад, когда судьба привела его в запретное место в нужное время. Благодаря ее милости он и в самом деле стал обеспеченным человеком, но нужды семьи, казалось, росли с его богатством. Лишь он один мог ловить здесь рыбу с двумя сыновьями или племянниками. Поэтому приходилось много трудиться. Как раз в это время его младшая дочь готовилась выйти замуж, а сколько всего следовало приобрести. Он был рад предлогу уйти из дома, от всех этих болтающих женщин. Счастливым он чувствовал себя только здесь, на озере.

Он взглянул на стоящий поблизости дворец, который в сумерках будто плыл по водам озера. Сегодня террасу украшали фонарики, и оттуда доносились звуки флейты и барабана. По воде скользили маленькие деревянные кругляшки с зажженными на них свечами. Таким замечательным волшебным образом справляли день рождения принцессы. Он знал, что сегодня ее день рождения. Ведь несколько дней назад она сама сказала ему об этом.

– Мне будет тринадцать. В гости ко мне приедут отец и брат. Мне подарят драгоценностей, Али, столько, сколько я решу сама. Так было каждый год в день моего рождения.

– Тогда ты должна быть очень богатой, великая госпожа, – заключил он.

– Думаю, что да, – скромно согласилась она.

Рыбак улыбнулся про себя. Она была самая очаровательная девушка, и ему следовало вечно ее благословлять за свое богатство. Он надеялся, что и к ней судьба будет благосклонной. А почему бы и нет? Ведь она – принцесса. Он ловко забросил сети и взглянул в сторону террасы, где стояли, слившись, два человека. Одна – Ясаман, а другой – мужчина. Рыбак благоразумно отвернулся. Хотя его и мучило любопытство, это было не его делом.

– Почему тот рыбак так близко подплыл к твоему дворцу? – спросил Салим у сестры.

Она вгляделась в быстро наступающую темноту.

– Это Али, тот человек, который три года назад спас Фу-Фу. Ты ведь знаешь, я разрешила ему ловить здесь рыбу.

– Я знаю, что ты еще больше похорошела, конечно, если это возможно, – ответил принц. Он крепко прижал ее к себе и пришел в волнение, почувствовав мягкие молодые груди.

– Мама Бегум собиралась поговорить с отцом о претендентах на мою руку, – проговорила Ясаман, глядя снизу вверх в его лицо, ее темные ресницы чуть заметно трепетали.

– Ты слишком юна, чтобы выходить замуж, – сердито проворчал он.

– Это не так, – спокойно ответила она. – Месячные у меня регулярные, как у всех женщин, способных рожать детей. Я готова к замужеству. Ты сам был не намного старше, когда женился в первый раз.

– Ты не знаешь мужчин, – пробормотал он, лаская ее шелковистые волосы. – Да я и не отпущу тебя. Я хочу, чтобы ты была рядом, когда я вступлю в наследство. Помнишь, как мы говорили об этом, когда ты была маленькой?

– Так, значит, ты признаешь, что я уже не ребенок? – съязвила девушка.

– Я ровным счетом ничего не признаю. Дражайшая сестрица, разве ты забыла правителей и правительниц Египта? – Он наклонился и нежно поцеловал ее в лоб.

– Тех, что женятся между собой, чтобы сохранить в чистоте свою кровь? Помню, братик. А ты помнишь, что бабушка назвала это нечистым? – Его руки одновременно и возбуждали, и пугали ее. Брат был на двадцать один год старше ее и казался таким опытным, умудренным знаниями.

– Она вздорная старая женщина! Что она знает о жизни. – Салим прижался губами к ее макушке. Аллах! Неужели он ее хочет? Он знал, что это безумие, но уже несколько лет сгорал от страсти, которая пугала его самого. Он не мог с ней справиться, страсть становилась все сильнее по мере того, как зрела Ясаман и становилась красивее.

Он имел трех жен: Ман Баи, Амару и изящную Нур Яхан. Он их любил. И все же он хотел Ясаман. Ему была нестерпима мысль, что другой мужчина проникнет в ее сладкое лоно. Воображая это, он возбуждался сам. Ясаман! При мысли о ней яростное горячее желание переполняло его.

– Так что же, мне оставаться старой девой, как Арам-Бану? – спросила Ясаман, нервно отодвигаясь, почувствовав у ноги незнакомый твердый предмет.

– Арам-Бану – ребенок, – возразил принц.

– Она старше меня, Салим, – живо ответила девушка.

– Годами – да, дорогая сестра, но умом она – ребенок. Она так наивна, что ее нельзя отдавать мужчине, иначе отец давно бы к своей выгоде выдал ее замуж. – Он заключил в ладони ее лицо. – Я не могу и подумать, что потеряю тебя, обезьянка. Скажи отцу, что не примешь сейчас никакого мужа, и оставайся со мной. – Он улыбнулся ей. – Ты ведь знаешь, что я обожаю тебя, Ясаман. – Он дотронулся большим пальцем до ее губ, и она шутливо пососала его палец. Салим чуть не потерял над собой власть, представив, как губы девочки приближаются к его более сокровенным местам. Но инстинкт подсказал, что она еще ребенок и не знает, какое сильное чувство внушает ему.

– Вот вы где оба, – окликнула их Ругайя Бегум, хотя они не слышали, как она подошла. – Ясаман, беги смени одежду. Только что прибыл гонец твоего отца и сообщил, что Акбар лишь в часе пути отсюда.

Девушка легко выскользнула из объятий брата и, не оглянувшись, поспешила прочь, а принц и женщина долго и напряженно смотрели друг на друга, потом Ругайя Бегум прервала молчание.

– Пока здесь твой отец, мы собираемся обсудить с ним избранников для Ясаман. Пора подумать о ее выгодном замужестве.

– По закону она не может выйти замуж, пока ей не исполнится четырнадцать лет, – отозвался Салим. – Не слишком ли рано думать о ее обручении?

– Твой отец утверждает законы, он может их и отменить, Салим, – возразила принцу Ругайя Бегум. – Я не способна защитить Ясаман так, как может сделать это муж.

– А она нуждается в защите, госпожа? Кто может повредить дочери Великого Могола?

Она заметила! У стервы острый глаз, и она лучше, чем другие, судит о его характере. Когда бы он ни впадал в немилость отца, он всегда мог положиться на женщин из гарема

Акбара. Ему помогали все, кроме Ругайи Бегум. Она любила его ради его матери, но надуть ее, как остальных, даже бабушку, он не мог.

– Ты переоденешься или предпочтешь нас покинуть? – спросила женщина, оставив вопрос без ответа. Затем повернулась и удалилась обратно в дом.

Ругайя Бегум прошла в покои дочери. Ясаман купалась в мраморном бассейне в ароматизированной воде. Ей помогали две служанки, ухаживающие за ее телом, – Рохана и Торамалли. Ругайя огляделась и вздохнула: ребенок был еще так невинен. Фу-Фу, обожаемый Ясаман длинношерстный белый кот, праздно развалился на шелковой кушетке, обезьяна Баба устроилась на ручке и жевала какой-то фрукт – сок изо рта стекал прямо на ткань. Попугай Хариман раздраженно расхаживал у бассейна и, нервно посматривая на принцессу, что есть духу кричал: «Вода! Вода!»

Ругайя Бегум покачала головой. Ясаман была слишком избалованной, ее слишком опекали. Ругайя винила себя, что девочка так незрела для замужества, и все же... От тревожной мысли она прикусила губу. Быть может, она ошиблась? Конечно же, Салим не испытывал желаний к сестре. Должно быть, у старой женщины разыгралось воображение, и она увидела тени там, где ничего не было. И все же Акбар был нездоров. Он скрывал это от всех, кроме своего врача и ее. И тянуть с помолвкой Ясаман не следовало. Сегодняшний день ничуть не хуже, чем любой другой. Инстинкт никогда не обманывал ее, но Ругайя никак не хотела поверить, что Салим хотел сестру как женщину. Если Ясаман выйдет замуж, все разрешится наилучшим образом для всех. Если она не ошибалась, страсть Салима мимолетна, и свадьба сестры охладит его пыл и приведет в чувство.

– Что ты решила надеть, дорогая? – спросила она у дочери.

– Переливчато-синие с золотом полосатые шаровары, кафтан из золотой парчи, новые туфли и ожерелье, – ответила Ясаман, выходя из мраморного бассейна.

Ругайя Бегум впервые пристально посмотрела на дочь и с удивлением осознала, что у Ясаман – тело женщины. Острые высокие грудки, отливающие бледностью гладкой кожи, обещали с годами налиться соком. Ноги длинные и хорошей формы. С таким юным телом число ее поклонников с каждым днем будет только расти. Недаром она так очаровала Салима. Тело Ясаман созрело быстрее ее чувств, которые, конечно, смущали девушку, не знающую, что с ними делать.

– Прекрасный выбор, дорогая, – похвалила Ругайя Бегум. – У тебя есть вкус. – И серьезным тоном добавила: – Нам надо поговорить, дочь. Ты сделала кое-что, зная, что это мне не понравится. И все равно ты это сделала.

– Что это, мама Бегум? – мягко спросила Ясаман, поднимая руки и позволяя слугам обтереть себя перед втиранием в тело миндального масла.

– Ты совершила ошибку, пригласив брата на празднование дня рождения, Ясаман, – ответила Ругайя Бегум.

– После отца и тебя он мой самый любимый человек, – возразила девочка.

– Твой отец никогда не простит Салима за участие в убийстве Абу-л Фазла.

– Салим не убивал Абу-л Фазла, – вступилась Ясаман за брата.

– Нет, – согласилась Ругайя Бегум. – Твой брат не сжимал оружия, которое пронзило сердце Абу-л Фазла. Но скорее всего по его указанию это сделал Бир Сингх. Это не тайна, Ясаман. Так оно, должно быть, и было. Бир Сингх при людях признал, что Салим обещал ему защиту и богатое вознаграждение.

– Трусливый бандит лжет, – гневно воскликнула принцесса, но в то же время испытала неловкость. Такой слух ходил, и она знала, как Салим ревновал отца к историку. Абу-л Фазл был добрым, умным человеком с великолепным чувством юмора. А с Ясаман всегда так любезен. Она испытывала уколы совести. Но все же она любила брата и не верила, что тот мог пойти на убийство.

– Люди такого сорта, как Бир Сингх, открываются друзьям, чтобы отвести от себя наказание, дорогая.

– Отец простил Салима, – совсем невпопад возразила Ясаман.

– У него не было другого выбора, как простить Салима перед людьми, – терпеливо объяснила Ругайя Бегум. – Два других твоих брата, Мурад и Даниял, не годятся для правления. Салим – единственный наследник. Лишь вмешательство бабушки и Гульбадан Бегум, старой тетки отца, спасло твоего брата. Акбар уже был готов лишить Салима наследства и объявить следующим Моголом его сына – принца Хусрау. Принародно отец помирился с Салимом, но видеть его не хочет. Ты поступила легкомысленно, Ясаман. Нужно было посоветоваться со мной, прежде чем посылать за Салимом. Абу-л Фазла убили год назад в этот самый день.

Потрясенная, Ясаман повернулась к ней.

– О, мама Бегум, я не знала!

– До сегодняшнего дня тебе и не следовало этого знать. Я и сейчас не рассказала бы, если бы ты не пригласила Салима. К чему тебе знать, что любимейший друг отца и его советник убит на твое двенадцатилетие? Так трагично, что любимейший день Акбара, в который он всегда веселился, стал днем его печали.

– О, мама Бегум, я не сделаю отцу больно. Ты ведь знаешь, как я его люблю, – воскликнула Ясаман.

– Тогда пошли к брату Адали и попроси его уехать, пока не прибыл отец, – посоветовала Ругайя.

– Да, да, – закричала девочка и, позвав евнуха, служившего ее старшим управителем, отдала приказание, нервно переводя взгляд с его лица на лицо матери в поисках поддержки.

Адали торжественно поклонился и, встретившись на короткое мгновение своими карими глазами с глазами Ругайи, дал ей знак, что все понимает. Потом, вновь поклонившись юной госпоже, поспешил вон.

– Ничего, ничего, моя девочка, – обняла дочку Ругайя Бегум. – Теперь все будет хорошо, обещаю тебе. – «Если я знаю Салима, а я его знаю, – думала женщина, – сейчас в сердцах он бросится прочь и не скоро побеспокоит нас снова».

Но она ошиблась. Возвратясь в свои покои, чтобы переодеться, Ругайя увидела там Адали.

– Принц объявил, что покинет дворец, он не хочет испортить день рождения сестры. Но останется поблизости и будет ее навещать, потому что последние месяцы был с ней разлучен и скучал по ее обществу. Он просит передать отцу заверения в его уважении. Один из его слуг задержится во дворце, чтобы вручить принцессе подарок.

Ругайя Бегум нахмурилась.

– Я думала, он совсем нас оставит.

– Понимаю, милостивая госпожа, – склонил голову Адали.

– Понимаешь? – словно бы про себя переспросила женщина.

– Принц горит страстью к сестре, а это нехорошо, – ответил он тихо.

Пораженная, Ругайя Бегум задохнулась, услышав, как ее сокровенные опасения вслух произносит другой.

– Это так заметно, Адали? – спросила она евнуха.

– Только вам и мне, милостивая госпожа. Мы оба знаем, как ведет себя принц, когда желает чего-нибудь, чего не может или не должен иметь. Мы ухаживали за молодой принцессой с самого ее рождения и не позволим причинить ей зло. Что вы собираетесь делать, милостивая госпожа?

«Адали хоть и слуга, но слуга доверенный. И к тому же друг», – подумала Ругайя Бегум.

– Мой господин Акбар останется в Кашмире на несколько дней, Адали. В это время я надеюсь объявить о свадьбе Ясаман. Если все устроится с ее мужем, противоестественные желания принца Салима должны рассеяться.

В знак согласия главный управитель склонил голову:

– Как всегда, ваша мудрость приводит меня в трепет, милостивая госпожа, – промолвил он.

Ругайя Бегум улыбнулась:

– У нас ведь с тобой было много приключений с нашей дорогой девочкой, Адали. Помнишь, как однажды она пожалела боевых слонов отца и отпустила их на волю?

– А они бродили по Лахору, жалобно трубя и пугая жителей, которые решили, что на них напали, – всхлипнул Адали от смеха.

– Даже Акбара это рассмешило, – усмехнулась Ругайя Бегум. – Правда, потом он ее жутко бранил, потому что ему пришлось заплатить за весь ущерб, особенно продавцам фруктов и овощей на рыночной площади. Слоны съели все, что попало им на глаза!

– И наш добрый и милостивый господин тогда объяснил юной принцессе, что боевые слоны воспитаны для битвы и получают в ней наслаждение. И, поняв, как напугала слонов, которые на свободе почувствовали себя потерянными, она раскаялась в своей шалости. А господин велел приходить к нему, если ей еще когда-нибудь покажется, что с животными обращаются жестоко. Он любит этих созданий и научил любить их дочь.

Их воспоминания прервал звук барабана, который сопровождал правителя во время путешествий. Акбар приближался к дворцу.

– Найди Ясаман! – распорядилась Ругайя Бегум, и Адали бросился выполнять приказ.

Женщина повернулась к зеркалу высотой в рост человека, чтобы осмотреть себя, и осталась довольна отражением. На ней было ягули – платье с поясом выше талии – любимое одеяние ее предков, Моголов. Оно оставляло шею открытой, рукава плотно облегли руки, юбка ниспадала фалдами. Темно-синий цвет очень ей шел, а шелк юбки, затканый серебряными звездами, подчеркивал блеск ее волос. Ожерелье из морских жемчужин и цейлонских сапфиров, сапфиры в ушах – она еще хороша собой.

– Что ж, – прошептала она себе, – я становлюсь старой женщиной. Но, по воле Аллаха, я и в старости красива!

Она пригладила и поправила прекрасные седые волосы, разделенные посередине на пробор и собранные на затылке в изящный узел. Ее простое, но мягкое лицо было тронут морщинками только у глаз. Она гордилась своей кожей, нежной и эластичной. Да, мало найдется людей, знающих, что весной в день рождения ей исполнится шестьдесят.

– Мама Бегум! Мама Бегум! – танцующей походкой в комнату вбежала Ясаман. – Папа почти во дворе. Ох, какая ты красивая!

Ругайя Бегум счастливо улыбнулась:

– Ты меня совершенно затмевашь. Я поражена тем, что вижу: ты совсем взрослая.

– Я? – Ясаман задохнулась от удивления.

Ругайя Бегум отвернулась от зеркала и погладила дочь по щеке:

– Ты.

– Как ты думаешь, папе понравится мой наряд? Эта кисея называется «утренняя роса». Ее прислала мне тетя Иодх Баи. Такую может носить только дочь Могола.

– Я знаю. – Губы Ругайи Бегум слегка растянулись в улыбке. – Есть и другие: белизна облаков, капли дождя, цветы жасмина, серебро августовской луны, но только настоящая принцесса может носить такую. Она идет к твоим переливчато-синим с золотом шароварам и кафтану. И мне нравится, как Торамалли причесала тебя.

Черные длинные волосы Ясаман были распущены. Служанка заплела косу, украсив ее жемчужинами и бриллиантами. Она ниспадала девочке на плечи и переливалась при каждом движении. В волосах блестела золотая пудра, в маленьких ушах сверкали бриллианты.

– Ты выглядишь превосходно, – успокоила ее мать. – Пойдем навстречу отцу.

Рука об руку они вышли во двор, куда въезжал правитель. Осенью Акбару исполнился шестьдесят один год. Он все еще был привлекательным мужчиной, и болезнь, исподтишка подтачивавшая его силы, пока не была заметна. Он был одет во все белое: от тюрбана до длинной полой туники, закрывавшей шаровары. Нетронутую белизну нарушали лишь золотые туфли со сверкающими алмазами.

Спустившись с лошади, он раскрыл объятия жене и дочери.

– Ну, наконец! – вздохнул он и притворно оглянулся. – Ругайя, милая, а где Ясаман? Почему она не выходит поздороваться со старым отцом?

– Папа! – прыснула Ясаман и обняла Акбара. – Это же я!

Правитель отстранил ее:

– Нет, ты не можешь быть моей маленькой дочкой. Ты слишком соблазнительна, а Ясаман – лишь ребенок. – Его темные глаза искрились.

– Папа, мне сегодня исполнилось тринадцать лет. Я – взрослая женщина, – объявила Ясаман.

– Ты уверена, что ты Ясаман Кама Бегум, – подшучивал он, – а не смазливая девушка, проникшая во дворец, чтобы стащить подарок?

– Подарки? – Ясаман притворилась обиженной, но тут же снова рассмеялась.

– Ну вот, теперь я спокоен: ты еще не совсем взрослая, – сухо заметил Акбар.

– А разве ты не хочешь, чтобы я выросла? – Девушка взяла отца за руку, чтобы вести во дворец.

– Чем старше становишься ты, тем старше я, мой маленький розовый бутон, – объяснил правитель. – Это естественный порядок вещей, но совсем не тот, какого хочу я.

– А каким бы он был, если бы ты мог его изменить, папа? – с любопытством спросила принцесса.

– Я бы изменил немного. Мне бы хотелось, чтобы остались жить мои сыновья-близнецы Хуссейн и Хассан, умершие при родах. И конечно, чтобы от нас не уезжала Кандра. А если бы Господь позволил мне менять ход вещей, с нами и сегодня был бы Абу-л Фазл. – Глаза Акбара затуманились печалью. – Так много людей, которых я любил, покинули этот мир.

– Не грусти, папа, – взглянула Ясаман на отца. – Мы с мамой Бегум тебя любим. И мы здесь, с тобой, вместо всех тех, кто тебя покинул. И другие тоже.

Правитель пристально посмотрел дочери в лицо:

– Ты растешь. И говоришь мудрые слова.

Они покинули двор, прошли через дворец на террасу на берегу озера, где должен был состояться праздник.

– Добрый вечер, мой милостивый господин, – Адали приветствовал с поклоном Акбара. – Лодки с королевскими женами как раз подходят.

Акбар кивнул. Стоя на берегу с дочерью и старшей женой, он смотрел, как по тихой воде озера приближались и причаливали к мраморной пристани у подножия небольшой лестницы суда, празднично украшенные сверкающими фонариками. Лодки высаживали пассажиров и удалялись к середине озера, где бросали якорь. Ясаман приветствовала каждую из гостей.

Следя, как они прибывают, Ругайя Бегум решила, что к большинству жен Акбара время не было таким милостивым. Вторая жена правителя Зада Бегум была старше мужа на несколько лет и всю жизнь выглядела серой мышкой. Теперь годы высушили и согнули ее. Она выдавила улыбку Ясаман, и та, горячо поцеловав ее в морщинистую щеку, сама провела к удобному

мягкому сиденью. Надменная Зада Бегум никогда не признавала Кандру, но по непонятной причине Ясаман была ее слабостью.

Третья жена, Салима Бегум, мать старшей сестры Ясаман, Шахзад-Каним Бегум, тоже не любила Кандру, но иное дело – девочка. Она была в кровном родстве с ее ребенком, принцесса королевского происхождения из Моголов, а не какая-то иностранка, на которую Салима взирала с презрением. Она была худой и высокой, с металлического оттенка седыми волосами и с загибающимся к старости, крючковатым, как у ястреба, носом. – Сколько же тебе лет, дорогая? – спросила она у Ясаман.

– Сегодня исполняется тринадцать, милая тетя. – Девочка давно знала, что с колкой Салимой не стоит шутить.

– У тебя грудь взрослой женщины, – грубовато заметила Салима. – Пора замуж.

– Так говорит и моя мать, – вежливо согласилась Ясаман.

– В самом деле? – кивнула Салима. – Хоть в этом-то она права. – И под села к Заде Бегум, которая была ее лучшей подругой.

Следующей оказалась Альмира, мать Мурада, когда-то красивая и страстная женщина, из-за которой у Акбара были неприятности, теперь – озлобленная, с пустыми глазами. Несмотря на возраст, Ясаман понимала эту тетю. Она тепло поздоровалась с ней, но в ответ получила едва заметный кивок головой.

Принцесса Кандеша Лейла, мать второй дочери Акбара, Шукуран Низы Бегум, вежливо поцеловала Ясаман и прошла мимо. Потом приехала Рупмати, принцесса Биканера, мать очаровательного слабовольного принца Данияла, младшего брата Ясаман. Появились Камлавати, принцесса Джайсальмер и ее кузина, принцесса Пурагадх, обе – милые дамы, которых Ясаман, в сущности, не знала, потому что жила и в Лахоре, и в Кашмире в собственном дворце. Госпожа Ваги и ее дочь Арам-Бану Бегум, сестра Ясаман, сошли на берег после них и были тепло встречены. Ваги была только любовницей, но за одно короткое свидание как-то сумела зачать ребенка. Жизнь этой добросердечной женщины вращалась вокруг ее слабенькой дочери, которой теперь исполнилось двадцать два года, и благотворительности, диктуемой ее убеждениями истовой мусульманки.

– Я знала, что такая кисея тебе пойдет, – заметила любимая жена Акбара Иодх Баи, прибывшая последней.

Ясаман ее радостно обняла и поцеловала в щеку.

– Я так счастлива, тетя. У меня ничего подобного не было. – Потом склонилась к ее уху и тихо прошептала: – Салим был здесь. Он вернется, чтобы увидеться со мной, когда уедет отец.

– Я знаю, – прошептала ей в ответ Иодх Баи. – Поэтому-то я и задержалась. Мой сын навещал и меня.

Время мало изменило мать наследника Акбара. Она была изящно сложена, роскошные волосы до сих пор черны, как вороново крыло. Золотисто-карие глаза заговорщически горели на удивительно гладком лице. Она обожала своего единственного сына и была в восторге от его тесных отношений с его сводной сестрой.

– Почему ты единственная из нас не стареешь? – проворчала Ругайя Бегум, когда она присоединилась к остальным. Смех Иодх Баи прозвучал, словно звон колокольчиков.

– Может быть, мое лицо и остается молодым, как у матери и бабушки, но, клянусь тебе, кости мои постарели. Сырым летним утром невыносимо болят колени.

Все приглашенные собрались, и наступило время ежегодного взвешивания Ясаман. Внесли весы с двумя чашами и установили на террасе. На одну чашу помогли усесться юной принцессе. Затем вперед выступили слуги с открытым сундуком, наполненным драгоценными камнями вроссыпь. Поставив на пол сундук, они принялись осторожно заполнять золотыми совками другую чашу. Блестящие камни и разноцветные жемчужины сыпались на весы, пока

они не дрогнули и наконец не установились так точно, что даже пушинка могла бы поколебать равновесие.

– На вид ты вешишь не больше, чем в прошлом году, дочка, – произнес Акбар, – но на самом деле это не так. Думаю, из-за того, что ты подросла. – Он помог девушке сойти с весов. – Мой подарок к дню рождения будет неплохой прибавкой к твоему состоянию.

– Это ее груди, – глубокомысленно кивнула Салима Бегум Заде Бегум. – Для такой юной девушки у нее замечательные груди. Готова побиться об заклад, что под руками мужчины они станут еще тяжелее, – хихикнула она.

К принцессе стали подходить со своими подарками другие женщины. Подносили традиционные шелковые шарфы и сари, благовония, золотые браслеты и серьги. Арам-Бану Бегум привезла младшей сестре маленькую клетку с двумя попугайчиками.

– Это тебе, – медленно произнесла она, стараясь припомнить именно те слова, которым научила ее мать. – Я вырастила их сама. Мама говорит, что ты любишь птиц.

– Я их обожаю. Особенно если буду знать, что это ты их вырастила, моя почтеннейшая старшая сестра. – Ясаман обняла Арам-Бану Бегум.

– У нее доброе сердце, – рассудительно заметила Ваги, – не как у некоторых других. Ты хорошо ее воспитала, госпожа Ругайя Бегум.

– Спасибо тебе, госпожа Ваги, – улыбнулась ей Ругайя. Бедная Ваги. Она была лишь мимолетной причудой Акбара, и от полного забвения ее спасло только то, что она родила ребенка. Если бы Арам-Бану была нормальной девушкой, то вышла бы замуж, и у Ваги была бы уютная старость в богатом доме зятя, где бы она баловала внуков. Но болезнь дочери не позволит этого. Ваги предстоит состариться в гареме.

– У меня для Ясаман особенный подарок, – объявила Иодх Баи. И все глаза повернулись к ней.

– Что это, тетя? – с удивлением воскликнула принцесса. Она думала, что вуаль из кисеи и есть подарок Иодх Баи.

Иодх Баи подала знак слуге, и евнух поспешил вручить Ясаман подарок – шкатулку из сандалового дерева с золотыми уголками, украшенными филигранью, и золотым замочком. Запор был, правда, только для красоты. Пока евнух держал шкатулку, Ясаман подняла крышку и посмотрела, что в ней. Внутри шкатулка была отделана чеканным золотом, и на алой подушечке лежала книга.

– Это Ночная книга, дорогая, – объяснила Иодх Баи. – Та самая, которую много лет назад я дала Кандре. Теперь она твоя.

Глаза Ясаман наполнились слезами. На мгновение она в растерянности отвернулась, потом, овладев собой, произнесла:

– Лучшего подарка ты не могла бы мне сделать. Владеть тем, что берегла Кандра, большое счастье, тетя. Я как будто становлюсь к ней ближе. – Ясаман вынула книгу из шкатулки. Она была переплетена в синий шелк с уголками из чистого золота, украшенными бриллиантами и жемчугом. На первой странице из желтоватого пергамента золотом были написаны слова.

«Если однажды колесо любви придет в движение, для нее не будет существовать законов», – прочитала девушка вслух, и ее сердце забило сильнее от того, как прозвучали они в ночи.

– Как романтично! Это ведь из «Камасутры»?

– Да, – удивленно ответила Иодх Баи. – Ты читала «Камасутру»?

– Очень немного. Отец Куллен недоволен, если я читаю ее, поэтому я заглядываю в нее нечасто.

– Если уж «Камасутра» выводит из себя священников, представляю, что твой отец Куллен скажет о Ночной книге, – игриво воскликнула Иодх Баи.

– В Ночной книге нет ничего вредного, – возмутилась Ругайя Бегум. – Уж эти мне священники! Почему они отрекаются от своего мужского начала – тайна, которую я не в состоянии разгадать. У них такой же член, как и у остальных мужчин, а они им пользуются только для того, чтобы писать. Ужасное расточительство! Если бы Аллаху было угодно, чтобы на свете появилась раса мужчин, не использующих для утех свои члены, Всевышний и создал бы их такими! Не обращай внимания на отца Куллена, дочь. Ночная книга готовит девушку к брачной постели, позволяя ей узнать то, что там произойдет. Незнание нельзя назвать добродетелью, а страхам нет места в любви.

– А не слишком ли она молода для Ночной книги? – усомнился Акбар.

Прежде чем Ругайя Бегум успела ответить, заговорила Иодх Баи:

– Нет, мой добрый господин, нет. Приглядишься к Ясаман. Салима права – у нее груди созревшей женщины. Она готова для брака.

– Настало время, чтобы поговорить о муже для Ясаман. – Ругайя Бегум решила использовать прекрасную возможность, чтобы начать разговор. – На будущий год девушка достигнет брачного возраста, и нужно как можно скорее все решить. – Она бросила на подругу Иодх Баи благодарный взгляд.

– Думаю, ты права, дорогая Ругайя, – согласился Акбар, – но давай поговорим об этом позже.

– Как будет угодно господину, – подчинилась женщина, понимая, что он откладывает разговор, не желая начинать его при других супругах, которые внезапно притихли, заслышав, что говорит их общий муж своей первой жене.

Наступило время вечерней трапезы, и Ругайя Бегум незаметно кивнула слугам. Те под строгим надзором Адали вышли на террасу, предлагая гостям фрукты и сладости. Зная, что старшие жены особенно любят рахат-лукум, Ясаман приказала подать его на террасу. Чая было два сорта: терпкий черный ассамский и утонченный зеленый китайский с легким ароматом абрикосов. Еда составляла важную часть жизни в гареме, и жены Акбара наслаждались ею, как все другие женщины.

За ширмой негромко играли музыканты, молодая танцовщица развлекала дам. Сухой старик завораживал змею в корзине, и все присутствующие с интересом следили за ним. Огромная светлая луна заливала окрестности. Поднялся ветерок, Ругайя Бегум окликнула Адали и приказала принести воздушных змеев. Акбару нравилось, как они парили в воздухе, а ветер этим вечером был как раз подходящим для изящных бумажных игрушек.

– Я хочу тигра! – закричала Ясаман.

– Но я тоже его хочу, – подзадоривал девушку отец.

– Это мой день рождения, папа. И я могу сегодня брать все, что мне хочется. А мне хочется воздушного змея – тигра!

– Вынужден уступить тебе, дочь, – любезно согласился правитель. – Тогда вместо тигра я возьму слона.

– Арам-Бану, иди повеселись с нами, – окликнула Ясаман сестру. – Вот тебе павлин.

В восторге, что ее принимают в игру, Арам-Бану вскочила и схватила серебряную нить, прикрепленную к змею, который Адали уже запустил для нее. Ясаман стояла рядом с сестрой и учила ее искусству управления, чтобы змей этой женщины с умом ребенка не разбился о землю. Быть может, Арам-Бану была не так сообразительна, как другие в ее возрасте, зато обладала характером настоящих Моголов, особенно когда была расстроена или когда ей перечили.

– Когда-нибудь Ясаман станет хорошей матерью, – заметила Ругайя Бегум, довольная добротой дочери.

– По-другому и не может быть, ведь она видит перед собой самый лучший пример, дорогая подруга, – отозвалась Иодх Баи.

– Не я, так ты бы воспитала ее, – резонно возразила Ругайя.

– Но не так хорошо, как ты, – не соглашалась Иодх Баи. – Посмотри на моего сына, дорогая.

– Придет время, и он станет замечательным правителем, – не отступала Ругайя. – Просто он нетерпелив.

– И упрям, и слишком горд, – добавила Иодх Баи. – Он мой ребенок. Я люблю его, и мне хочется верить, что он – совершенство, даже если и знаю людей гораздо лучших, чем он.

– Например, его отца, – усмехнулась Ругайя, – или мою любимую дочь Ясаман.

– Ты слишком снисходительна к Салиму. И все же из всех женщин из дома его отца ты одна не молила за него и никогда не была им очарована, – заметила Иодх Баи.

– Не была, – согласилась подруга. – Салим должен знать, что есть женщины, которые могут устоять перед ним. Он должен признавать, когда бывает не прав. Я всегда служила голосом его совести. И останусь им, пока хожу по этой земле. Если из своих ошибок он будет извлекать уроки, то однажды станет добрым, справедливым правителем. Я верю, что ему это удастся.

Вскоре праздник окончился. Слуги вынесли чаши с розовой водой и пушистые полотенца, чтобы дамы могли смыть с пальцев липкие остатки сладкого десерта. Ясаман любезно проводила гостей к лодкам, поцеловала каждую тетю и старшую сестру и помахала вслед им рукой. Остались только Акбар и ее мать. Обняв родителей, принцесса пожелала им спокойной ночи и отправилась в кровать. День был восхитительным, но она знала, что мать хочет обсудить с отцом планы на ее замужество. Сама же она горела желанием получше рассмотреть Ночную книгу, подаренную Иодх Баи, книгу, которой когда-то владела Кандра – женщина, давшая ей жизнь и вновь исчезнувшая в своем мире.

Акбар позвал Адали:

– Помоги мне снять одежды, а потом принеси чашу легкого вина, старый друг.

Управитель быстро снял с господина тунику и обувь.

– Принеси его величеству набедренную повязку, – приказал он рабыне. Потом, согнувшись, снял с Акбара шаровары. Каждую часть одежды он передавал молодому евнуху, выжидаательно стоявшему рядом. Раздев господина донага, Адали обернул его повязкой, принесенной рабыней. Она представляла собой ткань, обмотанную несколько раз вокруг бедер, конец которой был заткнут за пояс, – традиционное домашнее одеяние Моголов.

– Вот и все, милостивый господин, – произнес Адали, выполнив приказание и нетерпеливо делая знак молодому евнуху уйти.

– Ах, – выдохнул Акбар, наконец чувствуя себя удобно.

Адали позволил себе слегка улыбнуться и тут же поспешил к небольшому столику. Налив господину вина, он подал его и с поклоном удалился с террасы. Он представлял важность разговора, который вот-вот должен был здесь начаться. Осторожно он устроился в тени, откуда мог все слышать, оставаясь невидимым.

Правитель опустился на широкую кушетку и, раскинувшись, потягивал вино. Рядом на низком стуле сидела Ругайя Бегум и ожидала, когда господин соизволит заговорить о том, что она уже пыталась с ним обсудить. Наконец он произнес:

– По нашим законам она слишком молода, чтобы выходить замуж, Ругайя.

– И все же к тому дню, через год, когда она будет достаточно взрослой, мы должны выбрать ей мужа.

– Ты так ее любишь: я не могу поверить, что ты всерьез хочешь обсуждать ее брак. Ну что ж, если мы об этом заговорили... Есть несколько принцев, достойных Ясаман. Раджа Ориссы или, может быть, наследник Кандеша или Мевара.

– В Ориссе слишком жарко для Ясаман, – ответила Ругайя Бегум. – Во время зноя она делается совсем вялой, а влага Бенгальского залива преждевременно убьет ее. С Кандешем та же проблема, к тому же не уверена, что госпоже Лейле понравится, если ты выдашь Ясаман замуж за сына человека, который сбросил ее отца. Что же до Мевара, то ты ведь не собира-

ешься заключать с ними мир, предложив взамен нашу дочь. Меня поразило, что ты мог такое предложить. В Меваре очень беспокойные люди, – заключила она.

Акбар скрыл усмешку. Ругайя Бегум, очевидно, уже выбрала будущего мужа для Ясаман, и совет с ним был просто формальностью.

– Может быть, насчет Ориссы, Кандеша и Мевара ты и права, дорогая, – протянул он. – А у тебя самой есть другие предложения? Ты мать Ясаман и можешь пожелать ей только самого лучшего.

Ругайя Бегум улыбнулась: как хорошо он ее понимал.

– Больше других мест Ясаман любит Кашмир. С каждым годом она проводит здесь все больше времени, и все меньше в Лахоре и Агре. В этом году она почти все время жила здесь. Думаю, она была бы счастлива, если бы смогла остаться здесь на всю жизнь. Юзеф-хан, бывший правитель Кашмира, а теперь твой самый верный военачальник, имеет нескольких оставшихся в живых сыновей. Старший, Якуб Али-хан, несмотря на все свое смирение перед тобой, – смутьян, средний, Хайдер, тянется за ним. А вот Ямал Дарья-хан – нет.

– Сколько лет Ямал-хану? – поинтересовался правитель.

– Двадцать три, мой господин, – ответила жена.

– У него есть жены?

– Нет. Он держит наложниц, всего с полдюжины женщин, которых любит, но ни с одной из них он в брак не вступил.

– Якуб-хан старше принца Ямала на несколько лет и родился от другой матери. Младший – потомок госпожи из уважаемой, но не очень влиятельной кашмирской семьи. Юзеф-хан женился на ней, когда верноподданный чиновник попросил его взять девочку в гарем. Человек этот был на пороге смерти, другой семьи у ребенка не было, и отец боялся за ее будущее. Она была очаровательной. Надо сказать, принц Ямал тоже привлекательный мужчина.

Увидев девушку, Юзеф-хан согласился жениться на ней и обеспечить деньгами – гораздо больше того, на что рассчитывал чиновник. Свадьбу сыграли немедленно, пока не умер отец. В ту же ночь Юзеф-хан взял невесту в постель, и доказательства их близости на следующее утро были представлены ее отцу. В тот же день он умер. Через несколько недель новобрачная объявила, что готовится стать матерью. Говорят, что Юзеф-хан был очень доволен, в отличие от матери Якуб-хана, особенно когда та узнала, что родился еще один сын.

С ранних лет мать воспитывала принца в духе верноподданничества отцу, учила исполнять любое его желание. Так благодарная женщина платила долг своему господину. Вот почему, когда Юзеф-хан так достойно принял поражение от тебя в битве за Кашмир и стал одним из твоих самых верных военачальников, принц Ямал не восстал против тебя, как его брат Якуб-хан.

Я знала мать принца Ямала. Она умерла два года назад, а при жизни была доброй, милосердной женщиной. Надеюсь, ее сын будет Ясаман хорошим мужем. Если ты поверишь ему, как поверил его отцу, то сможешь от своего имени назначить здешним губернатором. Сделав сына их бывшего правителя своим наместником и выдав за него свою любимую дочь, ты только привяжешь к себе людей в Кашмире. Прости, может, я говорю то, что не должна была говорить, но ты не вечно будешь на земле с Ясаман, так же как и я. Когда-нибудь станет править Салим, и если его обожаемая сестра окажется замужем за губернатором Кашмира, с севера его земли будут в безопасности. Ты должен подумать о будущем, когда планируешь брак Ясаман и размышляешь о царствовании Салима, – закончила Ругайя Бегум.

– Вижу, ты все хорошо продумала, милая Ругайя. Конечно, прежде чем принять решение, я должен встретиться с этим образцом царственных добродетелей. – Акбар улыбнулся жене. – А Ясаман знает принца Ямала?

Ругайя Бегум покачала головой:

– Она не знает ничего, кроме той простой жизни, которую вела, укрытая от невзгод в недрах семьи. Не было необходимости, чтобы она знала что-нибудь еще.

В знак согласия правитель наклонил голову:

– Не было. Ты мудро поступала, выполняя материнские обязанности. И все же Салима была права, когда сказала, что девочка физически созрела. Она похорошела так внезапно – стала самым очаровательным ребенком из всех моих детей. Как бы я хотел, чтобы сейчас ее увидела Кандра. Правильно, наверное, что мы хотим ее выдать замуж юной. Ее мать была такой же, когда я взял ее в жены. – На секунду его глаза затуманились воспоминаниями. – Юной, очень страстной и такой красивой.

– Так ты все еще о ней думаешь? – проговорила Ругайя. – Я ее никогда не забуду. Иногда Ясаман взглянет по-особому, сделает такой знакомый жест рукой – и я вижу Кандру.

– Дня не проходит со времени ее отъезда, чтобы я не вспоминал Кандру, – признался Акбар жене. – Я не разлюбил ее из-за того, что она далеко. Доказательством моей великой любви к английской розе служит Ясаман. Ей я желаю только самого лучшего. И если ты говоришь, что принц Ямал Дарья-хан будет нашей дочери хорошим мужем, мне остается лишь довериться твоему выбору.

– Спасибо, мой дорогой господин, – произнесла Ругайя Бегум. – Я действительно серьезно и долго обдумывала это дело. Хотя в девочке наполовину наша кровь и она выросла в Индии, в ее жилах течет и кровь Кандры. Двумя качествами – независимостью и решимостью – она не похожа на нас. И в Кашмире люди настроены независимо. Здесь ей проще будет оставаться собой.

– А как только Ясаман углубится в эту Ночную книгу, которую подарила ей Иодх Бай, – подхватил правитель с улыбкой, – ее молодое любопытство тут же даст о себе знать. И кому же, как не такому же юному и страстному жениху, удовлетворить это любопытство?

– А ты не забыл, – напомнила ему Ругайя Бегум, – как вначале не мог преодолеть сопротивления Кандры и пришел за помощью к Иодх Бай и ко мне? Вначале книга предназначалась племяннице Иодх Бай, готовившейся замуж, но твоя жена предложила отослать ее Кандре.

Память пронзила Акбара болезненной сладостью, но все же он смог улыбнуться:

– Она была такой любопытной и такой застенчивой. Помню, как я переворачивал ей страницы и видел, как она медленно приходит в возбуждение. Наконец она отдалась мне. В ту ночь я испытал блаженство тысячу раз и еще тысячу – в воображении годы спустя.

– А теперь книга принадлежит ребенку, которого она для тебя выносила, – сказала Ругайя Бегум. – Может быть, не стоило отдавать ее, пока не устроился брак?

Акбар покачал головой:

– Девочка невинна, но любознательна, Ругайя. Пусть ее любознательность получает невинный выход.

Пока родители Ясаман обсуждали ее будущее, она терпеливо дожидалась, когда служанки разденут ее и оботрут розовой водой. Сестрам-близнецам Рохане и Торамалли исполнилось по двадцать четыре года. Они походили друг на друга, как две половинки яблока. И та и другая имели родинку в виде цветка в уголке глаза: Торамалли – правого, Рохана – левого. У них были выразительные темно-карие глаза, золотистая кожа и длинные прямые черные волосы. Им не исполнилось еще и десяти лет, когда Могол подарил их Кандре, а когда та покинула Индию, они остались прислуживать ее дочери.

Рохана распустила волосы госпожи, вычесала из них золотую пудру и смочила благовонным жасминовым маслом. Вечер становился прохладнее, и Торамалли принесла большую легкую шаль, чтобы укутать хозяйку. Потом служанки отвели Ясаман в постель.

– Оставьте меня, – приказала принцесса. – Ступайте в свою спальню.

С поклонами сестры вышли из покоев. Ясаман выскользнула из кровати, чтобы взять масляный светильник и Ночную книгу. Установив светильник на небольшом круглом столике

рядом с изголовьем, Ясаман свернулась в постели и открыла книгу. Шаль соскользнула с ее плеч, но она этого даже не заметила. Перелистав страницы и пропустив лист с загадочным изречением из «Камасутры», она открыла первый рисунок. Чистые и яркие краски изображали полностью одетого принца с короной в виде лотоса на голове, сидящего подле красиво одетой супруги.

Ясаман почувствовала легкое разочарование – ничего возбуждающего в этом не было. У Ясаман хватило познаний в индуизме, она поняла, что корона в виде лотоса – знак высшего духовного прозрения ее обладателя. Неужели мужчина поднялся на такую высоту, чтобы обладать женщиной? А как же его супруга? Или она все перепутала? Может быть, мужчины надевают короны из лотоса, когда идут к женщине? Да! В этом все дело. Она перевернула страницу и поняла, что ошиблась.

Второй рисунок представлял принца раздетым и без короны и его нагую жену. Молодая женщина застенчиво глядела из-под ресниц и прижималась к своему господину, а тот довольно крепко сжимал одной рукой ее грудь, в то время как другая легко гладила ее живот. Это было уже интереснее. Ясаман закрыла глаза и попробовала представить, что бы она почувствовала, если бы мужчина вот так же ласкал сокровенные части ее тела. Но ничего не смогла вообразить, потому что не знала даже романтической любви, не знала ни одного мужчины, которого могла бы так полюбить. Из мужчин она была знакома лишь с отцом, Абу-л Фазлом, братьями, евнухом Адали и отцом Кулленом, который тоже не иначе как был евнухом. Салим был самым привлекательным, и его легко было представить любовником, если бы он не был братом.

Ясаман перевернула страницу и обнаружила принца с супругой тесно обнявшимися и нежно глядящими в глаза друг другу. Член принца напрягся в предвкушении наслаждения. Закрыв глаза, девушка изо всех сил попыталась представить, что бы она ощутила в такую минуту. Шаль вовсе свалилась с ее плеч. С глубоким вздохом она сжала рукой собственную грудь и содрогнулась от пронзившего ее возбуждения.

В этот момент ее внимание привлекли легкие шаги. Она открыла глаза и увидела мужчину, который проскользнул с террасы в ее спальню. Узнав в лунном свете фигуру брата, Ясаман виновато вспыхнула. Он подошел ближе.

– Не спишь еще, обезьянка? – В удивлении он не мог оторвать глаз от ее откровенной наготы.

– Салим, – едва слышно прошептала девушка, – уже поздно. Что ты здесь делаешь? – Предаваясь эротическим мечтаниям, она позабыла, что раздета, но сейчас вновь натянула на плечи шаль.

– Я обещал тебе, что приду, – произнес принц, садясь рядом. «Аллах, – думал он, – что за прекрасное тело у моей сестренки! Она должна быть моей. Я не позволю, чтобы кто-нибудь другой обладал ею».

– Но я не думала, что сегодня, – ответила она, внезапно застеснявшись и почувствовав легкое раздражение из-за того, что он прервал ее мечты как раз тогда, когда все становилось так интересно.

Он почувствовал в ее голосе раздражение, такое легкое, что лишь он, знавший малейший оттенок ее чувств, мог различить. Она всегда занимала его. В ней он находил нечто особенное, чего не было в других женщинах. Потом его взгляд остановился на книге:

– А это что, обезьянка? – спросил он, прекрасно разглядев, что она держала в руках.

– Ночная книга. Мне ее сегодня подарила твоя мать. Она когда-то принадлежала принцессе Розе.

– Ночная книга! Ну конечно! И Ман Бай, и Нур Яхан лелеяли ее в своих брачных шкапулках. Мне она была не нужна, – хвастливо заметил он. – Так Ругайя Бегум в самом деле собирается подыскать тебе жениха?

– Вечером папа с мамой не могли дождаться, когда я уйду, чтобы обсудить это, – призналась Ясаман. – Не представляю, кого они выберут мне в мужа!

– А ты едва дождалась, чтобы остаться одной и познать всю мудрость Ночной книги? – засмеялся он, пропустив мимо ушей ее последнее замечание.

– Салим! – Она притворилась сердитой, но тут же вздохнула. – Все, что я могу узнать из Ночной книги, это как мужчина и женщина должны любить друг друга.

– А этого разве недостаточно? – испытующе спросил принц. Аллах! Неужели ему предложена возможность, о которой он и мечтать не смел? Сердце бешено колотилось, кровь бурлила в жилах.

– А я хотела знать, что бы ощутила я, – ответила Ясаман, – если бы оказалась на месте той супруги на картинке. Это нехорошо, Салим? А что, если они подберут мне мужа, а мне не понравится, как он будет меня любить? Я ведь даже не знаю, понравится ли мне вообще такая любовь. Ты знаешь, так нелегко быть девушкой.

Салим дотронулся до сестры, стал ласкать ее кожу. Какой она была мягкой!

– Ничего нет плохого в том, что тебя интересуют такие вещи, Ясаман, – успокоил он – Так бывает со всеми девушками. Твои сомнения просто решить. Их одним и тем же способом решают все девушки, у которых есть старшие братья. Так происходит со дня сотворения мира.

Как восхитительно пахнут ее волосы!

– Как? – Ясаман разглядывала его привлекательное лицо. Почему она никогда не замечала, какой чувственный рот у Салима?

– Вдвоем мы можем изобразить то, что нарисовано на страницах Ночной книги. Нет, нет, – быстро добавил он, видя ее удивление и желая успокоить, – не полное слияние, какое бывает у мужчины и женщины. Твоя драгоценная девственность принадлежит мужу. Но ничего нет плохого в том, чтобы я научил тебя тому, что доставит мужу удовольствие и что изображено в этой книге. Я ведь знаю, как ты не любишь выглядеть неумелой. – Как бы подчеркивая сказанное, рука Салима нашла ее грудь. Нежно большим пальцем он погладил сосок и услышал ее судорожный вздох. – Доверься мне, и ты не покажешься неопытной, – горячо прошептал он и, наклонившись, поцеловал ее округлое плечо.

Ясаман почувствовала, что ее гордость уязвлена, и в то же время испытала укол совести.

– Нельзя подражать владыкам Египта, – прошептала она. – Все говорят, что это нехорошо.

– Но мы и не будем этого делать, сестра, – пообещал Салим. – Девушка многое может узнать, прежде чем мужчина войдет в ее лоно. Доверься мне, обезьянка, и я сделаю тебя опытной из невест.

– А мой муж захочет иметь опытнейшую из невест? – спросила девушка резко. – Может быть, мои знания должны исходить от него. – Хорошо ли, что рука Салима на груди так ей нравится? Но разве может быть плохим столь приятное?

– До тех пор, пока не тронута твоя девственность, его будет волновать лишь то удовольствие, которое ты ему сможешь доставить, – заверил ее брат и вновь поцеловал в обнаженное плечо.

– Я все-таки не уверена, что это хорошо, – медленно проговорила она, но гордость и природная любознательность брали верх над сомнениями.

– Я сниму набедренную повязку, обезьянка. – Он соскользнул с кровати и встал во весь рост. Пусть она увидит его обнаженным. Он гордился своим телом – мускулистым, без признаков жира, несмотря на любовь к вину.

Ясаман минуту раздумывала, а потом кивнула. Его рука на груди доставила ей трепетное удовольствие, ощущение близости, и девушка хотела, чтобы оно вернулось. Он лишь касался ее. В прикосновении не могло быть ничего плохого.

Величайшим усилием Салиму удалось скрыть торжество, пока он разматывал повязку и откладывал ее в сторону. Сегодня он будет держать желания в узде. Если Ясаман окажется такой страстной, как он думает, вскоре наступит ночь, когда она не будет заботиться о том, что произойдет между ними. Она сама будет упрашивать овладеть ею. Ведь она – его женская половина. Стоит ей преодолеть детские страхи, и она будет хотеть его так же сильно, как он хочет ее!

Выпрямившись, из-под полуприкрытых век он наблюдал, как она внимательно рассматривает его, затем снова подсел к сестре.

– Переверни страницу, – распорядился принц, и девушка подчинилась.

– Что это, во имя Аллаха, принц делает со своей супругой? – спросила она брата. Ясаман с любопытством разглядывала картинку, на которой женщина лежала на спине, раздвинув ноги, а принц острым языком лизал ее самое сокровенное место. Казалось, она испытывала блаженство, глаза полузакрыты, словно она знала какую-то особую тайну.

– Первое удовольствие, которое может доставить любовнице мужчина, сохраняя нетронутой ее девственность, – объяснил Салим.

– Покажи мне!

– Не сразу, Ясаман. – «Аллах! Сколько в ней желания!» Но ему нужно действовать не спеша, если он хочет овладеть ею. – У тебя такие чудесные груди, сестра. Сначала я буду ласкать их. Это тоже доставляет удовольствие. – Он сел напротив нее, скрестив ноги, и, подавшись вперед, обеими руками стал пылко гладить ее грудь. – Дай мне твои сладкие губы, я поцелую их, но не как брат целует сестру, а как мужчина женщину.

– А ты можешь делать и то и другое одновременно? Это так замечательно! – и потянувшись, подставила ему губы. Аллах! Ее невинность была такой соблазнительной, и он тотчас же пришел в возбуждение. Крепко поцеловав ее, он попросил раскрыть рот:

– Дай мне язык.

– Зачем? – На мгновение она озадаченно отстранилась от него.

– Потому что это тоже приносит наслаждение – горячее, сладкое, заставляющее таять.

Закрыв глаза, Ясаман повиновалась. Восхищенная, она с изумлением почувствовала, как по спине побежали мурашки, когда он длинными толчками стал языком ласкать ее язык, а руки продолжали гладить и сжимать груди.

– М-м-м-м, – застонала она, придя в восторг от нового ощущения.

– Добавим третий элемент, сестра. – Чтобы заговорить, он оторвался от ее рта. – До сих пор только ты получала удовольствие. Когда я вновь поцелую тебя, возьми в свои маленькие ручки мой член. Сейчас он в покое, но быть может, и твое неумелое прикосновение заставит его подняться. Доставь и мне наслаждение.

– Салим! – воскликнула она. – Разве можно делать сразу столько удивительных вещей? Да я раньше никогда и не дотрагивалась до мужского члена. Не знаю, осмелюсь ли. – Она опустила глаза, чтобы посмотреть на его орган – орудие любви, так, она слышала, его называют. И хоть раньше она ничего подобного не видела, впечатление оказалось сильным.

– Можно делать все, Ясаман, и еще больше, уверяю тебя. Бери в свои мягкие белые ручки мой член – ведь ты дочь Могола и ничего не боишься!

Их губы снова встретились, и она потянулась к его мужскому естеству. Она нежно ласкала его, сжимала, отпускала вновь, легонько постукивала пальцами. К ее изумлению, он стал расти и становиться толще, пока не сделался твердым, словно металлический прут. Когда брат вскрикнул, Ясаман отдернула руку:

– Я не сделала тебе больно, Салим? – в испуге спросила она. – Я не хотела повредить твое орудие любви!

– Нет, – успокоил он сестру сквозь стиснутые зубы. Аллах! Он и не представлял, что Ясаман сможет так быстро и полно его возбудить. А ведь она была девственницей! Ему хотелось

броситься вперед, проникнуть в нее, переполнить страстью, но инстинктивно он чувствовал, что сегодня – не время. Если она испугается и закричит – ему конец. Отец сегодня ночует во дворце.

Салим твердо знал: если старик обнаружит, чем он занимается с Ясаман, то, не колеблясь, лишит его наследства, а наследником сделает сына Салима Хусрау. Мольбы о прощении от женщин не будет. Мариам Макани и жены Акбара обожают Ясаман, а Ругайя Бегум – не его друг. За соращение сестры они его не пощадят, даже будут просить Акбара уничтожить его. И тот наверняка нанесет смертельный удар, если обнаружит тайную запретную связь между ним и своей наивной дочерью. Ясаман так доверчива!

– А почему ты тогда вскрикнул? – спросила девушка, будто проникая в его мысли.

– Потому что ты доставила мне великое наслаждение, сестра, – ответил принц, стараясь вернуть контроль над собой. Нужно отвлечься. – Теперь я доставлю такое же наслаждение тебе, Ясаман. Мы изобразим то, что нарисовано в Ночной книге на странице, которую ты открыла. – Салим погладил сестру по щеке и коротко поцеловал в губы. – Ложись на спину, обезьянка, и разведи ноги. Смотри не скатись с кровати: она такая маленькая. – Он потянулся вперед и подложил сестре под шею и плечи шелковый валик.

– Она не рассчитана на двоих, Салим, – ответила сестра, осторожно устраиваясь. – Что ты собираешься делать?

Он встал на колени между ее ног и потянулся к теплой плоти, так невинно ему открывшейся.

– Вот что делает принц на картинке, – заговорил он. – Там внутри под губками заключена драгоценность огромной чувственности. Только самые нежные прикосновения могут возбудить ее, доставляя тебе наслаждение, которого ты никогда раньше не испытывала. – Она нервно поежилась и всхлипнула от острого ощущения, когда он пальцами развел ее плоть.

Зачарованная, Ясаман увидела, что Салим еще больше наклонился вперед, его темная голова очутилась между ее раздвинутыми бедрами. Она подняла глаза и заглянула в книгу. Да, все правильно. И вдруг она это ощутила – легкие, точно пушинкой, прикосновения к самой сокровенной ее сути. На миг ее охватил внезапный страх. Что там делает Салим? Голова девушки металась из стороны в сторону. Руки брата крепко сжимали ее. Что он там делает? Догадка пронзила ее. Язык! Его язык в ней! Сердце учащенно забилося. Она подумала, что брат не должен был делать с ней такое, и все же... все же...

Она вздрогнула, а затем внезапно успокоилась. Салим не причинит ей боли. Не причинит. Его язык такой приятный. Она издала нежный звук. И вдруг тело сделалось истомленным и одновременно ужасно напряженным. Она выдохнула, глаза закрылись сами собой, будто заскользила по волнам. Ощущение было восхитительным. Удивительно восхитительным. Тело таяло и превращалось в ничто. Салим застонал и вдруг нежно спросил:

– Тебе хорошо, Ясаман? Ты что-нибудь чувствуешь? – Аллах! Она совсем не похожа на других. Он никогда не насытится ее сладостным соком.

– Еще, – без стеснения попросила девушка.

На мгновение он подчинился, но потом понял, что вскоре Ясаман не удовлетворит предлагаемая им игра.

Он хотел ее, но девушке еще предстояло так много познать, прежде чем они предадутся общей страсти. Он не испортит задуманного неразумной спешкой. Когда наступит час, она попросит всего сама, и он с радостью ей это даст. Он потерял языком о ее маленькую драгоценность, заставляя до конца испытать жар и сладость чувства. Она содрогнулась в последний раз и тихо застонала.

Ее ноги все еще подрагивали. Салим поднялся и длительным поцелуем заставил ее замолчать, погружая влажный от девичьих соков язык глубоко в рот и подчиняя себе. Крепким торсом он прижался к нежному телу сестры, ощущая ее мягкие груди.

Потом, не решаясь дольше оставаться поверх девушки из опасения потерять контроль над собой, он перекатился на бок и сел.

– Ну вот, сестренка, – произнес он обманчиво-спокойным голосом, – ты испытала страсть. Тебе понравилось?

Ясаман широко раскрыла свои бирюзово-голубые глаза, в упор посмотрела на него.

– Да, – просто ответила она. – Очень. Муж мне будет доставлять такое же наслаждение?

– Будет. Если окажется хорошим любовником.

– Я не хочу выходить замуж за плохого любовника, – искренне призналась она. – А как заранее узнать, какой он любовник?

– Мы узнаем о его репутации, – объяснил принц. В страсти Ясаман была ему ровней. Он обучит ее всему, и она будет принадлежать только ему одному. С четвертой женой не может не повезти, ведь недаром четыре – его счастливое число. Ман Баи, кузина и мать его детей, – верная и милая женщина. Амара обожает его и смыслит в политике. Нур Яхан – умна, сообразительна, тщеславна сама и по отношению к мужу. Такова правда. Ясаман – наполовину сестра – страстная и горячая: ровня ему и его утешение. Вместе они будут самым совершенством.

– Посмотри! – Ясаман очнулась от пережитого и перевернула страницу Ночной книги. – Теперь супруга берет в рот член своего господина. Это тоже доставляет ему удовольствие, Салим?

– Да, – подтвердил он, стараясь унять поднимающуюся в нем дрожь. Не теперь, предостерегала благоразумная часть его естества. Если позволить ей это, отступления не будет.

– Тогда можно я доставлю тебе такое удовольствие?

– Не сегодня, сестренка. – Его обрадовало выражение разочарования, промелькнувшее в ее глазах. – Уже поздно. Ты уже многое узнала и оказалась способной ученицей. Оставим что-нибудь для следующего раза.

– Когда? – нетерпеливо спросила она.

– Завтра, когда все лягут спать, я снова приду к тебе, сестра. Ты хочешь? – Он подобрал повязку и обмотал ее вокруг горящих бедер.

– Да, – медленно ответила Ясаман. – Но до завтрашнего вечера целых тысяча лет, Салим.

– Предвкушаемая страсть – самая великолепная, – рассудительно заметил принц. – А теперь пожелай мне спокойной ночи, обезьянка.

К его изумлению, девушка соскочила с кровати, обвила шею руками и жарко прижалась к нему всем телом. Их губы встретились, и они задохнулись в безумном горячем поцелуе. «Спокойствие!» – предупреждал его внутренний голос. Он отстранился и с холодной улыбкой не спеша вышел из спальни, хотя покинуть сестру ему вовсе не хотелось.

Проводив его, Ясаман взяла Ночную книгу и, со вздохом взглянув на нее, закрыла и отложила в сторону. Расправив смятую постель, вновь легла, но сон не шел. Медленно ее рука скользнула к тому сказочному месту между ног и, раздвинув складки, проникла внутрь.

Как там было влажно. Влажно и горячо. Она стала легонько поигрывать пальцами. Восхитительный трепет прошел по ее телу. Почти такой же, какой доставлял его быстрый язык. Но теперь он приносил облегчение, избавляя тело от заливавшего его беспокойного напряжения. Пальцы шевелились все настойчивее и настойчивее, пока со вздохом она не почувствовала, как расслабляется. Дыхание замедлилось и стало ровным, и она глубоко заснула.

Из тени появился едва различимый человек и, беззвучно ступая, подошел к кровати. Взяв Ночную книгу с того места, где оставила ее Ясаман, Адали поспешил из спальни. Он видел все, что произошло между маленькой принцессой и ее братом. Заботу о девочке ему поручили, когда той было всего шесть месяцев от роду, и с тех пор он еще ни разу не позволял беде так приблизиться к ребенку. Уже несколько лет, наблюдая встречи брата и сестры, он не сомневался в недобрых намерениях принца Салима по отношению к Ясаман. Недремлиющий на страже безопасности принцессы, он давно видел, где таится зло, еще до того, как его подметила

добрая Ругайя Бегум. Много раз он незаметно отводил от девочки беду, не сказав никому ни единого слова. Но сегодня все было иначе. Он вынужден был безмолвно наблюдать, как принц Салим посягал на невинность Ясаман, он не мог вмешаться. Потому что дать понять, что он видел это, означало подписать себе смертный приговор. Как доказало убийство Абу-л Фазла, принц Салим был безжалостен. А Адали знал, что из могилы он уже не поможет своей юной госпоже. Здесь требовалась помощь кого-нибудь более влиятельного, чем он. Адали постучал в дверь спальни Ругайи Бегум, изо всех сил надеясь, что с ней не будет правителя. Дверь открыла старшая служанка Ругайи Лайли.

– Госпожа отдыхает, – раздраженно ответила она, недовольная, что ее подняли с постели.

– Тем не менее я должен ее видеть, – настаивал Адали. В доме принцессы Ясаман, где он был главным управителем, Лайли не смела ему отказать.

– Заходи, – пригласила она и, ворча что-то про себя, прошла в спальню госпожи, откуда показалась через несколько минут и кивнула на дверь.

– Ложись спать, – велел ей Адали. – Ночью ты не понадобишься госпоже Ругайе Бегум. – И плотно затворив дверь за служанкой, приложил к ней ухо. Ему надо было убедиться, что женщина удалилась.

Ругайя Бегум сидела в кровати – седые волосы расчесаны и заплетены в одну толстую косу.

– Садись сюда, – похлопала она по краю кровати. – Если мы будем близко, Лайли ничего не услышит, даже если захочет подслушать. – Ругайя Бегум понимала: если Адали хотел ее видеть в столь поздний час, дело было неотложным. – Что случилось? – спросила она, когда евнух подсел рядом.

– Вечером, – без дальнейших предисловий начал Адали, – я спрятался в спальне принцессы Ясаман. Не спрашивайте меня, госпожа, почему. Я и сам толком не знаю. Какой-то инстинкт приказал мне это сделать.

Ругайя Бегум кивнула, но ничего не ответила, с растущим ужасом слушая, что он увидел в покоях Ясаман.

– Принцесса отвечала с невинным жаром на все попытки принца Салима, – заключил слуга. – Она удивительно страстная девушка и обещает стать очень страстной женщиной. Этого и следовало ожидать: и отец, и Кандра – страстные люди.

– Но ее страсть не должна быть направлена на Салима, – воскликнула Ругайя Бегум. – Он нехороший человек, Адали. Знает, что поступает неправильно, и все же пытается соблазнить Ясаман, которая, кроме него, не знакома ни с одним мужчиной. Что мне делать? Если что-нибудь случится с моим господином, как я смогу уберечь Ясаман? Я не смогу!

– Нельзя тянуть с браком, госпожа Бегум, – прямо ответил Адали. Старому верному слуге позволялось открыто высказывать свои мысли. – Принцессу необходимо выдать замуж до зимы. Она не должна возвращаться на юг, в Лахор.

– Адали, ты знаешь законы так же, как и я, – безнадежно сказала Ругайя Бегум. – Ни одна девушка до четырнадцати лет и ни один юноша до шестнадцати не могут вступить в брак. А Ясаман только тринадцать.

– Вы позволяете материнским страхам затмить здравый смысл, госпожа Бегум, – упрекнул ее Адали. – Вы ведь сами сказали, что законы утверждает правитель. Он же может их и отменить, если пожелает.

– Но какую причину я могу привести Акбару, чтобы оправдать такую спешку с помолвкой и браком Ясаман? – Беспокойство о дочери оставило след на лице Ругайи Бегум.

– Есть только одна причина, которая его убедит, – ответил евнух. – Правда.

Ругайя Бегум побледнела.

– Я не могу рассказать ему о таких вещах, – запротестовала она.

– Вы должны, – настаивал слуга. – Могол не глупец, и, Аллах да простит мне мои слова, он умирает. Никто не знает, когда за ним придет черный верблюд смерти. Наверное, скорее, чем нам бы хотелось, и мы оба об этом знаем. Когда он покинет этот мир, кто тогда защитит принцессу? Ни у вас, ни у меня на это не хватит власти.

– А у мужа? – спросила в ответ Ругайя Бегум. – Когда Салим станет Великим Моголом, никого не будет могущественнее его.

– Признаю, госпожа Бегум, во многих своих поступках принц Салим капризен, – согласился евнух. – Но он знает, что его страсть порочна, как бы он ее ни оправдывал. Если принцесса выйдет замуж и будет счастлива, я не думаю, чтобы он решился разрушить ее счастье. Ведь он ее любит. Еще лучше, если она станет матерью.

– А не любит ли он больше себя? – с сомнением произнесла Ругайя Бегум. – Я никогда не бываю уверенной в нем. Убийство Абу-л Фазла в самом деле поразило меня. Салим гордится, что может держать себя в узде там, где дело касается вина или опиума. Перед глазами у него несчастный пример братьев Мурада и Данияла. И все же в последнее время поговаривают о его излишествах и пьянстве. Под действием вина и опиума он не станет задумываться о том, что творит. Мне рассказывали о кастрированном паже, обидевшем его, и о забитом до смерти слуге. Непостоянство его характера пугает меня, Адали.

– Тем более вы должны сказать правду правителю Акбару, госпожа Бегум. Принц, судя по всему, не остановится ни перед чем, и принцессе надо защищать всеми силами. Наш господин предлагал кого-нибудь в мужья Ясаман?

– Конечно, – ответила Ругайя Бегум, – но ни одного подходящего. Только один принц может стать мужем Ясаман – Ямал Дарья-хан.

В знак одобрения выбора Ругайи Адали слегка поднял глаза.

– Превосходно, госпожа Бегум. Если наша принцесса выйдет замуж за принца Кашмира, она окажется вне досягаемости брата. Превосходно! Когда вы обсудите все с Моголом?

– Дадим ему поспать, Адали. Утром все решим с господином, пока он не отбыл в свой дворец. С браком Ясаман медлить нельзя. Ох, моя несчастная дочь. Она еще так молода!

– Она сильна, как Кандра, госпожа Бегум. Какую бы судьбу ни ниспослала ей жизнь, она достойно встретит испытания и победит. Я чувствую это сердцем.

3

Правитель проснулся, как обычно, рано и принял ванну. Несколько минут он провел в духовной медитации. Поднявшись с колен, он рассчитывал обнаружить завтрак, но увидел свою первую жену Ругайю Бегум. Женщина входила в комнату, и впервые ему пришло в голову, что она сильно постарела. Под глазами были ясно видны тени.

– Молю, выслушай несколько слов перед едой, господин. Дело очень важное, иначе я бы тебя не побеспокоила. Не изволишь ли пройти со мной к озеру? – Она взяла его под руку и с немой просьбой заглянула в лицо.

Он кивнул, но ничего не ответил, понимая, что она ведет туда, где их не могут подслушать. Утренний воздух был сладостным и прохладным. Солнце только показалось из-за гор, и над спокойными, точно зеркало, водами озера Вулар висела дымка.

– То, что я скажу, поразит и, без сомнения, приведет в гнев моего господина, – начала Ругайя Бегум, когда они вышли на берег. Над поверхностью, крича в поисках пищи, проносились чайки. – Поклянись душой своего отца Хумаюна³, что не будешь мстить виноватому.

– Что-то ужасное должно было произойти, если ты, жена, собираешься вырвать у меня такую клятву, – ответил Акбар.

Салим. Не иначе – это Салим, причиной большинства его горестей был Салим, но никогда прежде Ругайя не принимала его сторону. Интересно.

– Больше я не произнесу ни звука, если ты не поклянешься мне, господин, – упрямо настаивала Ругайя Бегум.

– В таком случае я вынужден поклясться, – согласился правитель. – Не припомню, чтобы ты когда-нибудь просила меня о подобном. Должно быть, случилось нечто очень серьезное. Конечно, это Салим, но раньше ты никогда его не защищала. В чем дело? – Он встревожился, видя ее в таком смятении. Похоже, она не спала всю ночь.

– Да, господин, речь идет о Салиме, но не только о нем, но и о Ясаман. – И она рассказала во всех подробностях то, что поведал ей Адали.

Акбар слушал, и от гнева цвет его лица менялся от пшеничного к смуглому. Огромным усилием воли он сумел сдержаться и не проронил ни звука, пока она не закончила свой ужасный рассказ, а потом произнес.

– Лучше бы я уничтожил его в прошлом году, когда он убил Абу-л Фазла. Принцу Хушрау – шестнадцать, он достаточно взрослый и разумный человек, чтобы стать моим наследником. Разве сам я не был моложе, когда сделался Моголом?⁴ Все прощают Салима за его очарование, и я каждый раз прощал его, потому что он первый из живых моих сыновей и так дорог моему сердцу.

Год назад он убил моего лучшего друга, к которому всегда меня ревновал. Он не переставал повторять, что я ценил Абу-л Фазла выше его, а это было неправдой. Абу-л Фазл был моим другом, а Салим – сын и наследник. Наша дружба – вот к чему всегда ревновал меня Салим. А теперь он хочет вовлечь невинную сестру в кровосмесительную связь. Он жаждет ее, как будто не одной с ней крови. Он должен умереть, Ругайя! Ничего другого не остается: он должен умереть! – Мука исказила лицо Акбара, когда он произносил эти слова.

– Нет, мой господин. – Стараясь успокоить, Ругайя Бегум положила руку на голову правителю. – У Салима есть и хорошие, так же как и плохие, качества. Всю жизнь он готовил себя к будущему, которое однажды к нему придет. И тогда он будет хорошим властелином. Убий-

³ Хумаюн – старший сын Бабура, основателя Могольской империи.

⁴ Акбар стал править самостоятельно, когда ему исполнилось 18 лет. – *Примеч. пер.*

ство Абу-л Фазла – ужасный поступок, и я не могу его простить. Но понимаю, почему принц действовал именно так. Не нужно, чтобы смерть сына была на твоей совести. Не теперь.

Все можно решить гораздо проще. Разреши Ясаман выйти замуж за сына Юзеф-хана. Разреши ей остаться в Кашмире. отошли Салима на юг и держи его там. Мевар до конца так и не склонил головы. Салиму там хватит дел. С молодым страстным мужем у Ясаман вскоре должны появиться дети. Она будет счастлива, и, видя ее счастье, брат будет радоваться за нее и оставит дурные намерения.

– То, что он касался Ясаман таким образом, выводит меня из себя, Ругайя! – воскликнул в гнев правитель. – У него не было прав. Аллах! Она ведь почти ребенок!

– Меня это тоже злит, мой господин. Но с тем, что случилось, уже ничего не поделать, – рассудительно заметила Ругайя Бегум. – Представь себе, наш добрый Адали был вынужден прятаться в тени, пока Салим пытался совратить Ясаман. Он оставался там, несмотря на гнев, чтобы отвести зло от Ясаман в будущем. Ведь если бы Салим заметил Адали, он убил бы его собственными руками. Адали предпочел сохранить свою голову, чтобы когда-нибудь грудью встать против Салима. Мы должны быть такими же мужественными и мудрыми, мой господин. Салим не должен догадываться, что мы знаем, какая в нем таится темная страсть к Ясаман. Сейчас он верит, что овладеет сестрой. Но если заподозрит, что мы его подозреваем, то сделает все, чтобы осуществить свое желание немедленно.

– Но он узнает о браке Ясаман, – возразил Акбар, – и спросит, почему я разрешил выдать ее замуж тринадцати лет, когда закон ясно гласит, что невесте должно быть четырнадцать. Что ответить ему, добрая жена? Сказать – это моя воля? Для Салима этого будет недостаточно.

– В этом нет ничего трудного, мой господин, – улыбнулась Ругайя Бегум. – Скажи, что опасаешься за преданность Якуб-хана, несмотря на верноподданную службу его отца. Скажи принцу Салиму, что хочешь обеспечить верность семьи Юзеф-хана, связав браком Ясаман с его младшим сыном. Скажи ему, что когда-нибудь сделаешь принца Ямала Дарья-хана губернатором Кашмира и, таким образом, еще крепче привяжешь его, его семью и народ Кашмира к своей семье. В этом акте есть логика и государственный смысл, и он достоин тебя, мой господин.

– Я успел позабыть, какая ты мудрая и умная, Ругайя, – усмехнулся Акбар. – Слишком долго, воспитывая дочь, ты была вдали от меня. – Он наклонился и поцеловал ее в щеку. – Сегодня же я поговорю с Юзеф-ханом и решу это дело. И пошлю к Ясаман госпожу Юлиану, чтобы та убедилась, не нарушил ли Салим девственности дочери.

– Эту тайну разделяет с нами Адали. Но будет еще один человек, который взвалит на себя ее тяжесть. Священник. Ясаман воспитана в христианской вере, как того хотела ее мать, но ее религиозные взгляды, как и твои, широки. И все же нам потребуется помощь священника, чтобы подготовить девушку к величайшей перемене в ее жизни.

Они повернулись и направились во дворец.

– Хорошо, Ругайя. Это я оставляю на твое усмотрение. Теперь мне нужно поесть и заняться делами. Сейчас Юзеф-хан здесь со своей семьей, и дело с замужеством Ясаман можно решить быстро.

Почтительно поклонившись мужу, Ругайя Бегум отправилась разыскивать отца Куллена Батлера, домашнего священника Ясаман. Он только что завершил утренние молитвы, и она, как и Акбара, пригласила его прогуляться по берегу озера.

– Мне требуется ваша помощь, отец Куллен, – начала она.

– Вы знаете, вам стоит только приказать, госпожа. – В его мягком выговоре чувствовались нотки ирландского наречия.

Он был высоким худощавым человеком средних лет с коротко подстриженными волосами. Небольшие голубые глаза смотрели живо и изучающе. Он приехал, когда Ясаман шел второй год, после того как Акбар попросил главу иезуитов в Индии прислать ему домашнего

священника для дочери. В то время это вызвало недоумение, но поднявшийся шум быстро улегся. Акбар славился своим интересом ко многим религиям, и у всех принцесс в свое время были наставниками католические священники. Отец Батлер легко вошел в дом. Он был очарован Индией, никогда не осуждал и не критиковал местные нравы и обычаи. Вскоре в нем обнаружилось грубоватое чувство юмора, за которое слуги его полюбили.

– Вот уже некоторое время, – начала Ругайя Бегум, – я замечаю, что интерес Салима к Ясаман скорее напоминает любовь мужчины к женщине, чем брата к сестре. Я пыталась выбросить из головы эти недостойные мысли. Не хотелось верить в то, что подсказывал мне инстинкт. В это невозможно было поверить!

– Но теперь вы изменили мнение. Не так ли, госпожа? Почему? – Голубые глаза священника сделались серьезными.

– Прошлой ночью принц Салим принялся соблазнять Ясаман. Он вошел в ее спальню и... и... Не могу рассказывать вам эту мерзость. Если бы не Адали... – Несколько мгновений она была не в силах продолжать.

– Адали их поймал? – Священник старался узнать все до конца, прежде чем женщина расплачется.

– Адали заподозрил принца Салима. – Невероятным усилием Ругайя Бегум овладела собой. – Он спрятался в спальне Ясаман и видел все, что происходило между ними.

Госпожа Иодх Баи вчера подарила Ясаман Ночную книгу. Когда-то она принадлежала Кандре. Конечно, девочка заинтересовалась. Она как раз разглядывала книгу, когда вошел ее брат. Он предложил ей изобразить вдвоем то, что нарисовано на картинках. И ему удалось убедить сестру, сказав, что, выходя замуж, девушка должна быть сведуща в любви. Он заверил ее, что девственница может получать огромное удовольствие, не теряя невинности.

– Кровь Христа на его голову! – взорвался священник, поразив Ругайю Бегум. Никогда еще она не слышала, чтобы он так многословно ругался. Куллен Батлер настолько пронзительно поглядел на женщину, что та в испуге чуть не отступила. – Он лишил ее невинности? – без обиняков спросил он.

– Нет, нет, – заверила его Ругайя Бегум. – Так по крайней мере клянется Адали. Поговорите с ним сами, святой отец. Он считает, что Салим ждет подходящего момента, чтобы овладеть ею окончательно.

– Нужно что-то делать, нельзя допустить, чтобы дьявол творил зло. Что вы предлагаете, госпожа, и чем могу помочь я?

– Я попросила своего господина, Акбара, немедленно выдать Ясаман замуж. Салим, безусловно, воздержится от зла, если поймет, что она счастлива с мужем.

– И кто тот принц, которого вы выбрали? – спросил священник.

– Ямал Дарья-хан, младший сын Юзеф-хана.

Куллен Батлер задумчиво кивнул:

– Сильный молодой человек; я слышал, он, как и отец, верен нашему господину Акбару. И она останется здесь, в Кашмире, – заметил он почти про себя. – Да, выбор хорош, госпожа. И вы, конечно, хотите, чтобы я подготовил Ясаман к скорому замужеству.

– Да, – ответила Ругайя Бегум. – Боюсь, она не обрадуется этой новости. Мы позволяли ей так долго быть маленькой девочкой, а теперь, не дав возможности побыть девушкой, потребуем стать женщиной. Вы знаете, как Ясаман ценит свободу. Ей будет трудно усмирить эту сторону своей натуры, и все же ей необходимо немедленно выйти замуж. Она и в самом деле слишком молода, но других путей защитить ее от Салима мы не нашли. Скажу по секрету, здоровье правителя ухудшается. События прошлого года отняли у него много сил, хотя он старается не показывать слабости. Когда он покинет нас, у меня не останется средств уберечь дочь от Салима. Кроме мужа, этого сделать не сможет никто из нас.

– Да, – вслух согласился священник, в душе не уверенный в ее правоте. Салим – упорный юноша, и мало что может устоять на пути его плотских желаний. Несколько лет назад он страстно влюбился в Нур Яхан. Акбар противился тогда этому браку, полагая, что дочь Зайн-хана Коки – недостойная пара будущему Моголу, несмотря на свою красоту. Девушка была слишком умна, чтобы устроить Акбара, и открыто высказывала свои мысли. Она не только отвечала на страсть Салима, но, как и мать, поощряла ее.

Зайн-хан Кока был умнейшим и опытнейшим военачальником Акбара. Их семьи оставались близки на протяжении многих поколений. Девушка часто бывала в доме Акбара, и он всегда думал о ней как о сестре Салима. Он чувствовал, что в этом браке есть что-то неестественное, но в конце концов был вынужден согласиться.

– В конце концов, милостивый господин, – успокоил правителя сам Зайн-хан Кока, – между нашими детьми нет кровного родства.

Даже первая любимая жена Салима Ман Баи и его вторая жена принцесса Биканера Амара умоляли Могола разрешить этот брак их мужу. И он состоялся. А теперь вожеление принца направлено на его младшую сестру, а правитель умирает. «Все складывается очень плохо», – думал священник.

– Как мы сообщим об этом принцессе? – спросил он Ругайю Бегум.

– Нужно подождать, пока Акбар не устроит все с Юзеф-ханом, – ответила женщина. – На счастье, он здесь, в Кашмире, с семьей, и правитель пошлет за ним сегодня же. Если брак окажется счастливым и молодой Ямал оправдает надежды, господин может от своего имени передать ему правление Кашмиром.

– А разве принц Ямал не младший сын Юзеф-хана, госпожа? Что остальные сыновья скажут на это?

– Они должны помнить, что были неверны. К тому же лишь три его сына живы. Старшему, Якубу, верить нельзя, среднему, Хайдеру, не верит мой господин, думая, что он тянется за старшим, а вот младший, Ямал, показал свою преданность. Второй сын, Ахмед, погиб во время войны против дяди. Если господин кому-нибудь и доверит Кашмир, то только принцу Ямалу.

Пока Ругайя Бегум разговаривала со священником, Акбар возвратился в свои покои. Он быстро перекусил белым хлебом со сладким печеным яблоком, запив все это чашкой горячего черного сладкого чая. Закончив трапезу и даже не повидавшись с дочерью, он распорядился подать лошадь и в сопровождении телохранителей отправился в расположенный неподалеку свой дворец.

Озеро Вулар... Он любил эти места и сердцем чувствовал, что Кандра полюбит эту страну холодных вод и гор. Он усмехнулся, вспомнив, как она ненавидела жару долин и пыль Лахора и как старалась не жаловаться. Для Кандры он и построил дворец, в котором теперь жила ее дочь. Тогда он нанял много рабочих и платил им двойное жалованье, только чтобы дворец был готов ко дню рождения ребенка. Здесь Ясаман и родилась и научилась так же любить Кашмир, как любила ее мать. И теперь он собирался выдать ее замуж за принца этого края. Она останется здесь навсегда, и это правильно. Ругайя не ошибалась: Ямал Дарья-хан – идеальная пара для их дочери.

Акбар въехал в королевский дворец и дал распоряжение одному из советников:

– Немедленно разыщи Юзеф-хана и пришли ко мне. Я буду в приемной.

Был еще ранний час, но весть о том, что правитель вернулся, уже дошла до служащих, которые потянулись к нему с докладами.

– Не теперь, не теперь, – отмахивался он, и его глаза смеялись. – Вы суетитесь, как муравьи, полные сознания собственной значимости. Кто-нибудь вторгся в пределы наших земель?

– Нет, наш господин, – хором отвечали чиновники.

– Умирает кто-нибудь из важных особ?

– Нет, наш господин.

– Тогда оставьте меня, пока я не поговорю с другом Юзеф-ханом, – распорядился Акбар. – И кто-нибудь пусть принесет чаю и медового печенья. Разве может Великий Могол выглядеть скаредным и негостеприимным. – Он махнул рукой, и они удалились. Бюрократы! Без них правительству не обойтись. А может быть, бюрократы – вредный нарост, который развивается на правительстве, вместо того чтобы зародиться на гнилом стволе, и сосет его жизненную силу, пока тот не ослабеет до такой степени, что оказывается неспособным управлять? Мысль показалась ему интересной.

Его личная приемная – прохладная уютная комната, стены которой были расписаны картинами, изображавшими сцены из придворной жизни. Приемная была обставлена скудно и просто и выходила окнами на озеро. Удаленная от других помещений дворца, она имела единственный вход с террасы, три остальные стены были глухими, оберегая правителя от нескромных ушей. Вскоре слуга внес кипящий чай и свежее медовое печенье.

– Когда придет гость, я налью ему сам, – сказал Акбар, и слуга с поклоном вышел.

Юзеф-хан прибыл без охраны, он прекрасно знал дворец. Когда-то он жил здесь сам.

– Господин, – произнес он и, став на колени, утвердил стопу правителя на своей голове.

Приняв знак повиновения, Акбар приказал военачальнику подняться и сесть подле него.

Мужчины уселись на подушках, разложенных возле низкого столика. Правитель разлил чай и подвинул блюдо с печеньем. Проявив любезность, он в упор посмотрел на бывшего правителя Кашмира:

– В прошлые годы ты много раз доказывал мне свою верность, несмотря на то что наши отношения начинались очень непросто. Теперь я отблагодарю тебя так, как ты и не ожидал. Я хочу твоего младшего сына Ямала Дарья-хана в мужья моей дочери Ясаман Каме Бегум. Что ты скажешь на это, мой добрый Юзеф-хан?

Бывший правитель Кашмира был и впрямь ошарашен словами Могола. Когда умер отец, его дядя попытался захватить кашмирский престол, но Могол помог ему вернуть наследство. В награду Акбар потребовал от Юзеф-хана клятвы верности империи Моголов. Юзеф-хан тотчас согласился, но потом отказался от слова, пока Акбар сам не явился в Кашмир и не отобрал у него власть.

Тем не менее он был прощен и с тех пор неоднократно доказывал правителю свою верность. Напряженные отношения возникали из-за поведения старшего сына Якуба. Хайдер был таким же смутьяном, но, в отличие от брата, был трусоват.

А вот младший, Ямал, своим благородством улаживал жизнь отца. Они выиграют вместе – и сын, и отец. Ведь слова Акбара означали, что их семья вскоре снова станет править Кашмиром, хотя и в качестве подвластной земли. Но и этого было довольно!

– Господин! Нет слов, которыми я мог бы выразить радость по поводу того, что ты сказал! Я поражен тем, что ты собираешься удостоить такой чести мою семью. От имени сына клянусь, что с принцессой Ясаман будут обращаться, как с юной королевой, потому что королевой она достойна быть!

– Мне рассказывали, Юзеф, что у твоего сына есть небольшой гарем, но в нем нет ни одной супруги. Это правда? – спросил Акбар, переходя прямо к делу. – Ясаман должна стать первой женой своего мужа и родить ему наследника. Ни одна принцесса из империи Моголов не может принять в жизни меньшей доли.

– У Ямала нет жены и лишь пять женщин в гареме, господин. Ни с одной из них он не живет слишком долго, и ни у одной пока нет детей.

– А нет ли у него женщины, которая овладела его сердцем? Ответ правду, ведь я и сам когда-нибудь ее узнаю. Я не хочу, чтобы Ясаман была несчастна. Но она сможет приспособиться.

биться, если поймет, в чем дело. Мне бы хотелось, чтобы твой сын полюбил ее, но понимаю, что это может оказаться невозможным.

– Ямал – очаровательный юноша, как его покойная мать, – ответил Юзеф-хан. – По моему разумению, ни одна из женщин не сможет устоять перед ним. Причина, отчего его гарем невелик и наложницы приобретены недавно, кроется в том, что девушки ему быстро надоедают.

– Может быть, он недостаточно силен? – продолжал допрашивать правитель. – Слабые мужчины склонны валить свои грехи на женщин.

– Нет, я слышал, что с этим у него все в порядке, – ответил Юзеф-хан. – Думаю, его непостоянство проистекает от скуки. Видимо, ни одна из женщин не заинтересовала его настолько, чтобы завоевать сердце. Не могу гарантировать, господин, что он полюбит твою дочь. Ты не хуже меня знаешь, что такие партии не более чем союзы для овладения землями, золотом и властью. Твоя дочь юна. Почему бы не позволить ей влюбиться самой. Она ведь твой последний ребенок.

– Если бы я мог так поступить, – горестно вздохнул Акбар. – Теперь я должен посвятить тебя в свою тайну: я нездоров уже несколько лет – наверное, умираю. Прежде чем нить моей жизни оборвется, я хотел бы видеть Ясаман замужем. Может быть, еще увижу ее первенца. Вручить судьбу дочери ее брату Салиму я не осмеливаюсь. Он слишком часто заявляет, что обожает Ясаман, что ни один мужчина ее недостоин. Трогательное отношение, но непрактичное. Так Ясаман может остаться старой девой. Нет, Юзеф-хан. Моя дочь должна выйти замуж и иметь детей и, если Господь пожелает, от любящего мужа. Она выросла вдали от моего двора. Когда она осознает свое предназначение, жизнь ее станет проще, а в Кашмире ей лучше, чем в других местах.

Союз между нашими детьми может на поколения вперед связать наши семьи и превратить Кашмир в важнейшую часть моей империи. Разве мал мой дар народу Кашмира? Ведь я отдаю ему дочь! Скажи, Юзеф-хан, считаешь ли ты способным сына Ямала управлять от моего имени Кашмиром?

Кровь застучала в висках Юзеф-хана.

– Он умен, – ответил военачальник, – и знает, что значит быть верным.

– Тогда, – тихо проговорил Акбар, – если брак между нашими детьми окажется счастливым, он станет здесь моим наместником. Так что, Юзеф-хан, мы можем начинать брачные переговоры?

Военачальник кивнул:

– Сегодня же, мой господин, я получу согласие сына на брак.

Когда Юзеф-хан удалился, Акбар обдумал свою позицию.

За годы правления он выступил инициатором многих гражданских реформ. Теперь алчные семьи не могли уже заполучить или выменять противящихся участников брака. Необходимо согласие жениха, невесты и их родителей – до этого нельзя обсуждать никаких пунктов соглашения. Стоимость разрешения на брак зависела от обеспеченности сторон. За Ясаман он сам заплатит двадцать мухров – сумму двойного обложения богатой семьи. Но прежде он должен убедить свою юную дочь в необходимости этого брака.

Эта задача будет не из легких. Всеми опекаемая, Ясаман в действительности не готова к замужеству. К тому же нужно будет отослать Салима, иначе он станет препятствовать планам отца. О том, что принц Ямал даст согласие на брак, Акбар не беспокоился. В двадцать три года молодой человек понимает, какие ему предоставляют возможности. А если верить отцу, Ямал умен.

Правитель был бы немало поражен, если бы стал незримым свидетелем разговора, состоявшегося днем между Юзеф-ханом и его сыном. Бывший повелитель Кашмира пересек на лодке озеро Вулар и подплыл ко дворцу сына. Он нашел его на террасе за поздним завтраком.

Юзеф-хан заставил себя двигаться медленно, с достоинством, соответствующим своему положению.

– Отпусти слуг, – приказал он Ямал-хану. И когда они остались одни, сказал: – Могол хочет тебя в мужья своей дочери! – От возбуждения его голос стал визгливым.

– Нет, – ответил принц и потянулся за грейпфрутом, дольки которого лежали в чаше.

– Нет? – Отец выглядел ошарашенным.

– Нет, – повторил Ямал-хан и отправил в рот сочную дольку.

– Но почему? – потребовал Юзеф-хан. – Ты влюбился в другую женщину?

– Нет такой женщины, которая бы овладела моим сердцем, – ответил юноша отцу. – Но я не собираюсь жениться на дочери человека, лишившего нашу семью престола, человека, для которого ты воюешь, и не за собственные интересы, отец, не за интересы Кашмира, а за интересы империи Моголов.

– Послушай, Ямал, сынок. Ни одной живой душе я бы не признался в этом, хотя долгие годы это гложет мое сердце. Я опозорил нашу семью, да простит меня Аллах. В тот год, когда ты родился, умер мой отец Али-хан Чак. Мой дядя Абдал-хан хотел захватить меня, но я помчался ко двору Могола в поисках защиты. Он оказал мне ее, потому что я поклялся, вновь обретя Кашмир, стать его вернейшим вассалом. Я был восстановлен на троне, дядя изгнан, но я не выполнил своего обязательства перед Акбаром. Несколько раз он посылал за мной, но я, хотя и обещал, не явился к нему, да и не собирался этого делать. Я считал, что Кашмир слишком далеко от двора Могола, чтобы наши земли заботили его и дальше, но правитель продолжал настаивать.

Наконец я послал к Моголу твоего брата Хайдера. В то время правитель находился в Пенджабе, то есть прямо за нашей задней дверью. Но он снова призвал меня. Тогда я послал к нему старшего сына Якуба, но и этого было недостаточно. Якуб отбыл с царского двора без разрешения правителя – Акбар напугал его, излив ярость, вызванную моим поведением. И вот он направил армию в Кашмир, и мы потеряли наши земли. Быть может, мое последующее повиновение и восстановило бы положение семьи, но Якуб в течение нескольких лет восставал против Акбара. Он считал, что так искупает свою прошлую трусость. В отместку нам прислали жестокого губернатора – помнишь, какие были трудные времена?

И все это произошло из-за моих недостойных поступков. Я дал слово Акбару, что признаю его своим господином, и нарушил его. А теперь у семьи появилась возможность вновь обрести то, что она когда-то потеряла. Акбар ясно выразился: если брак окажется удачным, он назначит тебя от своего имени править Кашмиром.

– А что, отец, если партия, о которой вы сговорились, окажется неудачной? Что тогда? Остаток своих дней мне придется плясать перед испорченной могольской принцессой, чтобы когда-нибудь вернуть семье Кашмир? Пусть уж брат Якуб, который когда-то был твоим законным наследником, или средний твой сын Хайдер женятся на девчонке и обретут для нас Кашмир.

– Правитель хочет тебя, Ямал. Он не просил ни об одном из других моих сыновей. Он назвал тебя. К тому же и Якуб, и Хайдер слишком стары для нее, и у них взрослые дети. Ясаман Кама Бегум должна быть первой женой своего мужа и матерью его наследника, – твердо закончил отец.

– Буду несчастен, если огорчу тебя, потому что ценю тебя превыше других людей, – ответил Ямал-хан.

– Ты не огорчишь меня, сын, – успокоил его военачальник. – Вспомни, как двадцать четыре года назад я исполнил свой долг, женившись на дочери мелкого чиновника, когда тот умирал, а у девушки не было другой семьи, чтобы позаботиться о ней.

При упоминании о замужестве матери принц вспыхнул.

– Мне не требовалась еще одна жена, но долг повелевал уважить желание умирающего. К моему изумлению, твоя мать оказалась прекрасной парой и родила мне тебя. Мне не нужен был еще один сын, и ты бы никогда не появился на свет, если бы я не уважал данное мной слово. Неуважение к данному слову стоило мне Кашмира. Тебе нужно жениться. Настало время устроиться и подарить мне внуков. Принцесса империи Моголов! Подумай об этом, Ямал! Ты возьмешь в жены принцессу империи Моголов.

– Я думаю об этом, отец, и меня это страшит. А что, если девушка безобразна, или свое-нравна, или, хуже всего, глупа? Даже за Кашмир я не могу быть жеребцом маленькой любимой кобылки правителя. Что я буду делать, если мы не полюбим друг друга?

– Будешь делать то же, что делают в такой ситуации все мужчины, – рассудительно ответил Юзеф-хан. – Пойдешь на компромисс: докажешь, что добр и внимателен с женой, а когда та родит тебе сына или двух, заведешь себе вторую, но всегда будешь относиться с почтением к первой, помня, что она мать твоего наследника. Не обязательно любить женщину, чтобы быть с ней близким. Я никогда особенно не любил мать Якуба, но всегда уважал ее.

– Но я хочу любить жену, – упрямо заявил Ямал-хан отцу.

– Ты настоящий кашмирский романтик, сынок, – в ответ улыбнулся тот. – Не отчаивайся по поводу этого брака. Я не слышал, чтобы кто-нибудь сказал о принцессе дурное слово. Мне как-то говорили, что она наградила местного рыбака правом исключительной ловли в водах у ее дворца за то, что тот спас ее тонувшего котенка. Зазнайка или вздорная девчонка никогда бы так не поступила. Она заботлива, и, может быть, ты научишься ее любить.

Вместо того чтобы думать о себе, подумай о Ясаман Каме Бегум. Из всего, что я знаю о ней, скажу, что она девушка неглупая и очертя голову не согласится выйти замуж за первого встречного. Как ты считаешь, не мучается ли она такими же сомнениями, как и ты? Брак заключается между двумя людьми и бывает счастливым только тогда, когда они оба этого хотят. Никто из них в одиночку не может создать счастья или сделать совместную жизнь трагедией и развалить брак. Мне кажется, твои женщины тебя испортили, внушив, что ты особенный юноша, – заключил он.

– У меня ведь нет выбора, отец? Я должен дать согласие? – мрачно спросил принц.

Юзеф-хан кивнул:

– Должен. Но эта доля не хуже смерти. Я тотчас пошлю к моему повелителю Акбару, и мы вместе посетим его дворец. Надо решить, какие подарки выбрать. Это моя обязанность, как отца жениха, но, может быть, ты хочешь что-нибудь послать Ясаман?

– Принцесса исповедует ислам? – Ямал-хан был удивлен. – Большинство жен Могола – раджпуты, и я полагал, что и принцесса воспитана так же.

– С матерью Ясаман Камы Бегум связана какая-то тайна. Принцессу растила первая жена Могола Ругайя Бегум, исповедующая ислам. Я думаю, что и девушка верит в Пророка. Акбар не будет возражать, если ты спросишь у него о матери невесты. Он поймет, тебе необходимо больше знать о ее предках, чтобы стать ближе к ней самой.

Юзеф-хан отправил во дворец гонца с вестью о том, что Ямал Дарья-хан дал согласие на брак с принцессой Ясаман Камой Бегум. Вернувшись обратно, гонец сообщил, что правитель ждет после обеда во дворце Юзеф-хана с сыном. Тотчас они начали отбирать свадебные дары царственной невесте.

Акбар обрадовался, получив согласие кашмирского принца, хотя и не сомневался в нем. Ни один человек в здравом уме не отверг бы дочь Великого Могола в качестве жены. Он приказал подать ему лошадь и в сопровождении телохранителя направился к расположенному в двух милях дворцу дочери.

Его встретила расстроенная Ругайя Бегум:

– Салим здесь, и он с Ясаман, – сообщила она мужу.

– Они одни? – живо спросил правитель.

– Нет. Рохана и Торамалли получили строгие указания.

Успокаивая, Акбар обнял жену:

– Ямал-хан дал согласие на брак с Ясаман. Теперь следует получить ее согласие. И быстро! Проводи меня к ней.

– Что ты собираешься делать, господин?

– Подожди и узнаешь. И не удивляйся ничему из того, что я предприму. Салим уже видит себя на моем месте. Но я хороший тактик, вряд ли он когда-либо станет таким. – Правитель проследовал за Ругайей Бегум через небольшой мраморный дворик и вышел на террасу у озера. Сын и дочь сидели на кушетке, темные головы сдвинуты, словно они замыслили какой-то заговор.

– Дети! – Его голос прозвучал, как всегда, добродушно.

– Папа! – Ясаман отпрянула от брата и, вскочив, бросилась поцеловать отца.

– Здравствуй, мой розовый бутон! – весело проговорил Акбар. – Я принес тебе самую замечательную новость!

– Отец! – Салим поднялся, согнав с лица выражение удивления, но правитель успел его заметить. Принц подошел к отцу, встал на колени и в знак почтения поставил его стопу себе на голову.

– Шайкхо Баба, любимый сын! – Акбар поднял Салима и поцеловал в обе щеки. – Рад тебя видеть. Мать говорила, что ты здесь. Почему ты не пришел повеселиться на дне рождения сестры?

– Прости, отец, но я не знал, как ты встретишь меня, и не хотел испортить праздник, – честно ответил принц.

– Я простил тебя, Шайкхо Баба. Оставим прошлое в прошлом, – проговорил Акбар, к удивлению Ругайи Бегум, совершенно искренним тоном. – Рад, что ты здесь. У меня превосходная весть для Ясаман. Ты выходишь замуж, дочь! Я нашел тебе хорошего принца. Что ты скажешь, мой розовый бутон?

«Мне – замуж? Они нашли мне принца!» На миг сердце Ясаман екнуло от восторга, но потом она испугалась:

– А что, если принц не полюбит меня, папа?

– Как он может тебя не полюбить? – успокоил ее отец. – Даже сейчас его сердце бьется быстрее при мысли, что вскоре ты будешь его. И он придет в восторг, если ты его полюбишь. Он молод, Ясаман, и ты станешь его первой супругой. Матерью его сыновей. Даешь ли ты согласие на брак, дочка? Ты будешь счастлива, обещаю тебе!

– Кто этот принц? – требовательно спросил Салим, не в состоянии скрыть ревность, прозвучавшую в голосе. Ясаман не может выйти замуж. Она – его.

– Младший сын Юзеф-хана Ямал Дарья-хан, Шайкхо Баба. Когда они поженятся с Ясаман, я предоставлю им управлять от моего имени Кашмиром. Что ты об этом думаешь, сын? Я стараюсь обезопасить северные рубежи на много поколений вперед. Мое решение принесет и спокойствие, и счастье обоим моим любимым детям. Посоветуй сестре дать согласие – ведь я знаю, как она ценит твоё мнение, Шайкхо Баба. Этот симпатичный мужчина доставит ей много радости.

Салим почувствовал, как ярость вскипает в нем, на миг глаза затуманила красная пелена, таким сильным был его гнев. Ясаман! Его Ясаман! Ее отнимают у него. Он чуть не закричал от отчаяния. Но нет, брак между ними не будет ничего значить. Когда отец умрет, Ясаман будет его, и никто на свете, даже кашмирский принц, не сможет этому помешать.

Огромным усилием он загнал гнев в глубины души и улыбнулся сестре:

– Отец изумительно все устроил для тебя, обезьянка. Ты непременно должна согласиться на брак с принцем: лучше него я никого не знаю. Тебе нравится Кашмир, и теперь он будет

твой. Это должно тебя обрадовать, ведь ты не любишь пыльных равнин и жаркой летней погоды.

Она все еще колебалась и повернулась к брату:

– Ты уверен, что мне следует принять предложение? – Сомнение сквозило в похолодевшем сердечко лице.

– Конечно, он уверен, – живо отозвался Акбар. – Не правда ли, Шайкхо Баба?

– Да, следует, – сквозь зубы старательно произнес принц, губы растянулись в улыбке, но в глазах затаилось недоброе. Он понял, что, управляя им, словно марионеткой, отец заполучил его в союзники. Но выбора не было, и он подавил злость.

– Я так рада за тебя, дочка, – вступила в разговор Ругайя Бегум.

Девочка обернулась, и сердце матери рванулось ей навстречу.

– Мама Бегум, пожалуйста, скажи, что мне делать!

Ругайя обхватила руками ее голову:

– Дочь, ты одна можешь принять это решение. Помни только, замужество – доля каждой женщины. Отец выбрал для тебя мужчину и думает, что ты будешь с ним счастлива. Я немного знала мать принца Ямала. Сын любил и почитал ее, у него, должно быть, доброе сердце, и я верю, он годится тебе в мужа.

– Ты не можешь меня обмануть, и я принимаю предложение выйти замуж за этого принца. Но мне нужно, чтобы ты была со мной рядом. Ты останешься в Кашмире, мама Бегум? – попросила Ясаман.

Ругайя Бегум бросила на Акбара беглый взгляд, и правитель понял, что она согласится.

– Неужели ты думаешь, – упрекнула женщина дочь, – что я намерена жить в Лахоре или Агре, когда мои внуки здесь, в Кашмире? Конечно, я останусь с тобой, Ясаман.

Радость в девичьих глазах тронула родителей до самого сердца. Как они любили ее! А на лице Салима не было радости, хотя он все так же улыбался.

Ясаман повернулась к отцу:

– Я согласна выйти замуж за принца Ямала Дарья-хана, отец и господин, – произнесла она принятую формулу.

Акбар поцеловал дочь в обе щеки – он испытывал большое облегчение. Хотя правитель и притворялся уверенным, чтобы успокоить Ругайю, сам он сомневался, сможет ли переиграть Салима. Сын был непредсказуемым, но сейчас он захватил его врасплох, не дав времени придумать предлог против брака Ясаман с принцем Ямалом. Теперь надо было удалить Салима из Кашмира, чтобы быстро организовать свадьбу. Подмечая недобрые вожаемые взгляды, которые принц бросал в сторону сестры, правитель решил, что чем быстрее она состоится, тем будет лучше. Ясаман и впрямь в опасности.

Великий Могол возвратился в свой дворец для встречи с Юзеф-ханом и его сыном. Он хотел серьезно поговорить с юношей – своим будущим зятем. Тот должен понять, как ценят Ясаман. Нельзя допустить, чтобы он обращался с ней дурно. Внезапно Могол забеспокоился при мысли, с какой поспешностью приходится заключать этот брак.

Но при первом взгляде на сына Юзеф-хана правитель почувствовал облегчение. Ямал-хан был по-настоящему высок – сантиметра на четыре выше самого Акбара. Его кожа была бледно-золотистого цвета и выглядела свежей. Тело гибкое и мускулистое. «Неплохо, – подумал Акбар. – Он явно не из тех изнеженных принцев, каких так много на юге». Волосы Ямала были черны, как ночь, а глаза – карие и с поволокой, как у многих мужчин в Кашмире. Черты лица показались правителю превосходными: он был на самом деле красив – высокий лоб, тонкий классический нос, полные губы, овальный подбородок. От такого союза должны родиться красивые дети. При этой мысли Акбар почувствовал удовлетворение.

– Милостивый господин. – Юзеф-хан преклонил колени и коснулся головой пола перед ступнями Акбара.

Ямал-хан в упор посмотрел на правителя, прежде чем последовать примеру отца. И ничего не сказал.

«Гордый, – подумал про себя Акбар, – гордый». Хоть он и дал согласие, но видно, что не рад. Это было забавно. Любой другой молодой принц лез бы из кожи вон, чтобы стать зятем Могола. Надо выяснить, почему он так сдержан, решил про себя Акбар.

– Встаньте, – сказал он гостям. – Присядем и поговорим.

Трое мужчин устроились вокруг стола, на который слуги поставили блюдо с фруктами и чашки с зеленым китайским чаем, в котором плавали кусочки персика. Слуги удалились.

– Представь мне как следует сына, – обратился к военачальнику Акбар.

Тот подчинился.

Ямал-хан приветствовал господина вежливо, но сдержанно. Не склонный ходить вокруг да около, Могол начал разговор:

– Отец сказал, что ты дал согласие на брак, но я чувствую, у тебя есть сомнения. Скажи, что тебя беспокоит, и я откровенно отвечу на все твои вопросы и постараюсь рассеять страхи. Вы будете с Ясаман хорошей парой, и ваш союз принесет пользу Кашмиру.

– Все это так, господин. – Голос Ямал-хана звучал музыкально, мелодично. – Но вы правы: у меня есть сомнения.

– Это сомнения здорового мужчины по поводу обзаведения женой, Ямал-хан? – спросил правитель, и его темные глаза блеснули.

– Наверное, вы правы, господин, – рассмеялся принц. – Если уж говорить начистоту, я не чувствую, что готов стать мужем.

– Ни один мужчина не готов им стать, – в ответ усмехнулся правитель. – Что еще тебя беспокоит?

– Ничего особенного, но я хотел бы больше знать о принцессе. Я слышал, ее вырастила госпожа Ругайя Бегум, но не она родила Ясаман. Кто же мать девочки, и почему она не воспитала ребенка?

– Мать Ясаман была англичанкой из богатой и знатной семьи. – Акбар глубоко вздохнул и продолжал рассказ. Он говорил спокойно, но печаль сквозила в его темных глазах. – С тех пор как у меня отняли Кандру, дня не проходит, чтобы я не думал о ней. Я любил ее, и любовь к ней никогда не угаснет, хотя судьба нас разлучила. – Акбар помолчал и, взглянув на принца, спросил: – Что еще ты хочешь знать?

Юзеф-хан послал сыну умоляющий взгляд. Он был явно не в своей тарелке оттого, что ему позволили заглянуть в сокровенные глубины души господина. «Перестань!» – говорил взгляд. Но Ямал-хан продолжал допрос:

– Какую религию исповедует принцесса?

– Как и меня, ее учили основам всех известных религий, – ответил Акбар. – Она берет из каждой то, что считает ценным. У этой веры нет имени⁵, если только не называть ее терпимостью. Научам ее учит отец Куллен Батлер и останется с ней, пока ее это устраивает.

Ямал-хан кивнул.

– А каким наукам ее учат? – снова спросил он.

– Прежде всего языкам. Она говорит на арабском, хинди, на кашмирском диалекте, знает язык матери – английский. Священник учил ее португальскому и французскому, языкам Западной Европы, и латинскому, на котором говорят только в церкви. Ему интересно ее обучать. На этих языках она читает и пишет, знает математику и астрономию, играет на нескольких инструментах и прекрасно танцует, – правитель улыбнулся. – Ясаман хоть и молода, но необычайно разговорчива – с ней не соскучишься.

⁵ Акбар насаждал новую религию – «дин-и-плахи» (божественная вера), в которой должны были слиться разумные, по его мнению, элементы основных религий Индии. – *Примеч. ред.*

– Сын, – Юзеф-хан наконец обрел голос, – думаю, ты задал нашему повелителю Акбару более чем достаточно вопросов.

– Он не задал мне самого главного вопроса, Юзеф, – засмеялся Акбар, видя растерянность военачальника. Он был приятно поражен упорством молодого человека, желавшего узнать то, что считал нужным. – Разве ты не хочешь спросить, красива ли Ясаман, Ямал-хан?

– Я думаю, это не имеет значения, господин, – откровенно ответил принц. – Ведь это лишь политический союз.

– Таково большинство брачных союзов в нашей среде, Ямал-хан, – прозвучал не менее откровенный ответ правителя. – У меня сорок жен, и большинство из них были мне навязаны. Одна из них девушка, о которой я мечтал в юности, и чтобы овладеть ею, вынудил ее мужа развестись. Страсть быстро увядает. Так случается очень часто. И если, кроме страсти, не остается ничего другого, тем хуже для обеих сторон. Но я в любой женщине находил нечто, достойное любви. Я выискивал это и сосредоточивался на нем. Ругайя Бегум, приемная мать Ясаман, очень мне дорога. Она моя кузина, и мы вместе росли. Мать Салима Иодх Баи, принцесса Амбера, оказалась восхитительным откровением. Я влюбился в нее и никогда не переставал любить. Так же было и с Кандрой.

– А принцесса похожа на мать? – спросил Ямал-хан. Акбар на секунду задумался:

– И да и нет, – ответил он. – У Кандры были густые рыжевато-каштановые волосы, каких я раньше никогда не видел. Зеленые глаза и нежная кожа. У англичанок она не такая желтоватая, как у португалок. А у дочери волосы черные, как ночь, а глаза нежно-бирюзовые. Кожа нежная, как густая сметана, но не такая, как у матери. В отличие от меня и Кандры, ее лицо напоминает по форме сердце, но тонкий прямой нос и полные губы она взяла от нее. У Ясаман мой взгляд миндалевидных глаз и моя родинка над верхней губой у левой ноздри, хотя меньше и женственнее.

– Она красива? – спросил искренне заинтересованный Ямал-хан.

– Ты будешь судить об этом сам, мой юный принц, – ответил правитель и поднялся со своего места. – Мы тайно отправимся во дворец Ясаман, и ты сможешь разглядеть ее, а сам останешься незамеченным. – Акбар быстро направился вон из комнаты, отдавая на ходу приказания.

И Юзеф-хан, и его сын вскочили на ноги и последовали за господином. Подали лошадей, и они быстро преодолели расстояние между двумя дворцами. Конный гонец предупредил об их приезде Ругайю Бегум, и она встретила их у входа.

«Очаровательнейшая из женщин», – подумал Юзеф-хан, глядя, как Ругайя Бегум приветствует их, сложив ладони в жесте послушания.

– Мой господин, – обратилась женщина к мужу и гостям, – вы прибыли в самый неподходящий момент. Ясаман только что прошла в ванную.

Акбар улыбнулся, по-видимому несколько не встревоженный ее сообщением:

– Великолепно! – воскликнул он. – Принц приехал удостовериться, красива ли Ясаман. Ванная – самое подходящее место!

– Господин! – Ругайя Бегум была искренне шокирована.

– Однажды я сам рассматривал Кандру в ванной, – рассказывал он гостям, не обращая внимания на жену. – Это было прежде, чем мы сошлись с ней как мужчина и женщина. Должен признаться, что, несмотря на мой огромный опыт, эта картина возбудила меня. – Он снова повернулся к жене. – Проводи нас, дорогая, и проследи, чтобы служанки Ясаман вывели ее из ванны, тогда принц Ямал сможет рассмотреть нашу дочь во всей ее красоте. И я уверен, своей юностью она завоюет его сердце.

Поприветствовать правителя вошел Адали, и Ругайя Бегум сообщила ему о желании Акбара. У евнуха лишь дернулась бровь, и это позабавило господина: Адали был верным чело-

веком, а безмерное желание услужить, присущее ему в юности, с годами перешло в помпезность.

Старший управитель дома Ясаман был полукровкой – плодом связи индианки и французского моряка. В юности его кастрировали, когда из-за голода пришлось продать в рабство. Он знал два языка. Когда Кандра попала к Акбару в гарем, она не говорила ни по-арабски, ни по-португальски, но зато знала французский. Французский язык Адали, который был хотя и намного грубее, чем у госпожи, позволил ей освоиться в гареме, где евнух выполнял обязанности переводчика. Когда Кандра вернулась на родину, Адали назначили старшим управителем в доме Ясаман. За девочкой он ухаживал с рвением, и если бы мог испытывать отцовские чувства, думал Акбар, любил бы ее, как собственного ребенка. Но Могол не ревновал. Его устраивало, что младшая дочь окружена такими заботливыми людьми.

– Напротив ступеней, ведущих в бассейн принцессы, есть стена из яшмы, выгнутая наподобие ширмы, господин, – сообщил Адали. – Вы и гости можете спрятаться за ней: вас не заметят, а вы увидите принцессу. Госпожа знает, как туда пройти. Я пойду первым и предупрежу о вашей воле Рохану. – Он почтительно кивнул, повернулся и заскользил прочь.

– Адали – старший управитель в доме дочери. Он и другие слуги останутся с Ясаман, – объяснил Акбар. – Приданым дочери вы останетесь довольны.

– В моем доме понадобятся дисциплинированные слуги, – согласился Ямал-хан, замечая, какая чистота и порядок царят во дворце. Ведение хозяйства в его собственном доме оставляло желать лучшего, но лишь потому, что после смерти матери некому было давать указания слугам. Это входило в обязанности жены, а жены у принца не было. Он стал находить преимущества в браке, которых раньше не видел.

– Говорите тише, чтобы Ясаман не услышала нас и не смутилась, – попросил правитель гостей.

– Мне вовсе ни к чему идти с вами. – Юзеф-хан чувствовал себя неловко, хотя и понимал, как искусно преодолевает сопротивление сына правитель, позволяя ему взглянуть на Ясаман как мужу на жену. Но самому ему будет стыдно глядеть в глаза невестке, если он станет рассматривать ее в таком виде. – Красота и достоинства принцессы Ясаман известны всем, – смущенно пробормотал он.

– Но не твоему сыну, – забавляясь, возразил Акбар. Он видел стеснение военачальника и понимал его чувства, но, не удержавшись, продолжал подшучивать: – Ты не хочешь убедиться в том, что девушка совершенна, Юзеф?

– Нет, повелитель, – последовал отчаянный ответ. – В этом вопросе, как и во всех других, я верю тебе на слово.

Акбар усмехнулся.

– Тогда пройди туда. – Он указал на широкую аркаду. – На террасе прохладный ветерок, а мы к тебе, мой друг, вскоре присоединимся.

Юзеф-хан благодарно подчинился.

– Ну что ж, мой сын, – от затаенной мысли голос Могола сделался тяжелым, – пойдем посмотрим твою невесту во всем ее блеске. Ты не разочаруешься.

– Я оценю ее красоту, господин. Но я не так молод и знаю женщин. Между супругами должно быть нечто большее, чем страсть, чтобы брак оказался счастливым. Отец взял мою мать в жены, оказывая благодеяние умирающему другу. Он считал ее красивой и доброй, но она была еще и умна. Она быстро разобралась, в чем его интересы, и блюла их всю свою жизнь.

– Ты любил мать, – утвердительно заметил Акбар. – Мужчина должен любить и уважать мать. Это женщина, подарившая ему жизнь, вскормившая его, преподавшая первые важные уроки. Люби и уважай Ясаман, которая будет матерью твоих детей, и останешься доволен. Часто моя мать бывает колкой, но она мудра и любит меня больше, чем других, и я ее люблю сильнее, чем другие.

Ругайя Бегум провела их в дверь и прижала палец к губам, призывая к молчанию. В помещении, где они оказались, сильно чувствовался аромат жасмина. Они встали за изогнутой ширмой из яшмы и застыли в неподвижности, позволяя глазам привыкнуть к рассеянному свету и ароматной дымке, поднимающейся над бассейном.

– Гляди, – шепнул правитель и скромно отвернулся.

Ямал-хан внимательно смотрел, как девушка вышла из воды, прошла половину ступеней и на секунду задержалась, чтобы отжать мокрые волосы.

– Позволь мне, принцесса, – проговорила симпатичная служанка, приблизившись к девушке, чтобы помочь. Она ловко сколола волосы Ясаман на затылке заколками из слоновой кости. Ясаман стояла, глядя прямо на ширму и не подозревая, что за ней наблюдают. Она изящно подняла руки, как делала всегда, когда Рохана обтирала ее губкой, груди, от которых, несмотря на молодость принцессы, захватывало дыхание, подались вперед, цветущие соски розовели.

Ямал заметил, что она высока, а ноги ее великолепны – длинные и стройные. Все его женщины были невысокого роста. Если бы он заключил ее в объятия, где бы оказалась ее голова? Талия ее была настолько тонка, что, казалось, он мог обхватить ее ладонями, но зато бедра выглядели пышными, крутыми и крепкими, между ними круглился мысок, разделенный розовато-лиловой тенью. К удивлению принца, он почувствовал, как отзывается его тело, и вспыхнул. Она ведь девственница! Но какая девственница, твердил ему внутренний голос.

Она улыбнулась чему-то, и Ямал разглядел ряд ровных белых зубов, не потемневших еще, как у многих женщин, от бетеля. Он сразу понял, что она красива, но улыбка ее была восхитительной. Если у него и оставались сомнения по поводу брака, то они тут же улетучились при виде изящной девушки, так простодушно стоящей перед ним в своей невинной наготе.

Акбар наблюдал, как чувства сменялись на красивом лице Ямал-хана. Он поднял глаза на Ругайю Бегум, они встретились взглядами, и женщина едва заметно кивнула, так что другой не заметил бы ее знака. Сильной рукой правитель взял принца под локоть и вывел из комнаты.

– Ты удовлетворен, Ямал-хан? Видишь, моя дочь превосходна и без изъяна.

Принц наклонил голову, стараясь обрести дар речи.

– Когда? – Только и мог он наконец выдать.

– Как только все будет устроено, – весело ответил правитель.

В голове Ямал-хана прояснилось, и вновь появились вопросы:

– А почему такая спешка? Ведь девушке только тринадцать, а согласно закону она может выйти замуж лишь в четырнадцать лет.

– Спешка к тому, – объяснил терпеливо Акбар, – что у дочери есть поклонник. Некто из афганских племен, она о нем ничего не знает. А здесь кое-кто полагает, что в интересах мира я должен выдать ее за него замуж. Но ставить на северные племена – дело спорное и не стоит того, чтобы жертвовать драгоценной дочерью. Если Ясаман уйдет по Хиберской дороге, она будет навсегда для меня потеряна и, нежно воспитанная, не выживет в варварском окружении.

Мой сын Салим только недавно сообщил о заговоре с целью похищения Ясаман для вождя этого племени. Но заговорщики – исламисты и не будут преследовать Ясаман, если она выйдет замуж.

Твой отец и я представим дело так, будто мы обо всем договорились несколько лет назад и теперь назначаем свадьбу, потому что твоя любовь так велика, что ты не в силах ждать и немедленно требуешь дочь. Закон я сумею обойти. Ты видел, что у Ясаман тело женщины, хотя мужчину ей только предстоит узнать.

Ямал-хан кивнул.

– Она восхитительна, – промолвил он почти про себя. – И вряд ли будет обманом, мой господин, если я скажу, что не в силах ждать и хочу немедленно обладать ее прелестями.

– Тогда продолжим с формальностями, Ямал-хан?

– Да, господин. И чем быстрее, тем лучше.

– Пойдем и скажем это твоему доброму отцу. Он человек нервный, и я не хочу отправить его прежде времени в могилу. Он так же, как и я, хочет, чтобы ваш союз принес нам обоим внуков. – Они поспешили на террасу, и Акбар взволнованно воскликнул: – Юзеф, друг! У нас будет свадьба!

4

Ясаман Каме Бегум принесли сашак⁶. Хотя она и ждала подарков, но не рассчитывала на такую щедрость семьи принца Ямала. Сашак, предсвадебные дары невесте, лежали на множестве лаковых подносов, украшенных яркими рисунками фруктов, цветов, животных. На одном из них была целая коллекция серебряных и золотых браслетов на запястья и щиколотки. На другом сережки из драгоценных металлов. За подносом с жемчугом – браслетами, серьгами и заколками для волос – следовали подносы с бриллиантами, рубинами, сапфирами, изумрудами, с полудрагоценными камнями. Даже Ругайя Бегум была изумлена этой щедростью.

Один поднос сменял другой. Вот целая стопа накидок, светящихся от белизны, на другом – гора сари из благородных тканей великолепных цветов, некоторые гладкие, другие – в золотую и серебряную полоску, украшенные рисунками. Принцессе поднесли редчайшие масла и благовония, в небольшом гипсовом сосуде – мехди – нарядную красную краску.

– Какова бы ни была традиция, я не стану мазать себя этой штукой, – твердо заявила Ясаман, рассмешив мать.

Следующим внесли поднос с фруктами: манго, бананами, кокосовыми орехами, грейпфрутами, с редкими апельсинами, а в середине – странный колючий фрукт с ростками листьев.

– А это что такое? – спросила Ясаман у слуги, держащего поднос. – Я никогда ничего подобного не видела.

– Он называется ананасом, милостивая госпожа.

– Его едят? Откуда он?

– Если его очистить, милостивая госпожа, откроется мякоть, сладкая и кисловатая одновременно. Я не знаю, где он растет, но мне говорили, что это редкое угощение.

– Однажды отец привез такой из путешествия, – сообщил Адали, который наблюдал вручение сашака. – Он произрастает в одной из земель в Южном море.

– Он вкусный? – заинтересовалась принцесса.

– Восхитительный.

Наконец появился последний поднос. В отличие от предшественников, он был из чистого золота, и на нем сидел угольно-черный котенок в изысканном бриллиантовом ошейнике. Черными были даже его усы, а глаза цвета прозрачного золотистого янтаря.

– О-о-о! – Ясаман задохнулась от восторга и схватила с подноса маленького зверька. Она нежно погладила его и была вознаграждена чуть слышным мурлыканьем. – Какой он красивый, мама Бегум! Чудесный подарок!

– Наверное, Фу-Фу будет очень ревновать, – заметила Ругайя. – Она ведь не привыкла, чтобы у тебя были другие кошки.

– Джин станет ей хорошим мужем, – ответила матери Ясаман.

– Это Джин? – рассмеялась Ругайя Бегум. – А ты уверена, что это кот?

– Чистая правда – это кот-мужчина, – нараспев произнес слуга, державший поднос.

Котенок мяукнул, и лежавшая в праздности на шелковой кушетке Фу-Фу пошевелилась. Крадучись она направилась к нему. Ясаман поставила котенка на холодные изразцы пола. Словно не веря собственным глазам, Фу-Фу остановилась на полдороге и принялась рассматривать зверька. Котенок снова мяукнул – белая кошка выгнулась и зашипела. Неустрашимый котенок рванулся вперед и вцепился в нее когтями. Ошеломленная жирная киска от такого наскока перевернулась на спину, а проворный Джин вскочил на ее толстый живот, цепляясь за мех, поднялся к морде и прижался своим черным носом к ее изящному розовому носику.

⁶ Сашак – подарки от жениха. – *Примеч. ред.*

– Аллах, помоги нам! – вскричала Ругайя Бегум, ожидая, что избалованная Фу-Фу набросится на храброго котенка и убьет его. Но, к их изумлению, ярко-зеленые глаза кошки совершенно затуманились, она подняла голову и принялась его энергично вылизывать. Джин громко замурлыкал. С минуту или две он переносил обожание кошки, а потом подтянулся еще выше и стал сосать ее ухо.

– Они полюбили друг друга! – восхищенно завизжала Ясаман. – Я думаю, это очень хорошее предзнаменование для моего замужества. Как ты считаешь, мама Бегум? – Потом посмотрела на слугу, принесшего котенка. – А принц красив? – застенчиво спросила она.

– Очень, госпожа принцесса, – с улыбкой ответил он.

– А почему я не могу увидеть принца Ямала до нашей женитьбы, мама Бегум? Ведь ты знала папу еще до свадьбы, даже говорила с ним. А я хочу только посмотреть на него.

– Мы с твоим отцом были двоюродными братом и сестрой, вместе росли, Ясаман, – в сотый раз объяснила Ругайя Бегум дочери, пока Адали выпроваживал из комнаты чужих слуг. Управитель не хотел, чтобы они задержались дольше, чем это было необходимо. Не хватало, чтобы они разнесли глупые слухи. – В этом нет никакой необходимости, это даже неправильно, чтобы вы с принцем Ямалом встретились до того, как завершится свадебная церемония.

– А когда это будет? – От возбуждения ее сердце забилось чаще, краска бросилась в лицо.

– Сначала нужно согласовать Мехр, а потом кази может представить Никах, – ответила Ругайя Бегум.

– Но зачем нужен Мехр? Ведь Ямал-хан не сможет со мной развестись. Я – Ясаман Кама Бегум, дочь Великого Могола. Если он разведется со мной, это будет означать предательство.

– А что, если вы не сможете с ним вместе жить, моя девочка? Это маловероятно, но такое случается. Отец не захочет, чтобы ты провела остаток жизни в бедности. Мехр – сумма, которую потребуется уплатить жениху, если ваш брак распадется. Величину определяет его положение и твое положение. Я думаю, Ямал-хану придется очень постараться, чтобы сделать тебя счастливой, иначе его семья разорится на несколько поколений вперед. Так ислам защищает женщину от бессовестных мужей.

– Но я не исповедую ислам, – тихо возразила Ясаман. – Я следую велениям своей совести. В исламе много хорошего, так же как и в христианстве, религии Кандры, или в иудаизме. Я знаю учение Заратустры, Будды и Джайны. Мне нравится индийский обычай не вредить ничему живому. Но ни одна религия не увлекает меня. Кто может судить, что на самом деле истинно, кроме, быть может, самого Бога?

– Твой жених исламской веры, – напомнила дочери Ругайя Бегум. – И в этой вере он будет воспитывать сыновей.

– Но и я буду учить их тому, что поняла сама, – ответила Ясаман. – И в конце концов они, как и я, сделают свой выбор.

– Даже Салим предпочел ислам, несмотря на отца. А ведь его мать Иодх Баи – индуистка, – проговорила Ругайя и тут же пожалела об этом, потому что вовсе не хотела напоминать дочери о брате.

– Кстати, а где мой брат? – тут же подхватила девушка. – Я не видела его два дня с тех пор, как ты, папа и он посоветовали мне согласиться на этот брак.

Женщина вздохнула:

– Брат по поручению отца уехал на юг, в Мевар, по делам империи.

– И не вернется к моей свадьбе? – Лицо девушки выражало и возмущение, и разочарование.

Ругайя Бегум решила с ней не спорить.

– Кому-то нужно было ехать в Мевар: или Салиму, или отцу. Я знаю, как вы с братом цените друг друга, но ведь и отец тебя любит. Разве ты можешь отказать старому человеку в удовольствии увидеть, как выходит замуж его младшая дочь? Салим это понял.

Но Салим не понимал, и Ругайя Бегум об этом не знала.

– Что происходит? – возмутился он, близкий к тому, чтобы открыто показать свой гнев и непокорность. – Ясаман внезапно выдают замуж, и в это самое время я должен ехать, – жаловался он отцу и тетке. – Чтобы это все устроить, вы нарушаете собственные законы. Почему мне нельзя остаться на свадьбу сестры? Разве день или два что-нибудь решают?

– Решают, – неумолимо отвечал Акбар. – В Меваре беспорядки. Ты должен ехать, Шайкхо Баба, и предотвратить их распространение. Сам знаешь, сколько хлопот мне доставляет Мевар. Как бы ты сам поступил, если бы сидел на моем троне? Отложил бы развлечения, чтобы выполнить долг перед Индией и империей?

– Ну что ж, я поеду, если это так важно, – резко сказал Салим, а про себя подумал: «Зачем им так нужно удалить меня отсюда?»

Притворившись, что не обижен, Акбар рассмеялся:

– Вот зачем старику нужны наследники, Шайкхо Баба! Когда-нибудь и ты будешь вести себя с Хушрау, как я с тобой.

– А почему бы Хушрау не поехать в Мевар? – резонно заметил Салим. – Ему уже шестнадцать. Пора начинать учиться, ведь он мой наследник. В качестве моего наследника он, точно так же, как и я, сможет представлять в Меваре Могола, а я смогу остаться на свадьбу сестры.

– Как у прямого наследника, у тебя больше авторитета, чем у внука, Шайкхо Баба, но твоя мысль заслуживает внимания. Возьми с собой и Хушрау, – согласился Акбар, – и учи его, как я учил тебя.

Ругайя Бегум следила за чувствами, мелькавшими на лице принца.

– Нам будет тебя не хватать, племянник, – сказала она. – Храни тебя и Хушрау Аллах!

– Прежде чем уеду, я должен повидаться с Ясаман. – Салим понял, что избежать поездки не удастся, если только прямо не восстать против воли отца. А дело того не стоило. Еще не время. Ясаман останется в Кашмире и будет ждать его, когда бы он ее ни пожелал. К тому же он может провести с ней сегодняшний вечер, который, надо думать, доставит удовольствие им обоим.

– Пожалуйста, не встречайся с дочерью, Салим, – попросила его Ругайя Бегум. – Она расстроится, если узнает, что ты уезжаешь и не останешься на свадьбу. Ты знаешь, как девушка тебя ценит, но если и ты на самом деле любишь ее, оставь ее теперь в покое.

– Тетя права, Салим, – поддержал Ругайю Акбар. – Тебе лучше уехать, пока сестра занята приготовлениями к свадьбе.

Он знает! Отец знает все! Уверенность мгновенно пришла к Салиму. «Но как? Что он может знать? Нет, не может. Ведь все это только в моем воображении. Акбар хоть и всемогущ, но не способен же он подслушать мои тайные мысли. Я был очень осторожен, когда входил в комнату Ясаман и выходил оттуда, и никто меня не видел. Нет, он не знает. Не может».

– Если вы не желаете, чтобы я встречался с Ясаман, тетя и отец, пусть так и будет. Я не хочу расстраивать сестру, когда она должна быть счастлива. Передайте, что я ее люблю, хотел бы быть с ней, но долг распорядился иначе. – Салим почтительно поклонился старшим и вышел.

Конечно же, Салим не понимал. Ругайя Бегум знала об этом, хотя и лгала Ясаман. Но это уже не имело значения. Салим уехал! Ясаман не угрожает больше его порочная страсть, и вскоре она будет замужем за Ямал-ханом. Когда-нибудь Салим потеряет к ней интерес, если сестра окажется счастлива замужем и они не будут видеться часто. Каждый из них будет жить своей жизнью, и, может быть, думала женщина, она больше никогда не увидит племянника. А если дочь поселится в Кашмире, ей не потребуется ездить на юг. Вздох Ясаман вернул ее к действительности.

– Салим понимает свой долг, – повторила она.

– Я знаю, мама Бегум, – согласилась девушка. – Но мне все-таки грустно, что его не будет с нами в такой ответственный день.

– Ему тоже. – В словах Ругайи была доля правды. – Но так распорядилась судьба. Всегда нужно принимать, что предлагает нам судьба, и стараться этим как можно лучше воспользоваться.

– А судьба распорядилась, чтобы завтра состоялась свадьба нашей дочери Ясаман, – провозгласил, входя в комнату, Акбар. Он обнял дочь и жену и сердечно рассмеялся. По всему было видно, что Могол доволен.

– Завтра? – воскликнула Ясаман. – Так скоро? А почему завтра?

– Потому что мы договорились о Мехре. Оказывается, дочь, ты самая дорогая девушка в Индии. – Правитель снова засмеялся. – Мой астролог внимательно сравнил, как стояли звезды в день твоего рождения и принца Ямала, и утверждает, что на несколько месяцев вперед завтра – единственный относительно благоприятный для вашего брака день.

Ругайя Бегум почувствовала в голосе мужа скрытые нотки, но не стала задавать ему вопросов, пока Ясаман не отправилась в спальню.

– Достаточно благоприятный? Что имел в виду твой астролог, господин? Что-нибудь не так? Они все-таки не подходят друг другу? Я не хочу, чтобы брак Ясаман оказался неудачным, даже если он избавит ее от притязаний Салима.

Акбар вздохнул, лег на спину и, подложив руки под голову, спокойно сказал.

– Али утверждает, что они подходят друг другу во всех отношениях. Их близость не вызывает тревоги, они даже полюбят друг друга, но в гороскопе Ямала кроется опасность. Какова она, Али не может определить. Все туманно, будто судьба не решила участи Ямала или скрывает ее.

– А гороскоп Ясаман? Что он пророчит? – беспокойно спросила Ругайя Бегум.

– Великое счастье, но вместе с ним и трагедию, и Али говорит, у нее будет несколько детей. Ругайя, милая, давай не будем думать сегодня о будущем. Подумаем о настоящем. Счастье. Трагедия. Дети. Разве это не судьба каждого из нас?

– Да, – согласилась жена правителя.

– Когда прибывает принц? – Акбар потрогал ее седой завиток и поцеловал его.

– К вечеру, господин. Сначала проведем хеннабанди, потом кази откроет церемонию, затем принца представят невесте. Будет праздник: танцы, развлечения. А после Ясаман с мужем уплывут по озеру в его дворец.

– Хм, неплохо, – пробормотал он с отсутствующим видом, и Ругайя Бегум почувствовала в его голосе усталость.

– Иди спать, дорогой господин, – мягко попросила она. Жена знала, что через день или два после свадьбы дочери Акбар отправится на юг в Лахор и Агру. Он редко оставался подолгу на одном месте. Если ей предстоит жить в Кашмире, увидит ли она еще в этой жизни Акбара, подумала Ругайя. Потом назвала себя глупой старухой. Что помешает правителю приехать в Кашмир, когда Ясаман подарит ему внуков? Все хорошо. К ее облегчению, дело с Салимом решилось. И она заснула безмятежным сном.

За стенами маленького дворца луна купалась в тихих водах озера. Воздух, казалось, был сладким от аромата тысяч цветов в садах. Ясаман выскользнула из комнаты, чтобы пройтись по террасе: сон не шел, хотя ей давно пора было спать. Мысли разбередило, как пчелиный улей. Завтра она выйдет замуж. Все случилось так быстро. Она не была к этому готова, но отец болен. Мама Бегум откровенно ей об этом рассказала. Он хочет, чтобы она вышла замуж за хорошего человека, и, прежде чем умрет, хочет увидеть ее детей. Это так похоже на него – человека, обожающего внуков детей – сыновей и дочерей.

Дети. Ясаман знала, как зачинают и рожают детей. Каждая девушка это знает. Тайны из этого никто не делал. Так что же, ей предстоит сношение с незнакомым человеком, даже если

его назовут ее мужем? И не будет времени, чтобы поближе его узнать? Отец не принуждал Кандру ложиться с ним в постель. Он завоевал ее любовью и страстью, рассказывала Ругайя Бегум.

Любовь. Еще одно неизвестное. Смогут ли они с принцем Ямал-ханом полюбить друг друга? Понравятся ли они друг другу? Боже! Она молилась, чтобы это произошло. В голове роилось столько вопросов, на которые она не находила ответов.

Стоя на краю террасы, она увидела рыбака Али. Он подплыл очень близко к берегу.

– Добрый вечер, Али, – поздоровалась она. – Как ловится сегодня рыба?

Он поднял глаза и улыбнулся.

– Как всегда при ясной и полной луне, милостивая госпожа.

– Завтра я выхожу замуж, Али, – сказала девушка своему другу.

– Замуж? – Рыбак был удивлен. Он не слышал о приготовлениях к королевской свадьбе. Бракосочетание дочери Могола – великая радость, а не тайная церемония, которой оно, похоже, станет.

– Да, Али, – продолжала Ясаман, – за принца Ямал-хана. Что ты об этом думаешь? – Может быть, Али, проживший всю жизнь в Кашмире, расскажет ей что-нибудь о будущем муже? Ведь крестьяне любят посплетничать.

– Сын Юзеф-хана? – переспросил рыбак.

– Да, – подтвердила Ясаман. – Он красив? Люди о нем хорошо говорят? Ты должен рассказать мне все, что знаешь.

– Да, принцесса, я видел принца. Он выше твоего отца. Женщины считают, что он красив, и я не слышал, чтобы о нем дурно говорили. И он послушен отцу.

– О-о, – протянула девушка. Начало не было многообещающим. По правде, просто скучным. Она надеялась услышать от Али какой-нибудь интересный факт, который помог бы ей понять незнакомца, за которого ей завтра предстоит выйти замуж.

– Спокойной ночи, принцесса. Да наградит тебя Аллах многими сыновьями. – Али принялся грести прочь, спеша поскорее вернуться в деревню и рассказать новость.

– Спасибо, Али, – разочарованно поблагодарила девушка и отошла от парапета. Растянувшись на шелковой кушетке, она смотрела на полную августовскую луну и думала, как с ней часто бывало, о Кандре. Кандра тоже видела эту луну. Женщина, давшая ей жизнь. Ее мать. Нет, решила Ясаман, Кандра не была ее матерью. Что бы ни случилось, мать всегда остается с ребенком. Ругайя Бегум, мягкая и любящая, вырастившая ее и всегда находившаяся рядом, – вот ее настоящая мать.

Но к той англичанке, призналась себе Ясаман, она всегда испытывала интерес. Ей рассказали о ней все, что знали, но этого было недостаточно. И все же между ними существовала некая связь. И семья Кандры никогда не забывала о ней.

Ежегодно отец посылал матери Кандры прекраснейшую, без малейшего изъяна жемчужину через представителя ее торговой компании в Камбее. Английская бабушка Ясаман тоже каждый год писала отцу. Интересно, что бы они сказали о ее замужестве?

– Дочь моя, что ты здесь делаешь так поздно? – Незаметно к ней подошел отец Куллен. Воздух едва колыхнулся от движения его одежд. – Ты чем-то обеспокоена?

– Я думаю о Кандре, святой отец, – ответила Ясаман и указала на удобный мягкий стул, стоящий рядом. – Посидите со мной.

– Ты часто о ней думаешь, моя дорогая госпожа? – спросил священник и сел.

– Иногда, – откровенно ответила девушка. – Отец рассказал мне о ней все, что знал. Но временами мне кажется это недостаточным. Я ничего не знаю о ее семье. Мама Бегум говорила, что папа переписывается с бабушкой. Но мне не показали ни одного письма. О чем они пишут друг другу? Бабушка рассказывает о Кандре? А Кандра обо мне спрашивает? – Она перевела дыхание. – Теперь, когда я выхожу замуж и с соизволения Божьего когда-нибудь сама

стану матерью, моя собственная мать интересуется меня больше и больше. – Девушка грустно рассмеялась. – Жаль, святой отец, что вы не можете мне рассказать то, что мне так хочется знать. Вас ведь здесь не было, когда здесь жила моя... жила Кандра.

Секунду казалось, что священник о чем-то спорит сам с собой.

– Это правда, меня не было в Индии, когда здесь жила Кандра, – наконец произнес он. – Но я могу пролить свет на то, что ты хочешь знать, госпожа.

– Вы? – Ясаман привстала и подалась вперед. – Расскажите все, что вы знаете, святой отец, – попросила она. – Пожалуйста, расскажите!

– Отец доверял мне письма твоей бабушки. Ты ведь знаешь, Могол не говорит и не читает на языке Кандры. Они общались по-французски. И бабушка де Мариско тоже писала ему на французском языке. Но он, хоть и говорит по-французски, читать не умеет. Он не желал, чтобы о письмах знали его друзья-иезуиты. Я же простой священник, не член этого почтенного ордена. И я ему читал письма твоей бабушки.

Твоя бабушка, госпожа де Мариско, не англичанка. Она родом с острова к западу от Англии, который носит название Ирландия, но там она жила только в детстве. Хотя твоя бабушка и вышла из благородного сословия, у нее проявился талант торговца. Она начала торговое дело с товарищем своего второго мужа. Теперь тот джентльмен умер, но компания носит прежнее название – торговая компания «О’Малли – Смолл». Она принесла твоей бабушке большое состояние.

Каждый год, как ты знаешь, она сообщает, что получила высланную твоим отцом жемчужину. Иногда рассказывает о Кандре, которая вернулась к своему первому мужу. У них несколько сыновей, а значит, у тебя есть еще братья. Каждый раз госпожа де Мариско спрашивает о тебе. Красива ли ты? Как учишься? Похожа ли на мать? Спрашиваешь ли о них? Каждый год одно и то же и каждый раз передает тебе любящий привет.

– А что отвечает отец? – заинтересовалась девушка.

– Ничего, госпожа, – ответил священник. – Он только шлет твоей бабушке жемчужину, таким образом давая Кандре понять, что она может о тебе не беспокоиться, ты жива и с тобой все в порядке. Кандра не хотела тебя оставлять. Любивший ее Могол не хочет, чтобы она напрасно тревожилась о твоей судьбе. Поэтому он и поддерживает эту связь.

– А почему папа отправляет жемчужины бабушке, а не Кандре?

– Если бы Могол посылал их Кандре, это бы разбередило ее старые раны. Не забывай, Кандра замужем. Супругу не понравится напоминание о том периоде ее жизни, когда, считая его мертвым, она вступила в брак с другим человеком и родила от него ребенка. Я учил тебя догматам Матери Святой Церкви, уважаемая госпожа. У женщины должен быть лишь один муж, а у мужчины единственная жена.

Ясаман кивнула, а потом задумчиво спросила:

– Кандра вспоминает когда-нибудь обо мне? Скажите, отец Куллен, она смогла бы меня полюбить? Как бы я хотела ей рассказать о моей свадьбе. Если я напишу ей письмо, вы проследите, чтобы его отправили?

– Не думаю, что это разумно, добрая госпожа, – мягко возразил священник, вконец расстроившись при виде разочарованных глаз принцессы – Я бы сам рассказал бабушке де Мариско о твоём счастье, принцесса. Как бы они гордились тобой, если бы знали тебя. Но это не в их власти. И лучше оставить все, как есть. Ты ведь по-настоящему не страдала, потеряв женщину, которая тебя родила, – ты ее никогда не знала. Ругайя Бегум была тебе доброй и любящей матерью. И ты в ответ дарила ей уважение, верность и любовь.

– Это так, святой отец, – подтвердила Ясаман и живо спросила: – А вы думаете, я буду счастлива? Мне не нравится эта спешка со свадьбой.

– Ты знаешь, дитя мое, что твой отец нездоров.

– Он умирает? – спросила девушка со страхом. Ей никак не удавалось представить Акбара умирающим. Он был Моголом, ее отцом, всегда рядом, чтобы помочь, и она считала, что так будет продолжаться всегда.

– Мы все когда-нибудь умрем. Господин Акбар в таком возрасте, когда жизнь становится тем короче, чем дольше живешь. Ты его последний ребенок, и он очень хочет тебя устроить. И тешит себя надеждой увидеть внуков от вашего союза. И чем скорее ты выйдешь замуж, тем скорее порадуешь его внуками. – Отец Батлер усмехнулся. – Вот ведь какие мысли мучают тебя, маленькая госпожа! Видно, на тебя напала болезнь, которая во всем мире подстерегает невест, вступающих на брачный путь. Ее называют «свадебной лихорадкой» – ведь такие мысли обуревают большинство девушек в преддверии свадьбы.

– Мне только хочется побольше узнать о принце Ямале, святой отец. Я его даже никогда не видела!

– Невесты часто и в Индии, и в Европе не встречаются с женихами до брачного дня. В этом нет ничего необычного. Люди знатных родов и богачи поступают так по всему миру. Я учил тебя, дорогая госпожа, что брак между двумя людьми священен.

– Но не в исламе, – возразила Ясаман. – В исламе это лишь отношения между людьми. Вот почему ислам не может его благословить, пока не согласован Мехр. Папа сказал, что я самая дорогая невеста, и потому принц вряд ли сможет когда-нибудь развестись со мной: развод потребует слишком много золота от их семьи. К тому же я дочь Могола, и вслед за отцом Моголом станет брат Салим. Как Ямал осмелится обидеть мою семью?

– Это правда, – признал священник. – И поскольку это так, позволь мне сочетать тебя с принцем Ямалом по вере Кандры, в которой крестили и тебя. Я знаю, что это обрадует ее семью. Не забывай, что я послан сюда Матерью Святой Церковью, чтобы вести тебя по дороге истинной веры. В этом я не преуспел, потому что ты не веришь должным образом. Но если я смогу освятить ваш брак, то буду считать, что мои усилия не пропали даром.

– Не знаю, святой отец. – Ясаман задумалась. – Наверное, этого не разрешат.

– Но почему же? – с необычной живостью воскликнул священник. – Разве твой отец сам не женился на многих своих женах по традициям ислама и индуизма? А брат Салим? Он тоже заключил союз с Ман Баи, как требует его и ее религия. Почему же тебе этого нельзя? Ман Баи ведь только дочь раджи Амбера. А ты – дочь Могола! Разве к твоим желаниям можно меньше прислушиваться, чем к желаниям дочери Амбера?

Почувствовав, что ее гордость уязвлена, Ясаман недолго раздумывала:

– Вы правы, отец Куллен. К тому же это обрадует семью Кандры.

– Обрадует, – подтвердил, довольный улыбаясь, священник.

– Пусть так и будет. Утром я поговорю с отцом. Свадебное празднество начнется только к вечеру. Но мне кажется, что христианское венчание придется сохранить в тайне. Ислам и индуизм – привычные в Индии религии, а христианство нет. Но ведь это и не важно. Брак будет освящен религиями моих родителей. Я думаю, святой отец, это самое правильное.

Он согласно кивнул. Ясаман вполне усердно усваивала религию матери, но потом вдруг, к его разочарованию, так же усидчиво начала изучать другие верования. Он так и не знал, во что же она верила на самом деле. А навязываться с расспросами не решался из опасения, что его отошлют из дома. Ему же было важно оставаться при ней.

Вдруг Ясаман зевнула почти во весь рот.

– Прекрасно, – заметил Куллен Батлер. – Наконец тебя сморило, дорогая госпожа. Дайка я провожу тебя в спальню.

– Угу, – согласилась она и, вставая, позволила священнику отвести себя в комнату. Но прежде чем успела снять большую красивую мягкую шаль – свое единственное одеяние – отец Куллен с поклоном удалился.

Ясаман улыбнулась про себя. Отца Куллена, как и других священников, которых она знала, смущала нагота. Она отбросила кашмирскую шаль и рухнула на кровать, заснув, казалось, прежде, чем голова коснулась подушки. Спала она без сновидений и, разбуженная наутро служанками Роханой и Торамалли, почувствовала себя великолепно отдохнувшей.

– Передай отцу, что я хочу его видеть, – распорядилась она вошедшему поприветствовать ее Адали.

– Исполню немедленно, дорогая принцесса, – ответил евнух.

– Такой замечательный день для свадьбы, госпожа, – широко улыбнулась ей Торамалли. – На кухнях стряпают с самого рассвета. Пекут пшеничный хлеб, медовые булочки, румалийские сухари.

– Белый и зеленый рис, – восторженно затрещала Рохана. – Рис в золотой и серебряной фольге.

– Не забывайте о жертвенной овце, – шаловливо напомнила им Ясаман.

В недоумении сестры на секунду замерли, но вдруг, поняв шутку, прыснули, смешно закатив красивые темные глаза. Наконец они пришли в себя, и Торамалли спросила:

– Приготовить ванну, госпожа?

– Нет, – ответила девушка. – Мыться буду перед свадьбой. А теперь протрите меня губками с жасминовой водой.

Рохана поспешила за серебряным тазиком, который наполнила прохладной водой с ароматом жасмина. Вдвоем с сестрой они умыли госпожу и помогли ей одеться в ягули цвета гиацинта – традиционную одежду Моголов – с высокой талией, облегающими рукавами и свободной юбкой. Ее подол и рукава были отделаны золотом, расшитый ворот чуть приоткрывал юные груди.

Торамалли начала расчесывать перепутавшиеся за ночь длинные черные волосы принцессы смоченной в жасминовом масле щеткой. Наблюдавший от двери Акбар подумал, как эти волосы напоминали его собственные, когда он был моложе.

Он вспомнил, как удивлена была Кандра, что у девочки оказались мягкие черные волосы. Дочь унаследовала их от него вместе с родинкой над верхней губой. Хотя у Ясаман она была значительно меньше, он не сомневался в том, что это знак Моголов. Этот знак носил отец Хумаюн, хотя его и не переняли другие дети.

Прогнав воспоминания, он вступил в покои дочери.

– Здравствуй, мой розовый бутон, – поздоровался он с принцессой.

– Папа! – Ясаман вскочила и, подбежав, поцеловала его. Потом повернулась к служанкам. – Выйдите. Нас никто не должен беспокоить.

Адали, вернувшийся с господином, удивленно поклонился, но послушно вывел Торамалли и Рохану из комнаты.

– Ах, – заинтригованно воскликнул правитель. – У тебя появились секреты! Разве мой розовый бутон может иметь секреты?

– Да, отец, – ответила она, глядя прямо в его темные глаза. – Секреты. У меня появились секреты.

– В чем дело, дочь? Должно быть, что-нибудь важное, если ты отпустила служанок. Ты знаешь, ни в чем разумном я тебе не откажу, особенно в день свадьбы.

– Ямал-хан ведь исповедует ислам? – спросила Ясаман.

– Да, – кивнул Акбар.

– И мы должны сочетаться в этой вере? – продолжала девушка.

– Да. Не думаю, что ты будешь возражать. Твой ум открыт всему.

– Но и ты, и брат женились в традициях не только ислама, но и в традициях религии невест, когда те были другой веры. Я бы хотела, чтобы и у меня было такое право, отец. Я хочу тайно венчаться по вере моей матери, Кандры. Той, что меня родила.

Сначала Акбар растерялся.

– Не знаю, согласится ли Ямал-хан, – наконец произнес он.

– Но ты Могол, – возразила она твердо, и в ее голосе Акбар почувствовал собственные нотки. – Решающей в этом деле будет твоя воля, а не воля Ямал-хана.

– Но ты не истинная христианка, – попытался он урезонить девушку.

– Не истинная, – согласилась она. – Но я была крещена и уважаю христианскую веру. Я не отрекалась от нее, и по ее законам, так же как по законам ислама, я – христианка. И прежде чем выходить замуж по традициям ислама, я хочу венчаться. Тогда не оборвется нить, связующая меня с моей английской половиной. И это обрадует Кандру и бабушку, когда ты им напишешь о моем браке, а я знаю, что ты собираешься это сделать. И отец Куллен будет доволен, понимая, что не зря бился со мной, видя недостаток моего благочестия.

«Вчера она была еще ребенком, – размышлял Акбар. – А сегодня говорит, как взрослая женщина». И хотя он не был уверен, созрела ли она на самом деле, он уважал ее за это.

– А почему ты думаешь, Ясаман, что я буду писать твоей бабушке? Я не переписываюсь с ней. Считаю это пустым.

Девушка слегка улыбнулась отцу.

– Ты не пишешь ей, это правда. Но она каждый год присылает тебе письма и спрашивает обо мне. В этот раз ты напишешь ей, когда будешь отсылать жемчужину. Разве не так? А если ты этого не сделаешь, то сделаю я. Кандре нужно знать, что я вышла замуж.

– Ты когда-нибудь была несчастна, дитя? – спросил он, удивленный невиданным раньше ее интересом к матери.

– Никогда, – искренне ответила она – Не хотела бы я быть не кем иным, как Ясаман Камой Бегум, дочерью Великого Могола и его первой супруги Ругайи Бегум.

– И женой Ямал-хана? – спросил он.

– И женой Ямал-хана, если нас обвенчает отец Куллен.

– Кандра была такой же упрямой, – сказал ей отец.

– Да? – озорно блеснули глаза Ясаман.

Великий Могол кивнул:

– Я выполню твою просьбу, дочь. Ямал-хану придется примириться с нашим решением.

Ямал-хана несколько не обескуражило, что сначала их будет венчать христианский священник. Когда он прибыл на свадьбу и узнал от Могола эту новость, то лишь по-деловому заметил:

– Сына своего я воспитаю в вере в Пророка. Это все, что меня заботит, господин. Если принцессу устроит свадьба в обеих верах, она устроит и меня.

Они с отцом и правитель ожидали в маленькой приемной дворца Ясаман. И никто не подозревал, что снаружи через окошко принцесса видела и слышала их. Обнадеженная словами, она пристально рассматривала молодого человека, который вскоре должен был стать ее мужем. Ей не лгали: он был красив, но, еще важнее, разумен. Она узнала достаточно и, скользнув сквозь густую листву, обогнула здание и вышла к террасе.

– Госпожа, где ты была? – навстречу ей поспешил Адали и повел в ванную.

– Мне хотелось взглянуть на принца, Адали. Разве мое любопытство неестественно? Через час мы будем мужем и женой. Тети и сестра Арам-Бану еще не прибыли? Они должны открыть церемонию хенна-банди, прежде чем начнется свадьба. Традиции надо соблюдать, но как я ненавижу эту краску! Не вздумай сегодня раскрасить мне руки и ноги, или, клянусь, я выдерну остатки твоих волос.

Евнух рассмеялся:

– Не беспокойся, принцесса. Твое отношение к хенне хорошо известно. Во дворце нет ни капли, кроме того кувшина, что прислал принц. Он пригодится, чтобы раскрасить его руки. Теперь иди в ванную. Вскоре придут гости.

– Никого не звали, кроме семьи и нескольких наиболее достойных военачальников отца, – ответила она евнуху. – Это самая скоропалительная свадьба, Адали.

Прежде чем он успел ответить, дверь отворилась и в сопровождении другой госпожи вошла Ругайя Бегум.

– Я привела госпожу Юлиану, дочка. Перед ванной она осмотрит тебя, чтобы свидетельствовать о твоем здоровье семье жениха.

Госпожа Юлиана вежливо поклонилась и улыбнулась Ясаман. Это была полная женщина среднего роста с великолепной белой кожей, темными волосами и черными глазами. Армянка по национальности, она исповедовала христианскую веру и была замужем за Филиппом Бурбоном, членом королевского дома Наварры, архитектором, построившим в прошлом году в Агре первый в Индии христианский храм. Сама госпожа Юлиана служила врачом и отвечала за здоровье и благоденствие гарема Акбара.

– Я вполне здорова, – запротестовала раздраженная Ясаман. Об этом ее никто не предупреждал.

– Я тоже склонна так думать, принцесса, – ответила госпожа Юлиана, подмечая блестящие глаза и свежую кожу девушки. – Но я обещала вашему отцу осмотреть вас, и я должна это сделать. Покажите-ка мне ваши руки, дитя мое. – Она взяла руки Ясаман и стала их внимательно разглядывать. – Как только представится возможным, сотрите Мехди. Праздничная краска въедается в кожу, а я считаю ее вредной.

– Я не буду пачкать кожу хенной. Никогда этого не делала. Терпеть этого не могу.

– Хорошо, – ответила врач. – Теперь откройте рот.

Ясаман повиновалась.

– Зубы крепкие, – комментировала госпожа Юлиана, – на них нет ни пятнышка бетеля, дыхание свежее. Со здоровьем, кажется, все в порядке. Но надо осмотреть то, чего снаружи не видно, а? Ложитесь на кровать, дитя мое. Юзеф-хан и его сын захотят, чтобы я поклялась в вашей невинности, и мне придется это сделать. Но сначала присядьте, я хочу убедиться, нет ли у вас мастита. – Она стала осторожно ощупывать девичью грудь.

Ясаман вспыхнула, но ничего не сказала. Ей до безумия был неприятен этот осмотр, но она понимала, что следует подчиниться.

Внесли тазик с водой. Врач вымыла руки и сказала.

– Ложитесь на спину, дитя мое, и раздвиньте ноги. Не пугайтесь: чтобы подтвердить вашу невинность, я должна ввести палец во влагалище.

– Что вы сказали? – нервно переспросила Ясаман, чувствуя от всего происходящего неловкость.

– Прежде чем девушка становится женщиной, ее влагалище от полного проникновения предохраняет тонкая пленка кожи. Женщиной ее делает член мужа, разрывая этот щит и лишая невинности навсегда. И только тогда его семя попадает в скрытый сад жены и пускает корни. – Врач склонилась, слегка втянула носом воздух и начала пальцем исследовать Ясаман. Другой рукой она ощупывала девушке низ живота. Наконец взглянула на Ругайю Бегум и кивнула.

– Ее никто не касался. Девушка доставит мужу большое наслаждение.

Юлиана Бурбон поднялась, снова вымыла руки в тазике, который поднесла ей Рохана, и вытерла полотенцем, поданным Торамалли.

– А теперь идите в ванную, принцесса. У вас великолепное здоровье, и я сообщу об этом вашему отцу и жениху.

Ясаман с трудом поднялась на ноги.

– Оставайтесь на свадьбу гостей, госпожа Юлиана, – вежливо попросила она.

– Это для меня большая честь, принцесса, – так же вежливо ответила врач и поклонилась Ясаман. Затем в сопровождении Ругайи Бегум вышла.

Девушка испулась в бассейне, вода в котором была ароматизирована жасминовым маслом. В доме отца было собственное парфюмерное дело Кхушба-хана, где для королевской семьи готовили всяческие масла, духи, благовония.

Когда она вышла из бассейна, ее натерли жасминовым маслом, а в волосы вплели тонкую золотую нить с нанизанными на нее изящными блестящими бриллиантами. Потом внесли свадебные одежды: красное шелковое сари, отделанное золотом, и ангия-курти – блузку, богато расшитую серебром и золотом и украшенную бриллиантами. На шею надели ожерелье из бриллиантов и рубинов, в уши продели сережки с теми же камнями. На стройные руки надели тонкие золотые и серебряные браслеты, на щиколотки – с маленькими колокольчиками. На золотых туфельках сверкали бриллианты. Орхни – покрывало на голову – было тоже заткано золотом и по краю имело золотую бахромку.

Адали застегнул на Ясаман небольшую золотистую, почти прозрачную вуаль.

– Пойдем, принцесса. – Он взял ее за руку. – Отец Куллен совершит христианский обряд в твоей приемной. Он установил там небольшой алтарь, но нам нужно спешить. Мне сказали, что имам уже следует сюда.

Священник их ждал и тут же начал обряд. Ясаман не решилась взглянуть на жениха и стояла, скромно потупив глаза. Службы не было, лишь обмен клятвами и благословение союза. Все быстро кончилось, и принц, даже не взглянув на невесту, вышел из комнаты.

– Как он смел не поздороваться со мной, – разозлилась Ясаман. Даже под вуалью было заметно, как кровь бросилась ей в лицо.

– Он еще не считает тебя своей женой, мой розовый бутон, – объяснил Акбар. – Он любезно выполнил твое желание, но в глубине души убежден, что его супругой ты станешь только после слова имама.

– Тогда, отец, поспешим с этим! Мне кое-что нужно сказать принцу. И если я не могу этого сделать, пока в его глазах не стану женой, давай покончим с этим делом. – Девушка выбежала из комнаты, за ней последовала Ругайя Бегум, догоняющая дочь, а потом шагом – Акбар и отец Куллен. Им был известен темпераментный характер девушек из династии Моголов, и они недоумевали, что она задумала.

Официальное бракосочетание Ясаман предстояло провести на террасе, выходящей на озеро Будар. Озеро притихло на закате, в воздухе не чувствовалось ни ветерка. Из местной мечети прибыл имам. Приглашение на столь важное событие поразило его, а две жены велели хорошенько все запомнить. Имам весело поприветствовал принца Ямала, которого знал с детства, и поздравил с выпавшим ему счастьем.

– Мне говорили, что принцесса очень красивая милая девушка. – И, понизив голос, добавил: – Хорошо, что в Кашмире мы снова будем иметь королевскую семью.

– Но не забывай, добрый Абд Хассан, – кивнул Ямал-хан, – что теперь мы – верная провинция Империи Моголов.

– Конечно, господин, – тут же согласился имам. Спрятавшись за дверями, в тени, невидимая для них Ясаман наблюдала за женихом. На нем были белые шелковые шаровары и белая шелковая длиннополая туника, расшитая бриллиантами и жемчугом. А поверх нее – кафтан из золотой парчи. Он был с непокрытой головой, хотя на ногах имел персидские сандалии на каблуках. В них принц выглядел высоким, правда, Ясаман показалось, что без обуви он будет не выше ее. Но сама она в семье была самой рослой.

– Ну что, удовлетворила свое любопытство? – шепнула ей Ругайя Бегум. – У него красивые глаза.

– Он хорош в наряде, а вот каков он будет без него? – упрямо заявила Ясаман. Но, несмотря на резкие слова, заметила, что ноги жениха – прямые и мускулистые.

– Мужчины без одежд не так выигрывают, как женщины, – фыркнула Ругайя, – но уверяю тебя, об этом не стоит заботиться, если его член крепок.

– Пора. – К ним подошел Акбар, одетый в белое. Вместе с Ругайей Бегум, такой блистательной в платье из золотой парчи, они вывели Ясаман на террасу.

Имам стоял спиной к озеру, а перед ним Иодх Баи, Салима Бегум, Зада Бегум и госпожа Ваги держали золотой балдахин. Под балдахином ожидали Ямал-хан с отцом Юзеф-ханом. Невеста с родителями присоединилась к ним.

– Между этими двумя молодыми людьми достигнуто брачное соглашение, – провозгласил имам. – Принц Ямал, поклянись.

– Я, Ямал-хан, беру тебя, Ясаман Каму Бегум, дочь Мухаммада Акбара, в законные жены, перед Богом и этими людьми в согласии с учением Корана. Обещаю, что буду делать все, чтобы наш союз был образцом послушания Богу, а наши отношения – полны любви, сострадания, мира, верности и взаимопомощи. Призываю Бога в свидетели, ибо он самый лучший свидетель. Аминь. – Он так ни разу и не взглянул на Ясаман.

– А теперь поклянись ты, принцесса Ясаман, – повелел имам. Разозлившись на человека, который был уже почти ее мужем, девушка глядела прямо перед собой. И все же голос ее был, как всегда, тверд. Она – дочь Могола, и никому не удастся ее запугать.

– Я, Ясаман Кама Бегум, беру тебя, Ямал Дарья-хан, сын Юзеф Али-хана, законным супругом перед Богом и этими людьми в согласии с учением Корана. Обещаю, что буду делать все, чтобы наш союз был образцом послушания Богу, а наши отношения – полны любви, сострадания, мира, верности и взаимопомощи. Призываю Бога в свидетели, ибо он самый лучший свидетель. Аминь.

– Они муж и жена, – провозгласил имам и взглянул на собравшихся. – Воздадим должное Ямал Дарья-хану и его супруге. Ура! – Гости со стороны и мужа, и жены громко отозвались на призыв священника. Затем мать и другие женщины проводили невесту к праздничному столу, а Акбар повел жениха и мужчин к другому.

– Я так рада за тебя, дитя мое, – поздравила Ясаман Иодх Баи, как всегда грациозная и очаровательная в своем красном сари.

– Тетя, ты так молодо выглядишь, что самой впору в невесты, – ответила девушка. – Благодарю тебя за поздравления.

От комплимента Иодх Баи вся засветилась.

– Милый молодой человек, – похвалила блистательная в оранжевом с золотом Салима Бегум. – Похоже, он может доставить женщине много наслаждения. Ты прочитала Ночную книгу, но картинки тебе ничего не скажут до тех пор, пока страстный молодой мужчина не полюбит тебя. Помню твоего отца, когда он был в соку! О, что за мужчина он был в молодости! Желаю тебе такого же наслаждения!

– Ты хорошо устроила дочь Кандры, – заметила Ругайе Зада Бегум. Обычно маленькая, как мышка, женщина сегодня выглядела элегантно в пурпурно-золотом наряде. – Очень хорошо. Она станет кашмирской королевой.

– Я хорошо устроила свою дочь, – холодно ответила Ругайя Бегум.

– Ой! – Зада Бегум застенчиво вспыхнула. – Конечно! Я сказала бестактность. Прости меня, пожалуйста!

Ругайя Бегум сдержанно кивнула, и Зада поспешила отойти к противоположному концу стола.

– Она всегда была глупа, – успокоила Ругайю Салима Бегум. – Но обидеть никого не хочет.

– Тебе виднее: она ведь твоя подруга, – едко ответила Ругайя.

– Когда речь идет о девочке, ты становишься колючей, как розовый куст, – усмехнулась Салима Бегум. – Но это ни к чему. Ты ее мать. Единственная мать, которую она помнит. И изменить этого никто не сможет. Ясаман любит тебя больше всех. Правда ведь, дитя мое?

– Да, тетя. – Ясаман обвила шею Ругайи Бегум рукой и нежно ее поцеловала.

Было подано грандиозное свадебное угощение. Сначала пили прохладный лимонный шербет для аппетита. На столах появился белый хлеб с глазурью из желтка и буханки медового хлеба, сдобренного маковым зерном, хрустящие румалийские лепешки толщиной с шелковый платок, выпекаемые лишь по особым случаям, чаши с маринадами из трав, моркови, гороха, бобов и съедобных семян.

Рохана была права: приготовили несколько видов риса – шафрановый, окрашенный в королевский пурпур, зеленого цвета и девственно-белый. Некоторые чаши укрывали тонкие листы серебряной и золотой фольги. Для дочери Могол не жалел никаких денег.

Внесли дичь, запеченную в глиняных горшочках, жареных цыплят, морских черепах, множество сортов рыбы, тушеных под соусом карри кур, козлят, мозг ягнят под красным перцем в горчичных листьях. Женщины ели так же усердно, как и мужчины, но из-за стола, где пировали мужчины, шуму доносилось больше.

Убрали основные блюда, подали свежие фрукты, песочные рожки с толчеными орехами в меду, фисташки, кедровые орешки, личи, розовые лепестки, черный и зеленый чай. Для вкуса гости сдабривали его гвоздикой или кардамоном.

Пока шел свадебный пир, солнце село в изумительном великолепии красок. Зажгли фонари, тепло осветившие развлекавших гостей танцовщиц. Первой выступила знаменитая кашмирская певица, исполнившая под ситар несколько классических персидских песен, которые так любил Могол.

Для середины августа вечер был тихим и теплым. Ясаман пробовала еду, но в голове ее роились мысли о том, что случилось в последние дни. Замужем. Она замужняя женщина, но с мужем еще не перемолвилась ни словом, и он ей не сказал ни слова. Это забавляло ее.

– Дочь, – тихо прошептала ей на ухо Ругайя Бегум. – Тебе пора покинуть меня и отправиться к мужу.

– Отправиться? Куда? – Ясаман была поражена. – Разве мы не здесь будем жить, мама Бегум? – Этого они с матерью не обсуждали.

Ругайя Бегум растерянно посмотрела на дочь, поняв ее сомнения.

– Я думала, ты понимаешь, что будешь жить во дворце Ямал-хана, дитя мое. Это рядом, за озером.

– А ты поедешь с нами, мама Бегум?

– Нет, я останусь здесь.

– Тогда я тоже не поеду. Я не буду жить в незнакомом дворце с незнакомым мужчиной, который не соизволил мне даже слова сказать – Девушка была готова расплакаться.

– Ясаман! – Голос Ругайи Бегум вдруг стал жестким. Она знала, теперь не время для нежностей. – Глупо думать, что ты понимаешь все, что повлечет за собой брак. Но я не позволю тебе расстраивать своими капризами отца, Юзеф-хана и мужа. Сегодня же поедешь с Ямал-ханом. У него хороший дом, а если ты там захочешь что-нибудь изменить, уверена, он не будет возражать. Если уж ты будешь совсем несчастна, убедим твоего принца жить здесь. А теперь иди в свои покои и приготовься к отъезду. Утром к тебе приедут Рохана и Торамалли. Если сможешь обойтись без Адали, я предпочла бы оставить его здесь, но будешь судить об этом завтра, когда осмотришь дом. И в следующий раз, когда соберешься удариться в истерику, вспомни, что ты дочь Могола. Мы, Моголы, прячем от мира свои чувства, чтобы мир не обратил наши чувства против нас.

Медленно, тяжело Ясаман поднялась и глубоко вздохнула, как будто хотела освободиться от переживаний:

– Я не знала этого, мама Бегум. Я буду через секунду.

Ругайя Бегум похлопала дочь по руке и, глядя ей вслед, почувствовала, как ноет сердце. Она вынуждена говорить с ней так резко. Никогда раньше она этого не делала.

– А почему девочку выдали замуж с такой поспешностью? – спросила старую подругу Иодх Баи. – И не говори мне о брачном договоре, который будто бы заключили во время мирного урегулирования между Кашмиром и империей. Я знаю, это неправда.

– Акбар стареет, – начала Ругайя Бегум, но маленькая кареглазая женщина прервала ее, подняв руку.

– Правду, Ругайя. А не басни, которые вы придумали с Акбаром. Неужели мы так долго были в разлуке, что ты не можешь мне сказать правду? Эта милая девочка-ребенок, которого подруга Кандра родила нашему мужу. Твоя дочь, которую ты любила и с нежностью вырастила. Скажи мне правду!

– Правда пронзит тебе сердце, Иодх Баи, – ответила Ругайя. – Я слишком тебя люблю и не могу служить орудием, которое тебя пронзит. Не настаивай, прошу тебя!

– Правду! – не отступала Иодх Баи.

Ругайя Бегум вздохнула. Она могла отказаться, но Иодх Баи не удовлетворилась бы этим. Она продолжала бы давить на нее и, конечно, на Акбара.

– Из-за Салима, – наконец призналась она и быстро, пока не вернулась и не услышала их Ясаман, все объяснила подруге. Добрые глаза Иодх Баи наполнились слезами.

– Ах, – процедила она, – что же делать с моим сыном? Мне больно оттого, что он мог все это совершить.

– Дело улажено, подруга, – утешила ее Ругайя Бегум. – Салим теперь потеряет к Ясаман интерес. Не думай больше об этом, прошу тебя.

Иодх Баи кивнула:

– Но Ясаман еще так молода. Она даже не знала этого юношу, который теперь стал ее супругом.

– Уверяю тебя, его репутация безупречна. Даже при том, что ей угрожало, я бы не позволила выдать дочь за неподходящего человека. Ш-ш-ш, она возвращается. – Ругайя Бегум встала и протянула навстречу дочери руки. – Ты готова?

– Готова, – ответила девушка.

Ругайя Бегум и поднявшаяся вслед за ней Иодх Баи осторожно провели Ясаман через террасу, вниз по мраморным ступеням к ожидающей ее пестро украшенной лодочке. Лодка была покрыта красным лаком и по всему борту расписана золотыми рисунками. Полосатый красный с золотом навес затенял обитую темно-синим атласом скамью, которую украшали пышные разноцветные подушки. Лодочник, застывший в ожидании на корме суденышка, почтительно поклонился, и женщины, крепко обняв Ясаман, помогли ей сойти на палубу.

– Муж через секунду присоединится к тебе, – проговорила Ругайя Бегум. – Да благословит Аллах ваш союз и да сделает его плодотворным.

– Да будешь ты матерью многих сыновей, – в свою очередь пожелала Иодх Баи. – Прежде чем отправиться на юг, я заеду повидать тебя.

– Спасибо тебе, мама Бегум, спасибо, тетя. – Ясаман смотрела прямо перед собой, не решаясь встретиться с ними взглядом. Страхи вновь нахлынули на нее, и к горлу подкатывал ком. Замужество пугало ее. Она чуть не расплакалась, услышав, как удаляются по лестнице их шаги. Но вместо этого принялась разглядывать рыбака Али, который вместе с другими членами семьи скрючился неподалеку в рыбацкой лодке. Застенчиво она помахала им рукой, и была вознаграждена пожеланиями счастья, донесшимися по поверхности тихой воды озера.

– Они перевернутся от восторга, – раздался мужской голос.

Лодка накренилась, когда принц сошел в нее и опустился на скамью рядом с Ясаман. Он знал, как повезло Али. На озере каждый об этом знал. И кажется, это были не рассказы.

– Лучше быть невежливой и не замечать их? – резко спросила Ясаман.

Девушку удивило, как легко он заговорил с ней. И все же до сих пор он с ней так и не поздоровался. «Зачем я согласилась на этот брак», – беззвучно зарыдала она.

– А дочь Могола никогда не бывает невежливой? – Принц слегка подтрунивал над девушкой. – Если так, то я взял образцовую жену.

– О-о-о! – Она вздернула голову и взглянула на него. – Ты, мой господин, совершенно непереносим. С тех пор как мы произнесли брачные клятвы, ты и слова не соблаговолил мне сказать, а теперь учишь хорошим манерам! Да еще подшучиваешь? Если бы не закон, я бы сию минуту с тобой развелась!

Ямал Дарья-хана так и подмывало рассмеяться, но он решительно сдержался. Красивее этих невероятных сверкающих бирюзовых глаз он еще не видел. А чувство справедливости подсказывало, что она права. Ведь невежливым был он, не обращавший на нее никакого внимания весь вечер.

Его раздражало, как отец и Могол загнали его в этот брак, но девушка в этом не была виновата. Один Аллах лишь знал, каким выгодным для семьи был их союз. Невесту, безусловно, тоже принудили лаской. Она была так молода и так красива! Сидя рядом с ней, он с трудом верил, что это сокровище – его.

– Принцесса, – мягко ответил он, – ты знаешь, обычай требует, чтобы в день свадьбы невеста и жених находились порознь, – и, откинув с ее лица полупрозрачную золотистую вуаль, взгляделся в черты жены. – Ах! – В выразительном жесте он положил руку на сердце, а другой провел ей по подбородку. – Ты, моя невеста, необыкновенно красива!

Ее щеки зарделись. Не в состоянии дольше глядеть на него, она опустила черные ресницы на молочно-белую кожу щек, гнев тут же растаял, и она почувствовала, что не в состоянии пошевелить языком. Стыд и неловкость озадачили ее, привыкшую держать в узде свои чувства.

Он повернул к себе ее лицо:

– Взгляни на меня, невеста. Я никогда не видел столь прекрасных глаз. Я поражен твоей невинной красотой. Скажи, что прощаешь меня. Не можешь же ты сердиться на человека, чье сердце так стремительно завоевала.

Она встретилась с ним взглядом и почувствовала, что тает под бархатно-темными глазами. Вновь заработало сознание.

– Господин, ты застал меня врасплох, – сказала она. – Я не привыкла к таким комплиментам и не знаю, как на них отвечать. Может быть, заметить, что ты красивее даже моего брата Салима?

Он улыбнулся, а она решила, что у него чудесная улыбка: жемчужно-белые зубы сверкали на фоне золотистой кожи, красивый изгиб губ.

– Я счастлив, что любовные похвалы – первое, что слышат твои изящные, как раковинки, уши.

Ясаман не сдержалась и хихикнула. Как раковинки? Хихикнула снова.

– Почему господин так необыкновенно называет не самую красивую часть моего тела? Может быть, я и юна, но не так глупа.

Ямал-хан громко рассмеялся:

– Клянусь, принцесса, я так потрясен твоей красотой, что неизвестно что бормочу. – Он взял ее руки в свои. – Теперь мы друзья?

– Не уверена, – тихо ответила девушка. – Я еще не знаю тебя, господин. И не знаю ничего о тебе, кроме того, что ты послушный сын.

– Я также мало знаю о тебе, принцесса. Только то, что ты рождена Моголу его английской женой, но выращена Ругайей Бегум.

Несколько минут они сидели молча, пока лодка неспешно скользила по озеру.

– Смотри, принцесса, – снова заговорил Ямал-хан, – луна встает.

Ясаман взглянула туда, куда указывал ее муж:

– Несколько дней назад на мой день рождения было полнолуние. А теперь она убывает.

– Зато прибывает моя любовь к тебе, – заметил принц.

Ясаман снова вспыхнула. Его слова вызвали в ней трепет.

Она и не представляла, что мужчина может говорить такие замечательные вещи, и они могут звучать так искренне. Может быть, конечно, только может быть, этот брак не так уж и плох и еще удастся. Но она не знала, что сказать в ответ мужу, и поэтому промолчала.

Он слегка сжал ее руку, поднес к губам и горячо поцеловал в ладонь.

– Такая изящная рука, принцесса, – прошептал он. – Мне не дает покоя мысль, что вскоре она будет ласкать меня.

Прикосновение губ к ее коже заставило сердце подпрыгнуть в груди.

– Ах! – судорожно выдохнула она, когда ощущение первого поцелуя пронзило тело и вызвало в нем приятную слабость.

Теперь замолчал он, пытаясь припомнить, сколько же ей лет. Тринадцать. Только что исполнилось тринадцать. Но ему говорили, что регулы у нее начались. Да это просто рай! Она так невинна. Не то чтобы знание не могло быть приятным, но ему доставляло удовольствие, что ни один мужчина не касался ее, не говорил комплиментов, не целовал ее губ, которые вскоре намеревался поцеловать он сам.

Она была невинной девственницей, но, безусловно, представляла, что от нее требовалось. Как всем невестам, ей подарили Ночную книгу. Девственницы у него еще не было. Несколько женщин, которых он содержал в гареме, в совершенстве владели искусством удовлетворения чувственности мужчины, и их ему учить было нечему. Ясаман же неопытна, и ему предстоит преподать ей урок.

Маленькая лодочка слегка ударилась о мраморную пристань его дворца. Лодочник спрыгнул на берег и привязал суденышко, затем незаметно скрылся из виду, оставив их наедине. Принц встал, вышел на берег и обернулся, чтобы помочь Ясаман.

– Мой... наш дом не так хорош, как твой. Разрешаю делать все, что захочешь, чтобы нам жилось в нем приятно и счастливо. Покупай, что хочешь, моя принцесса. После смерти матери слуги, быть может, разленились. Теперь они в твоём распоряжении, как и все остальное, что касается хозяйства.

– Мне потребуется несколько дней, чтобы все изучить, узнать, кто из слуг нерадив, а кто просто не знает, что делать, потому что нет никаких указаний, – ответила Ясаман. – Завтра придут мои личные служанки Рохана и Торамалли. Адали, старшего управителя, мама Бегум хотела оставить себе, но, может быть, и он мне потребуется.

– Покои приготовлены для тебя, – сообщил ей Ямал-хан. – Я дал распоряжение женщинам гарема – им лучше знать, как устроить женщину. Пойдем, принцесса.

– Минутку, господин, – задержалась Ясаман. – Мне нужно с тобой поговорить, но я не хочу, чтобы нас подслушали.

– В чем дело, невеста? Только скажи, и обещаю, твое драгоценное желание будет исполнено, – романтично поклялся принц.

– Не торопись, выслушай меня, – тихо произнесла девушка.

Он с любопытством посмотрел на нее.

– Говори, – только и вырвалось у него.

– Я твоя законная жена, но мы до сих пор не знаем друг друга. Я слышала, что мужчины сходятся с незнакомыми женщинами, чтобы получить удовольствие. Но я нежно и тонко воспитана и сочту постыдным отдать тебе свое тело в эту ночь или какую-нибудь другую, прежде чем между нами возникнет чувство. Не знаю, поймешь ли ты, но должна тебя об этом просить, потому что мать повелела мне во всем слушаться моего господина. – И она скромно потупила глаза.

– А если я скажу, что сегодня же хочу тебя в своей постели, ты меня послушаешься, принцесса? – спросил Ямал-хан.

– У меня нет выбора, господин. Как послушная жена, я подчинюсь. Но меня сильно печалит, если вождение в тебе окажется сильнее желания сделать наши отношения приятными и гармоничными.

Ямал-хан рассмеялся:

– Для своего возраста ты необыкновенно умна, слишком для такого простого кашмирца, как я. Обрати-ка лучше свои таланты на то, чтобы доставить мужу тысячу и одну ночь высшего наслаждения. И все же я склонен выполнить твою просьбу. Несколько дней назад мы еще ничего не знали друг о друге, а сегодня связаны на всю жизнь. Если вождение одолеет меня, женщины в гареме знают, как его удовлетворить. Со временем и ты этому научишься. А пока будем просто друзьями.

– Мама Бегум сказала, что лучшие браки получаются тогда, когда супруги прежде всего становятся друзьями. А она, господин, никогда мне не лгала, – заметила Ясаман.

– Пойдем, – он снова взял ее за руку, – я покажу тебе твой новый дом. Меня поражает, что слуги не выбежали поприветствовать свою новую госпожу, на террасе не горят фонари, лампы в доме не зажжены.

Он повел ее по ступеням к красивой мраморной террасе, схожей с террасой ее дворца. Но здесь, даже в свете убывающей луны, она сумела разглядеть, как заброшены растения: одни не подстрижены, другие погибают. Ясаман нахмурилась. Все это требовало ее немедленного внимания. Сады для Моголов значили очень много. В этом году уже поздно, но следовало подготовиться к следующему. Сквозь арочную дверь они вошли в здание.

– Вот твои владения, – указал принц. – Но почему же нет света? Я приказал, чтобы твои покои вычистили и провели нас туда.

– Судя по всему, слуги ленивы, господин. Придется сразу же взять их в руки.

– Со дня смерти моей матери порядка здесь нет. Я мужчина и не знаю, что следует делать, – безнадежно ответил он.

Ясаман негромко рассмеялась:

– Тебя кормят, стирают одежду, и этим ты доволен. Да, мой господин? Доволен, пока можешь охотиться и пока женщины поют тебе и удовлетворяют другие желания? А как же женщины в твоём гареме? Неужели среди них нет ни одной, которая могла бы руководить слугами?

– Руководить слугами – не их обязанность, – ответил он, слегка смутившись. – У них другие обязанности. Ты о них, конечно, знаешь.

Мать Ясаман говорила, что мужчины, независимо от возраста, словно дети. За свою короткую жизнь девушке не приходилось близко общаться с мужчинами, кроме членов своей семьи. И теперь она начинала понимать, что имела в виду мама Бегум. Пока удовлетворялись его личные потребности и жизнь была удобной, Ямал-хан позволял дворцу разваливаться, слугам дичать, а женщинам проводить время в праздности, словно грибу на дереве. «Все это надо менять», – решительно подумала девушка. Но теперь ей требовался сон. День был утомительным.

– Нужно найти кого-нибудь, чтобы зажег лампы, – сказала она мужу самым практичным тоном.

– В гарем ведет эта дверь. – Он указал в полумрак комнаты. – Это женская половина дворца.

Они пересекли комнату рука об руку, и Ямал-хан открыл дверь, впуская жену в гарем. Их встретил теплый золотистый свет. Комната была хорошо обставлена: ярко обитые кушетки, большие напольные подушки, низкие столики из черного дерева и бронзы, изящные коврики на мраморном полу. В гареме находилось пять женщин. Они взглянули на принца и невесту.

Выкрикивая приветствия, женщины окружили Ямал-хана, не обращая внимания на Ясаман и грубо оттолкнув ее в сторону.

– Господин, ты вернулся! – заговорила маленькая женщина с золотистой кожей, иссиня-черными волосами и темными глазами. Она обвилась вокруг юноши и с обожанием глядела на него снизу вверх.

– Самира, почему не приготовлены покои принцессы? Разве я не сказал тебе распорядиться? – Он с усилием освободился от объятий женщины.

– Господин! Я не какой-нибудь управитель и не жена, чтобы распорядиться слугами и заставлять их прибираться в доме. Меня учили доставлять тебе удовольствие. – На секунду она надулась, но тут же вновь победно улыбнулась. – Хочешь насладиться прямо сейчас, господин? Поэтому ты и пришел к нам? Мы готовы. – Она взглянула на своих компаньонов, глаза опасно сузились.

– Да, да, господин, – позволь доставить тебе удовольствие, – стали наперебой упрашивать другие и, послушно приблизившись, ласково касались его руками.

Ямал-хан не находил слов, растерянный при виде непочтения, которое женщины проявляли к его жене. Прежде чем он сообразил, что сказать, холодно заговорила Ясаман:

– Кто эти создания, муж? Женщины из твоего гарема? Они так же плохо обучены и так же невоспитанны, как и твои слуги. Вижу, мне предстоит много работы.

От ее презрительного замечания четыре женщины заметно сникли, но пятая продолжала упорно прижиматься к принцу.

– Господин, неужели ты позволишь этой девчонке так разговаривать со мной? – спросила Самира. – Разве я не любимая твоя женщина? Накажи ее сейчас же. – Чтобы усилить слова, она топнула маленькой ножкой, волосы разметались по плечам.

Ее ярость заставила принца действовать тверже, чем раньше, он отстранил ее от себя и сердито сказал:

– Это я тебя накажу, женщина. Все на колени! Перед вами Ясаман Кама Бегум, дочь Великого Могола, моя невеста. Здесь госпожой будет она. Вы знали, что сегодня вечером я приеду с ней, и все же нарочно не подчинились, хотя я просил подготовиться к ее встрече. Вас будут бить. Всех!

Четыре женщины бросились к ногам Ямал-хана.

– Пощади, господин! – закричали они. – Мы все бы сделали, но нам не позволила Самира!

Теперь его ноги, жалобно всхлипывая, обхватила Самира:

– Они лгут! Я лишь ничтожная женщина. Как могла я запретить им выполнить свой долг? К тому же, – хитро заметила она, – сегодня твоя брачная ночь. Разве принцесса не проведет ее с тобой?

– Конечно, – быстро отозвалась Ясаман. – Кончим на этом. Завтра я сама присмотрю, чтобы все было сделано правильно. Будь милостив, господин. Не нужно никаких побоев. Я устала и хочу в постель.

– Тебе не придется много спать, принцесса, если господин будет любить тебя так же, как любит нас. – Самира ухмыльнулась, а Ясаман заметно побледнела.

Принц хотел нашлапать женщину за ее вовсе не тонкий намек, но та увернулась, довольная, что удостоилась его внимания. Повернувшись, Ямал-хан повел Ясаман прочь из гарема.

Но на пороге она оглянулась:

– Идите-ка, женщины, лучше спать. Сегодня ваши услуги не потребуются господину. А завтра будет установлен новый порядок, и жизнь станет другой. Бездельники мне не нужны.

– Ну что ж, – проговорил принц, пока они шли через дворец в его покои, – котенок, на котором я женился, когда вырастет, станет тигрицей, – он причмокнул от удивления. Она не только изумила его, но и обрадовала, так быстро справившись с Самирой. Умные любовницы

делали невыносимой жизнь многих жен. А Самаира, теперь он ясно видел, не будет главенствовать над Ясаман.

– Ты вспомнил, что я дочь тигра, – яростно проговорила девушка. – Эта женщина, Самаира, настолько груба, что я вряд ли смогу ее выносить. В доме может быть лишь одна хозяйка. Больше я не потерплю неуважения.

– Хозяйка здесь ты, принцесса, – заверил он жену. – Этот дом и все, что в нем находится, – в твоём распоряжении. Знай, я не позволю непочтительно относиться к тебе. Ты не только дочь Могола Ясаман Кама Бегум. Ты моя жена.

Они вступили в его покои, где было также темно и по-прежнему не видно слуг. Но в комнату светила луна, и было достаточно светло, чтобы найти дорогу.

– Где я буду спать? – спросила девушка мужа.

– Кровать там. – Он указал на поднятый балдахин.

Она устало села на постель.

– А где будешь спать ты, мой господин?

– Здесь только одна кровать, принцесса. Нам придется ее разделить.

Ясаман вскочила на ноги.

– Ты обещал, что... – Она вспыхнула, стараясь подобрать нужные слова.

Ямал-хан подошел к жене и приподнял лицо так, чтобы видеть глаза.

– Свое обещание, принцесса, я сдержу, – сказал он серьезно. – И все же в комнате только одна кровать. А на полу я спать не намерен.

– Тогда на полу буду спать я, – упрямо заявила девушка.

– Нет, и ты не будешь. Послушай, госпожа. Неужели ты считаешь меня похотливым чудовищем, неспособным и ночи пережить, чтобы не отведать твоего сладкого тела? Если угодно, – насмешливо заметил он, – я вернусь в гарем и оставлю комнату в полном твоём распоряжении.

– Нет! – вскрикнула Ясаман, которая скорее бы умерла, чем позволила этим испорченным женщинам из гарема узнать, что произошло или не произошло между ней и ее супругом. И он это знал. – Не будь таким самодовольным, – едко сказала она. – Даже в темноте я вижу, как ты ухмыляешься.

Ямал-хан усмехнулся, продолжая снимать свадебный наряд.

– Что ты делаешь? – взволнованно спросила Ясаман.

– Я не привык спать в одежде, – ласково ответил он и, отвернувшись от нее, стал раздеваться дальше.

Довольно долго она оставалась неподвижной и не проронила ни слова, потом решила тоже раздеться. Она и не представляла, что ей так жарко, пока не сняла тяжелое расшитое свадебное платье. Сложив все на стуле, она добавила к аккуратной стопке туфли и украшения и наконец – сари.

– Мне нечем расчесать волосы, – проворчала она, распуская украшенную драгоценностями косу и проводя пальцами по волосам. – Даже нельзя помыться, – покачала она головой. – Обещаю тебе, господин, никогда больше тебя не будут принимать так в собственном доме. – Она легла в постель и повернулась к мужу спиной.

Ямал-хан из-под ресниц следил, как она раздевается. Смотреть на нее открыто – значит показать свою невоспитанность. Но он не забыл, как подглядывал в ванной, один краткий миг, достаточный, чтобы разбудить аппетит, но не для того, чтобы рассмотреть ее прелестные формы. Его поразили округлые линии тела и пышная грудь девушки, которая стала его женой. Как неосмотрительно, смущенно думал он, дать обещание уважать ее добродетель. Но это было прежде, чем он увидел ее во всей красе в своей постели.

Он лег на другой край кровати и тоже повернулся к ней спиной.

– Ты спишь? – тихо спросил он.

– Нет, – ответила девушка.

- Прежде чем мы заснем, ты не сделаешь кое-что для меня?
 - Что, господин? – Она немного повернулась к мужу.
 - Назови меня по имени. Мы уже несколько часов как женаты, а я еще ни разу не слышал, как ты произносишь мое имя.
 - Спокойной ночи, Ямал. Да ниспошлет тебе Бог приятный отдых.
 - Спокойной ночи, Ясаман. Не думаю, что буду с тобой несчастным мужем, моя гордая принцесса.
- На этом они уснули.

5

В первые минуты Ясаман не могла сообразить, где находится. Потом память начала восстанавливаться, она повернулась и обнаружила, что лежит в кровати одна. Неужели он ушел к одной из своих женщин? Она с удивлением обнаружила, что ревнует. Но как она может ревновать человека, которого почти не знает? Она поднялась, завернулась в сари и с раздражением вспомнила, что воды нет и снова не удастся умыться. Порядка в доме не было. Выйдя на соседнюю с комнатой террасу, девушка с радостью вдохнула свежий утренний воздух. Ямал сидел и завтракал совсем один.

– Здравствуй, господин. – Ясаман подошла к мужу. – Рада, что тебя хоть накормили. Может быть, и мне кто-нибудь окажет такую же услугу? – Она взяла со стола банан.

– У тебя и в самом деле будет много работы, принцесса, – признал Ямал, глядя, как она чистит фрукт.

– За этим я посижу. – Она грациозно обвела все рукой. – Ты ведь не будешь вмешиваться в мои распоряжения? Ты об этом сам вечером сказал, – переспросила девушка мужа, желая увериться, что правильно его поняла.

– Ты здесь хозяйка, принцесса, – подтвердил он и улыбнулся. – Во сне ты такая красивая, Ясаман.

– Только во сне? – Что заставило ее это сказать? Она флиртовала с ним? Ясаман покраснела.

Ямал-хан рассмеялся.

– Ты красива всегда, – дипломатично поправился он и шутливо добавил: – Так я по крайней мере заметил во время нашего короткого знакомства, принцесса.

Это он флиртовал с ней! Сердце забилося сильнее, щеки вспыхнули ярче. Ей сделалось неудобно, и она снова захотела оказаться у себя во дворце по ту сторону озера Вулар, чтобы играть с кошками. Но она была здесь – замужняя женщина, нет, еще не женщина, только невеста. И перед ней стояла огромная задача: привести в порядок дом мужа. Она видела, что он считает ее забавным ребенком. Она завоеует его уважение и со временем, вероятно, любовь.

– У меня много дел, господин, – сухо сказала она мужу. – Пожалуйста, извини меня, – и, повернувшись, поспешила обратно в маленький дворец.

Прекрасно ориентируясь, из покоев мужа она направилась в женскую половину. При свете дня комнаты показались ей еще более неприглядными, чем вечером: тусклые, старомодные, невероятно грязные. Когда-то они были изысканными – изразцы красивы, стены выложены сердоликом, лазуритом, малахитом, перламутром, кораллом, вулканическим стеклом. По всему было видно, что комнаты принадлежали матери принца и со дня ее смерти в них ни разу не убирались. Про себя Ясаман отметила, что здесь не хватает ковриков.

– Госпожа! – Голоса двух служанок-близнецов слились в одном возгласе. Торамалли обшарила взглядом комнату. – Ведь это не твои покои, принцесса, – воскликнула она, пораженная, в то время как у ее ног взметнулся ком пыли.

– Боюсь, что мои, – ответила Ясаман. – Но не стоит судить принца: его слугами и женщинами никто не управлял – не было твердой руки. Нам предстоит много дел, если мы хотим превратить этот дом в жилой.

– Госпожа! Выйди на террасу и посмотри! – возмущенно позвала девушку Рохана. – Сундуки, которые мы отправили сюда два дня назад, так и стоят там, где их оставили наши люди. Счастье, что не было дождя! Роса тоже нехороша для них, но, кажется, не причинила вреда. С радостью докладываю тебе об этом. Но разве не возмутительно, что с тобой обращаются таким позорным образом!

– Беги скорее, Рохана, скажи нашему лодочнику, что я хочу его видеть, прежде чем он возвратится на ту сторону озера, – приказала служанке Ясаман.

Девушка окликнула лодочника, и тот выбрался из суденышка и, кланяясь принцессе, поспешил по ступеням на террасу.

– Передай послание моей матери, – распорядилась принцесса. – Скажи, что мне нужен здесь Адали и по крайней мере полдюжины лучших слуг сегодня же утром.

– Хорошо, госпожа, – ответил лодочник.

Они наблюдали, как он отплыл и погнал суденышко через озеро быстрее обычного.

– А теперь, – сказала Ясаман, – нужно взять в руки гарем принца. В нем пять женщин, одна из которых особенно упрямая. Другие ее, похоже, боятся. Мы либо вырвем жало из пчелы-матки, либо ее раздавим. Ей предстоит самой решить свою судьбу.

Ясаман направилась в гарем. Рохана и Торамалли последовали за ней. Не было сказано ни слова, но глаза их расширились, когда они заметили, насколько здесь все было роскошнее, чем в покоях принцессы. Близнецы были неглупыми девушками и тотчас сообразили, какую намеренную обиду наносили Ясаман женщины гарема. Служанки понимающе переглянулись. Они знали то, чего не знали эти безмозглые существа: госпожа их хоть и молода, но упорна и не остановится на полдороге. Если Ясаман решила, что будет верховодить этим дворцом и самим принцем, она этого добьется.

– Доброе утро, дамы, – холодно поздоровалась Ясаман и, не ожидая ответа, продолжила: – Тебя ведь зовут Самира? Не медли, представь мне остальных.

Застигнутая врасплох, прежде чем смогла сообразить, что делает, Самира повиновалась хозяйскому тону Ясаман. А потом было уже слишком поздно – она потеряла лицо перед своими компаньонками.

– Лайла, Нилак, Лалита и Тира, – коротко ответила она, всем сердцем желая вцепиться в лицо принцессе, чтобы согнать с него улыбку.

– Лалита, ты индианка? Ведь так? Теперь разговаривать со мной вы будете стоя. Этого требует обычная вежливость.

Женщина по имени Лалита вскочила на ноги и почтительно поклонилась Ясаман.

– Да, – ответила она, – я с юга Индии, из Голконды.

– Да, моя госпожа, – поправила ее Ясаман. – Запомните, что в этом доме хозяйка я и обращаться ко мне следует достойно.

– Да, моя госпожа, – повторила Лалита. Она была хрупкой темнокожей женщиной с добрым выражением круглого лица.

– Лайла, Нилак, я думаю, вы персиянки, – продолжала принцесса. – По-персидски Лайла означает темноту, ночь, а Нилак – голубоватый цвет сирени. Ваши имена так же красивы, как вы сами.

Обе светлокожие женщины с иссиня-черными волосами и темными глазами поднялись и поклонились.

– Да, моя госпожа. Спасибо, госпожа, – воскликнули они в один голос. Самира бросила на них злобный взгляд.

Ясаман повернулась и посмотрела на женщину с золотистыми волосами. Таких она никогда еще не видела.

– Тира? Что у тебя за имя? – спросила она.

– Я гречанка. – Женщина встала и надменно поклонилась, холодные глаза смотрели прямо на Ясаман. Но принцесса не отвернулась. И наконец поняв, что побеждена, и передернув плечами, женщина, улыбнувшись, опустила взгляд.

– А откуда я, ты не хочешь знать? – раздраженно спросила Самира, разозлившись от такого невнимания к ней.

– Откуда бы ты ни взялась, там тебя не научили хорошим манерам, – отрезала Ясаман.

– Я из Самарканда, – гордо заявила Самира. – Мой отец был великим военачальником!
– Твой отец был солдатом и прижил тебя с уличной шлюхой. – Тира рада была посмеяться над Самирой. – Ведь поэтому ты оказалась рабыней в гареме.

Самира схватила миниатюрный нож для фруктов.

– За такое оскорбление я вырежу тебе сердце, – завопила она. – Ты сама – чужеземная шлюха.

С быстротой молнии и к немалому изумлению женщины, Торамалли выбила нож из ее руки.

– В присутствии госпожи нечего хвататься за нож. Иначе я доставлю себе удовольствие и убью тебя, – пригрозила служанка.

Ярость Самире перекинулась с Тиры на слуг Ясаман.

– Кто? Ты? – зло прошипела она.

– Я, Торамалли. Я охраняю Ясаман с самого ее рождения. И со мной, уличная девка, лучше не шутить.

– Довольно, – тихо проронила принцесса. – Самира, пожалуйста, походи во дворец и разыщи слуг. Скажи, что я немедленно хочу их видеть на террасе у озера.

– Я тебе не посыльная, – грубо ответила Самира. – Разыщи-ка слуг сама, моя госпожа. – Она упрямо стояла перед Ясаман, расставив ноги и выпятив подбородок. – Я любимица принца, и ты не заставишь меня делать то, чего я не хочу.

– Я не повторяю распоряжений дважды, – едва слышно произнесла Ясаман. – Иди выполняй приказание немедленно, или еще до полудня тебя продадут на рыночной площади. Поверь мне, Самира, сделать это в моей власти. – Принцесса повернулась и в сопровождении верных служанок вышла из гарема.

– Сделай-ка лучше, что она велит, – рассмеялась Тира, когда дверь за госпожой закрылась. – Она молода, Самира, она невеста принца, но я вижу, она не отступит. Или сделай одолжение, продолжай упрячиться. Никто из нас не заплачет, если тебя здесь не будет.

– Самой тебя не будет, – буркнула Самира. – Я не рабыня этой девчонке. Я принадлежу принцу Ямалу. Ее обращение невыносимо. Неужели, Тира, ты думаешь, что принц позволит жене продать хоть одну из своих женщин? Она хорохорится, потому что впервые попробовала член мужчины.

Она считает, что он любит ее и позволит делать все, что угодно, но скоро узнает, что это не так. Я поговорю с господином, когда он придет ночью. А он придет – женщина лишь раз теряет невинность, а после этого становится как все другие, выделяясь только своим умением. Сомневаюсь, что нежно взлелеянный королевский цветок обладает такими же способностями, как мы.

– Не дури, Самира! Девочка не только жена. Она – дочь Могола, – пыталась образумить компаньонку Тира. – Ее выдали замуж со смыслом. Уже ходят слухи, что Могол намеревается поручить нашему господину от своего имени править Кашмиром. Но это случится лишь в том случае, если дочь Могола окажется счастливой. А теперь иди и выполняй ее приказание, иначе ее гнев падет на всех нас.

– Ты глупа, Тира, – выкрикнула фаворитка. – Эта принцесса – несмышленная девчонка. Он часто будет с ней, пока она не забеременеет, а потом решит, что выполнил свой долг, и не будет больше обращать на нее никакого внимания. Ты считаешь, что, растолстев, она будет казаться ему привлекательной? Да ее раздует, как тыкву. Дочери Моголов предназначены лишь для того, чтобы вынашивать сыновей, и ни для чего больше. Мы – главные женщины в его жизни, а не эта бледнолицая сука!

– Пойду соберу слуг, – объявила Тире Лалита. – Они явятся, и принцесса не узнает, кто из нас выполнил ее приказание. Она будет удовлетворена и успокоится. – Женщина поспешила из гарема.

Самира самодовольно улыбнулась и принялась расчесывать свои длинные волосы гребнем из слоновой кости.

– Самира права, – вступила Лайла, пытаясь убедить Тиру и Нилак. – Она все знает о мужчинах.

– Может быть, и так, а может быть, и нет, – ответила Тира. – Она не сможет предсказать, не вскружит ли принцу голову жена. Гарем предназначен для молодых неженатых мужчин и для старых женатых. Но есть период, когда он вовсе не нужен. Господин взял себе жену и может взять еще трех. Какой ему толк теперь от нас? Мы сможем избежать гнева принцессы, если составим ей приятную компанию и не будем ее злить. Думаю, Самира, просить тебя об этом бесполезно. Так что, дамы, дни наши здесь сочтены. Приготовьтесь. Наша компаньонка из Самарканда рано или поздно нас подставит, и мы снова окажемся на улице.

Лайла и Нилак горестно переглянулись, а Самира лишь рассмеялась словам Тиры и продолжала расчесывать волосы, обмакивая гребень в терпкое мускусное масло. Тира покачала головой. Вот уж чему она будет рада, так это расставанию с Самирой, которая и в раю сумеет посеять рознь.

Слуги удивились, когда их стала собирать женщина из гарема. Этим дам слуги видели нечасто, кроме нескольких рабынь, носивших им еду и время от времени убиравших комнаты. Жизнь слуг была приятной – хозяин почти ничего не требовал от них. Еды было вдоволь, а спали они где хотели. Большинство проводило время в праздности: рыбачили, грелись на солнце, выращивали в саду для себя фрукты. Дары земли Ямал-хана они продавали, чтобы заработать лишние рупии и купить на них немного красивых вещей и запретное вино.

Ясаман, нетерпеливо постукивая ногой, поджидала их на террасе со стороны озера. Рядом стояли Адали, Рохана и Торамалли. Слуги опустились на колени и коснулись лбами пола террасы, затем сели на пятки и выжидательно взглянули на новую госпожу.

– Кто здесь старший управитель? – раздалось первые слова.

– Управитель умер год назад, милостивая принцесса, – ответил кто-то Ясаман.

– А ты кто? – спросила девушка.

– Хасан, повар, милостивая принцесса.

Ясаман заметила полупрозрачную маску, болтающуюся на шее Хасана. Конечно же, он повар. Она поняла бы это раньше, если бы так не разозлилась.

– Поскольку у вас нет старшего управителя, это место немедленно займет управитель из моего дворца. Вот он – Адали. Он всегда говорит от моего имени. Слушайте его беспрекословно и быстро. Работа предстоит большая. Вы забыли о своих обязанностях, но я вас в этом не виню, поскольку не было никого, кто бы распорядился вами. Здесь дом моего господина, и отныне все в нем должно быть в порядке. – Она улыбнулась им и, повернувшись, пошла прочь. Рохана и Торамалли отправились следом.

Адали оглядел взволнованные лица:

– Я служил еще у матери принцессы и ухаживаю за Ясаман Камой Бегум со дня ее рождения. Подкупить меня нельзя. Что было, то было. Сегодня каждый из вас начинает жить заново – такова воля принцессы, хотя, откровенно говоря, я считаю, что госпожа слишком снисходительна к вам. Учтите, я суров и не обладаю ее мягкостью. А теперь за работу. До заката покои принцессы должны быть готовы. Повар Хасан!

– Слушаю, господин управитель, – быстро отозвался тот.

– На ужин госпожа пожелала жареной речной рыбы, цыпленка и, может быть, немного тушеного мяса, приправленного карри. По поводу того, что любит и не любит принц, она поговорит с тобой позже. Сама же она предпочитает простую пищу, фрукты и овощи.

– Понятно, господин управитель!

– Ты с помощником свободен. А сейчас я опрошу всех остальных. – Адали принялся разбираться с каждым участком хозяйства, пока не остался на террасе один. Тогда с довольной улыбкой евнух поспешил в покои госпожи.

– Сколько ни три, эти комнаты не сделать красивыми, – пожаловалась Ясаман. – Слуги вовсю старались.

– Послать за вашими вещами к вам во дворец? – предложил Адали. – Мебель здесь состарилась и вышла из моды. А через озеро вещи несложно перевезти.

– Стены невыносимы, – сказала принцесса. – Узоры в грязи, камни выкрошились. Потребуются месяцы, чтобы их привести в порядок.

– Повесим ковры и гобелены, – успокоил ее Адали. – А когда здесь станет ваша мебель, госпожа, все вокруг делается привычным. Где сундуки?

– На террасе, там, где два дня назад их оставили наши люди, – нахмурилась Рохана. – И еще, Адали, здесь нет отдельной ванной для госпожи!

– А где, в таком случае, женская ванная?

– В гареме, – ответила служанка. – Что же делать, Адали? Не может же госпожа мыться в одной ванной с теми существами!

Евнух согласно кивнул – все здесь было не так, как надо. И все из-за того, что столь поспешно выдавали замуж Ясаман Каму Бегум. Дворец был совершенно не готов ее принять. Да никакую другую приличную женщину. Она не может здесь оставаться, решил Адали.

– Госпожа, – предложил он ей, – тебе следует вернуться к себе во дворец, пока мы не приведем в порядок этот. Позволь мне поговорить с принцем, я уверен, он согласится со мной. Потребуется время, чтобы сделать эти покои пригодными для тебя.

Ясаман огляделась. Возвращение к себе, к Ругайе Бегум не ускорит работ, но она реалистически смотрела на вещи. У нее не было выбора: мебель оказалась разорванной и гнилой, попытки вычистить помещение лишь подняли клубы пыли. Она несколько раз чихнула и расмеялась.

– Я буду спать в своем дворце, – объявила она, – но на день останусь здесь, чтобы приглядывать, как продвигаются дела. Салон в гареме довольно большой, и в нем есть фонтан. Адали, вызови строителей, пусть отгородят мне там отдельную ванную. Трубы для воды можно проложить под полом. – Она опять дважды чихнула. – Адали, сходи к господину и скажи, что мы решили. Он не будет возражать.

Ямал-хан и в самом деле не возражал. Он вернулся в покои принцессы вместе с Адали, осмотрел все вокруг и сморщился.

– Ты права, – согласился он. – Не скоро удастся сделать эти комнаты жилыми. Делай, что считаешь нужным, я не буду спорить.

– Ты поедешь со мной, господин? В моем дворце вполне хватит для тебя места.

– Думаю, принцесса, мне лучше остаться здесь и проследить, чтобы слуги снова не впали в леность.

– Чепуха, господин, – возразил принцу Адали. – Поезжай с невестой. Извини, что говорю тебе это, но ты ведь не привык к таким вещам, как управление хозяйством. Это мое дело.

– Ты прав, Адали, – благодарно ответил евнуху Ямал-хан. Управитель, судя по всему, был умным человеком, способным сделать жизнь приятной. – Время, проведенное наедине с невестой, поможет мне ее лучше узнать. – Он тепло посмотрел на Ясаман, и она застенчиво улыбнулась ему в ответ.

– Поезжайте немедленно, – посоветовал им Адали. – В такой тихий летний день приятно плыть по озеру. А позже приедут Рохана и Торамалли.

– Я научу тебя удить рыбу, – пообещал невесте Ямал-хан.

– Мне самой придется насаживать наживку? – заволновалась девушка, и принц снисходительно рассмеялся. «Какая она очаровательная», – думал он и, взяв за руку, проводил к лодке.

Вслед им искоса поглядывал Адали, а Рохана и Торамалли за его спиной не удержались и прыснули: с пяти лет Ясаман стала опытной рыбачкой. Она скакала на лошади, как воин, и много раз охотилась с отцом на тигров и газелей и, к тревоге Ругайи Бегум, была бесстрашна до безрассудства. Девушка великолепно владела оружием – луком и ружьем. Акбар и Салим дружно восхищались ее способностями, что все-таки не уменьшало страхов Ругайи.

– Посмотрим, кто будет верховодить в этом браке, – усмехнулся служанкам Адали.

– Тот, кому и положено, – весело ответили девушки. – Мужчины должны заниматься любовью и быть в состоянии оплачивать счета торговцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.